

ISSN 0205-9592

Том 44, Номер 5

Сентябрь – Октябрь 2023

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

<https://ras.jes.su/psy>

СОДЕРЖАНИЕ

Том 44, № 5, 2023

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ПСИХОЛОГИИ

К проблеме “памяти на движения” (опыт экспериментального исследования)

В. И. Гончаров

5

СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ

Социальная психология без границ: пятьдесят пять лет развития и достижений

С. Д. Гуриева, А. Л. Свенцицкий

16

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ

Экономический менталитет россиян в контексте психолого-исторического анализа

А. Л. Журавлев, Д. А. Китова

25

ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ

Репрезентация суицида в суицидальных мемах

С. А. Говоров, Е. М. Иванова, С. Н. Ениколопов

37

КРОССКУЛЬТУРНАЯ ПСИХОЛОГИЯ

В поисках сущности самосознания китайской нации

Я. Сунь, Ю. Цзюй

47

МЕТОДЫ И МЕТОДИКИ

Шкала чувствительности к шуму: психометрические характеристики русскоязычной версии

Д. А. Димитриев, Э. А. Баранова, О. С. Индейкина, Н. Ю. Шугаева

56

“Светлая триада”: адаптация и психометрические показатели

Д. С. Корниенко, В. К. Вязовкина, А. Н. Неврюев

66

Барьеры при достижении целей: особенности взаимосвязи шкал Grit и нейротизма

Т. А. Чиркина, М. А. Чурикова, А. Ю. Кучина

76

ИСТОРИЯ ПСИХОЛОГИИ

История психологии как сфера профессиональных интересов А.Л. Журавлева (к 75-летию со дня рождения).
Часть I. Наукометрический анализ публикаций

Ю. Н. Олейник

88

ПАМЯТНЫЕ ДАТЫ

Научное наследие профессора О.М. Тутунджяна (к 105-летию со дня рождения)

Р. В. Агузумян

103

НАШИ ЮБИЛЯРЫ

Нина Васильевна Кузьмина

116

Ольга Геннадьевна Носкова

118

CONTENTS

Vol. 44, No. 5, 2023

THEORETICAL AND METHODOLOGICAL PROBLEMS OF PSYCHOLOGY

To the Problem of “Memory for Movements” (Experimental Research Experience)

V. I. Goncharov 5

SOCIAL PSYCHOLOGY

Social Psychology without Borders: Fifty-Five Years of Development and Achievements

S. D. Gurieva, A. L. Svetsitskiy 16

ECONOMIC PSYCHOLOGY

Economic Mentality in the Context of Historical and Psychological Analysis

A. L. Zhuravlev, D. A. Kitova 25

PSYCHOLOGY OF PERSONALITY

Representation of Suicide in Suicide Memes

S. A. Govorov, E. M. Ivanova, S. N. Enikolopov 37

CROSS-CULTURAL PSYCHOLOGY

In Search of the Essence of Self-Consciousness of the Chinese Nation

Ya. Sun, Yu. Ju 47

METHODS AND PROCEDURES

Noise Sensitivity Scale: Psychometric Characteristics of the Russian Version

D. A. Dimitriev, E. A. Baranova, O. S. Indeykina, N. Yu. Shugaeva 56

“Light Triad”: Adaptation and Psychometric Indicators

D. S. Kornienko, V. K. Vyazovkina, A. N. Nevryuev 66

Barriers to Achieving Goals: Features of the Relationship Between Grit and Neuroticism Scales

T. A. Chirkina, M. A. Churikova, A. Yu. Kuchina 76

HISTORY OF PSYCHOLOGY

The History of Psychology as a Sphere of Professional Interests of A.L. Zhuravlev (To the 75th Anniversary of His Birth). Part I. Scientometric Analysis of Publications

Yu. N. Oleinik 88

MEMORABLE DATES

Scientific Heritage of Professor O. M. Tutunjan (To the 105th Anniversary of Birth)

R. V. Aguzumtsyan 103

On the Scientific Creativity and Personality of Academician of the Russian Academy of Education A. A. Bodalev (On the Occasion of the Centenary of his Birth)	
<i>V. A. Labunskaya, T. P. Skripkina</i>	109

OUR JUBELEES

Nina Vasilievna Kuzmina	116
Olga Gennadievna Noskova	118

**ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ
ПРОБЛЕМЫ ПСИХОЛОГИИ**

УДК 159.9

**К ПРОБЛЕМЕ “ПАМЯТИ НА ДВИЖЕНИЯ”
(ОПЫТ ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ)**

© 2023 г. В. И. Гончаров

*ФГАОУ ВО “Дальневосточный федеральный университет”;
690922, Приморский край, г. Владивосток, о. Русский, п. Аякс, д. 10, Россия.
Доктор психологических наук, профессор Департамента валеологии.
E-mail: victorgoncharov@yandex.ru*

Поступила 21.08.2022

Аннотация. Статья посвящена обзору результатов многолетних исследований автора проблемы “памяти на движения”. Этот вид памяти привлекал внимание немалого числа исследователей в начале—середине XX века, особенно со стороны представителей физической культуры и спорта. Однако в настоящее время он практически не исследуется и остается недостаточно изученным видом памяти. Потеря интереса исследователей к “памяти на движения” трудно объяснить высоким уровнем ее изученности. Скорее всего, продолжение ее изучения сталкивается с проблемами методико-диагностического характера и трудностями, связанными с возможностями обобщения и интерпретации полученных данных, их практического применения, что не способствует популярности таких исследований. Представленные в статье данные могут выступить основой для продолжения исследований проблемы “памяти на движения”.

Ключевые слова: двигательная память, проприоцептивная память, память на движения, память на схему (форму) движений, память на последовательность движений, память на протяженность (амплитуду) движений.

DOI: 10.31857/S020595920027720-8

“Память на движения” является специфическим видом памяти, отличающимся материалом для запоминания, который представляет из себя движения, имеющие временные, пространственные, скоростные и силовые характеристики. Область этой памяти — человек, совершающий движения. При этом запоминаться могут как чужие, так и собственные движения. В последнем случае используется двигательная (проприоцептивная) модальность восприятия информации.

“Память на движения” имеет важное значение в выработке двигательных умений и навыков [7]. Не случайно выделяется самая первая, чисто психологическая фаза в их формировании [13]. Она связана с созданием понятия и представления о двигательном действии, без чего процесс овладения новыми движениями невозможен.

“Память на движения” принимает самое непосредственное и ничем не заменимое участие в работе функциональных систем, обеспечивающих совершение двигательного действия. Можно сказать, что она является системообразующим фактором

двигательного действия, так как включена во все его стадии [7].

Несмотря на относительно продолжительное время изучения проблемы “памяти на движения”, история которого начинается с конца позапрошлого века (Жуковский, 1899; Шнейдер, 1894), в ней остается немало неизученных или слабо изученных вопросов. Это и процессы долговременной памяти на движения, и психофизиологические механизмы этой памяти, и индивидуальные способности к запоминанию движений и др.

**ПОНЯТИЯ “ПРОПРИОЦЕПТИВНАЯ
ПАМЯТЬ”, “ДВИГАТЕЛЬНАЯ ПАМЯТЬ”,
“ПАМЯТЬ НА ДВИЖЕНИЯ”**

В начале наших исследований по проблеме памяти, связанной с запоминанием движений, нами было рассмотрено само понятие “двигательная память” [4]. Было выявлено, что термин “двигательная память” распространяется на три различных

вида памяти. Во-первых, на информацию, полученную через двигательный анализатор; во-вторых, на движения вообще без учета канала поступления информации; в-третьих, на особый вид фиксации заученных двигательных действий посредством формирования двигательных навыков. Все это позволило заключить об определенном кризисе в трактовке понятий, касающихся запоминания движений, вносящем путаницу и неточности в их использовании и классификации.

Было предложено для обозначения памяти на информацию, полученную через *проприорецепторы* (*двигательный анализатор*), использовать термин “проприоцептивная память”, подчеркивая ее принадлежность к образной памяти, подобно зрительной, слуховой и другим видам памяти.

Память, выражающуюся в заучивании, сохранении и воспроизведении не образов движений, а самих двигательных действий, в так называемом “моторном научении” (по А. Бергсону (1913) это “телесная память”; по П.П. Блонскому (1935) — “моторная память”, или “память-привычка”; по И.С. Бериташвили (1974) — “условно-рефлекторная память”) было рекомендовано называть “двигательной памятью”, следуя первоначальному смыслу этого термина. В классификации Э. Тулвинга [30] она фигурирует как “процедурная память”, относится к низшей форме памяти, в которой хранятся связи между стимулами и ответными реакциями (рефлексы, навыки). Л. Сквайр [29], относя эту память к долговременной памяти, с чем нельзя не согласиться, обозначил ее как *имплицитную* (недекларативную) память. В его классификацию она включена наряду с *эксплицитной* (декларативной) памятью, связанной с эпизодической (на отдельные объекты и события) и семантической (на обобщенные знания об окружающем мире) видами памяти. *Имплицитная* память противопоставляется *эксплицитной*, хотя и с оговоркой, что эти два вида памяти могут иметь на каком-либо уровне общие механизмы [26; 28]. Но даже в этом сомневаются некоторые исследователи, предполагая, что маловероятно, чтобы они образовали однородную группу, отражающую общий механизм научения [22].

Модально-неспецифическую память на движения вообще предложено было обозначать термином “память на движения”, тем самым подчеркивая, что она направлена на запоминание особого специфического материала — движений. Эта память является специальной мультимодальной памятью, направленной на формирование и фиксацию как отдельных элементов, так и целостных образов двигательных действий. “Память на движения”

состоит из двух основных видов памяти — “памяти на форму” и “памяти на последовательность движений”. В нее, помимо *образной* (проприоцептивной, зрительной и др.), входит *словесно-логическая* и *эмоциональная* виды памяти. При этом нами были выявлены как единые механизмы, так и парциальность отдельных видов и сторон запоминания движений.

Структура “памяти на движения” представлена на рис. 1. Если запоминается одиночное движение, то в этой схеме как структурный компонент отсутствует “память на последовательность движений”.

Рис. 1. Структура “памяти на движения”.

ПРОИЗВОЛЬНАЯ КРАТКОВРЕМЕННАЯ ПРОПРИОЦЕПТИВНАЯ ПАМЯТЬ НА АМПЛИТУДЫ ДВИЖЕНИЙ

“Память на амплитуды (пространственные отрезки) движений” стала предметом изучения еще с конца XIX — начала XX века. (Жуковский, 1899; Шнейдер, 1894; Шумков, 1909). Пик ее исследования пришелся на 1960–1970-е гг., и сейчас эта память является наиболее изученным видом “памяти на движения”.

Приемы запоминания и воспроизведения. Анализ работ соответствующего профиля обнаружил минимум исследований, направленных на изучение мнемического действия по проприоцептивному запоминанию и воспроизведению *амплитуд движений*. Но основная их часть была выполнена в рамках когнитивных схем, опирающихся на “следы памяти”, “моторные программы”, “коды”, составленные

на основе периферической информации [21; 25; 27]. Мы обнаружили лишь две работы, рассматривающие *произвольные психологические механизмы* запоминания и воспроизведения амплитуд движений: Т.Б. Мейксона [14], в которой он исследовал применение приемов запоминания и воспроизведения пространственных параметров движения у школьников различного возраста; В.М. Девишвили, М.О. Мдивани, Н.В. Яковлевой [9], выделивших два способа запоминания и воспроизведения амплитуд движений — с опорой на время движения и на кинестетические пространственные ощущения.

Это определило мотив проведения собственного экспериментального исследования, в том числе с применением специальных регистрирующих устройств на кинематометре М.Н. Жуковского, программы *Silicon Coach PRO-6*.

Было показано [7; 8], что при задаче запомнить амплитуду движений, чаще сначала непроизвольно, позже сознательно, выбирается тот или иной прием запоминания. Все их можно объединить в группы: с ориентировками на пространственные представления, на скоростно-временные ощущения, мышечно-суставные ощущения, с опорой на несколько ощущений одновременно. При этом их выбор во многом зависит от предшествующего опыта. Лица, занимавшиеся спортом, по преимуществу выбирают приемы, связанные с опорой на мышечно-суставные ощущения, хотя часть приемов у них составляют те, которые используют скоростно-временные ощущения. Лица, не занимавшиеся спортом, чаще применяют приемы с опорой на пространственные представления.

При произвольном запоминании амплитуд движений применяются в основном приемы с ориентировкой не более чем на два ощущения или представления. Увеличение числа опорных параметров затруднительно.

Как на малых, так и на больших амплитудах движений из произвольных приемов наиболее эффективными являются те, где используются пары ощущений или представлений, в которые входят ориентировки на темп движений. Это, очевидно, определяется тем, что темп движений может воспроизводиться без усилий со стороны сознательного регулирования, практически непроизвольно, и позволяет лучше сохранять временной параметр движения при произвольной ориентировке на другие ощущения.

Хорошую продуктивность запоминания амплитуд движений показывает прием с опорой на угол в суставе и тактильно-мышечные ощущения, что

связано с очевидной совместимостью двух видов контроля: за углом в суставах, за мышечно-суставными ощущениями. Один вид контроля усиливает другой.

Плохое запоминание амплитуд движений показали комплексные приемы с использованием временных ощущений. Это, скорее всего, следует объяснять тем, что контроль за временем движения мешает контролировать другие эталоны, и, с другой стороны, подвергается помехам в этих условиях. Это, очевидно, является причиной и низкой продуктивности приема, совмещающего ориентировки на крайнюю границу амплитуды и тактильно-мышечные ощущения.

На малых амплитудах, за исключением приема с опорой на временной параметр, у остальных приемов с отдельно применяемыми ориентировками продуктивность запоминания низкая. На больших же амплитудах у этих приемов могут проявляться и высокие результаты запоминания амплитуд движений. По-видимому, на малой амплитуде дифференцировки ощущений (за исключением временных) в связи с малым временем движения и малой силой раздражителей затруднены. На больших же амплитудах такие затруднения отсутствуют, что облегчает запоминание. Запоминание короткого временного интервала провести проще, чем длинного, и поэтому прием с ориентировкой на время эффективнее на малых амплитудах, чем на больших.

Механизмы ошибок воспроизведения. Было обнаружено, что используются два основных приема запоминания и воспроизведения амплитуд движений без визуального контроля [7; 8]: первый — с преимущественной ориентировкой на *время движения*; второй — на *пространственное представление конечной границы амплитуды*. При первом приеме возникающие ошибки воспроизведения по преимуществу связаны с изменением скорости воспроизводящего движения. Увеличение скорости вызывает переводы, уменьшение — недоводы до воспроизводимой амплитуды. При ориентировке на крайнюю границу амплитуды ошибки воспроизведения в большинстве случаев не зависят от изменения скорости движения. Они связаны с деформацией пространственных ориентиров, их забыванием. При обоих типах воспроизведений (особенно при втором) чаще всего между изменением скорости и времени воспроизводящих движений наблюдается обратная связь. Увеличение скорости уменьшает время движения, уменьшение — увеличивает его.

Проведенное нами экспериментальное исследование позволяет утверждать, что при воспроизведении амплитуд движений, и, по всей видимости,

при воспроизведении любого другого материала посредством движений без дополнительного контроля (визуального и др.), могут возникать дополнительные ошибки на уровне двигательной эффекторной части воспроизведения. Они могут быть связаны в том числе с предварительной моторной нагрузкой, активизирующей двигательный аппарат и вызывающей мышечное напряжение.

Исследование показало [5], что и установка во многом определяет ошибки воспроизведения амплитуд движений. Она вызывает иллюзии восприятия пространственных параметров движений, что ведет к ошибкам в их репродукции. При этом установка вызывает по преимуществу ассимилятивные иллюзии.

Появление ошибок воспроизведения протяженности движений может быть связано с неосознанным смещением начальной границы движения, т.е. не только от проприоцептивных и моторных, но и механических причин. Смещение к крайней границе движения уменьшает, а в противоположную сторону увеличивает длину воспроизводимого движения. Хотя крайняя граница и смещается в большинстве случаев в ту же сторону. Ориентировка на временной параметр дает меньше ошибок, вызываемых смещением начальной точки амплитуды.

Зона неосознаваемости (приемлемости) ошибок воспроизведения. При проведении тестирования памяти на амплитуды движений без визуального контроля на кинематометре М.Н. Жуковского нами были замечены нередко проявляющиеся случаи корректировки протяженности движений при воспроизведениях в определенные моменты. Испытуемые уменьшали или увеличивали воспроизводимую

амплитуду или сразу после очередного воспроизведения, или в последующем воспроизведении, субъективно осознавая сам факт совершения ошибки, выражающийся в совершении движений по большей или меньшей амплитуде относительно заданной. В других случаях ошибки воспроизведения амплитуд движений просто не осознавались и, соответственно, не корректировались. Эти факты позволили нам предположить, что у субъектов, совершающих воспроизведение амплитуд движений, имеется *субъективная зона воспроизводимого эталона*, имеющая верхнюю и нижнюю границу, которую мы обозначили “зоной неосознаваемости (приемлемости)” соответствующих ошибок [9]. Непопадание в эту зону воспроизведенной амплитуды осознается как совершение ошибки, которая в большинстве случаев корректируется.

Возникновение ошибок воспроизведения амплитуд движений можно представить нижеследующей схемой (рис. 2).

На этой схеме учитываются ошибки, возникающие на *перцептивном* и *эффекторном* уровне. Кроме этого, включена “зона неосознаваемости (приемлемости) ошибок”. По схеме, если предъявляется амплитуда протяженностью 20 см, на перцептивном уровне запоминания может, к примеру, возникнуть ошибка в 5 см в сторону увеличения амплитуды или ее уменьшения. В этом случае субъективный эталон предъявляемого отрезка будет равен или 25 см, или 15 см. В процессе двигательного воспроизведения может возникнуть определенная эффекторная ошибка, на нашей схеме — в 5 см в ту или иную сторону. Воспроизведенные амплитуды тогда могут быть следующими: 10 и 20 см

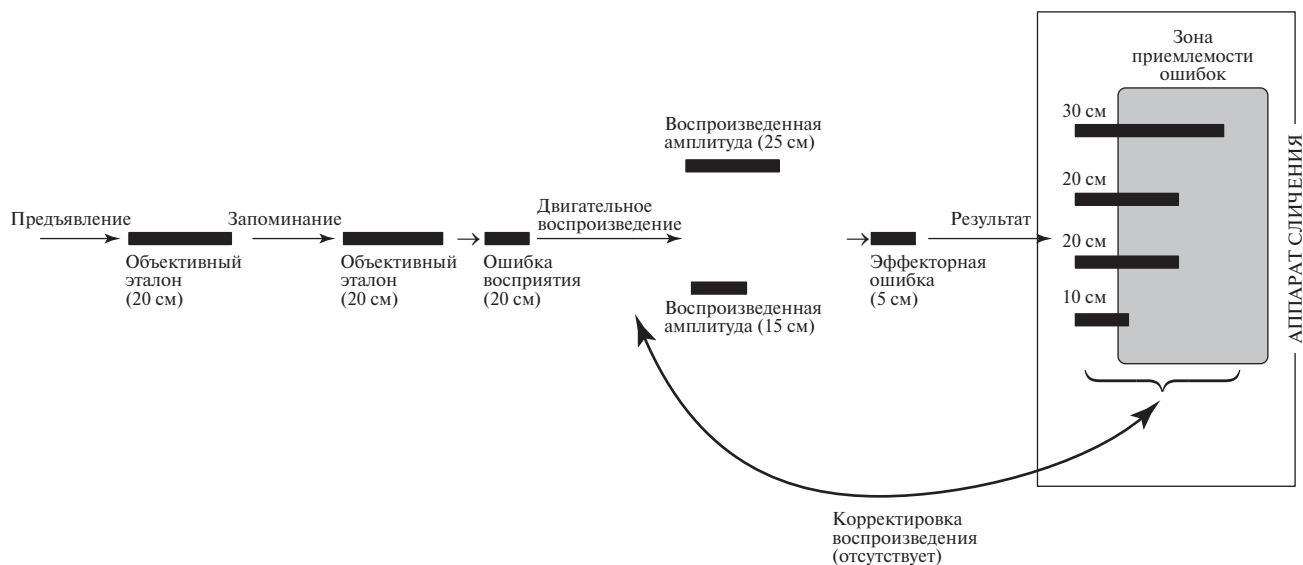

Рис. 2. Схема проприоцептивного запоминания и воспроизведения амплитуд движений.

от субъективного эталона в 15 см; 20 и 30 см от субъективного эталона в 25 см. Включенный в схему традиционный для моделей с кольцевым принципом управления движениями Н.А. Бернштейна и П.К. Анохина *аппарат сличения* оценивает соответствие воспроизведенной амплитуды субъективному эталону. Если она, с ошибками или без них, входит в “зону неосознаваемости ошибок” субъекта, корректировка воспроизведения, как и показано на нашей схеме, отсутствует.

Для оценки характеристик этих зон (их размаха, типа) была разработана специальная методика с доказанной валидностью и информативностью [6]. С помощью этой методики были выявлены определенные типы *зон неосознаваемости ошибок*: без сдвига и со сдвигом границ в сторону уменьшения/увеличения величины предъявленной амплитуды. У лиц, не занимающихся спортом, чаще наблюдается сдвиг границ зон неосознаваемости (приемлемости) в сторону уменьшения величины предъявленной амплитуды. У лиц, занимающихся спортом, границы зоны неосознаваемости более равномерно смещены в сторону уменьшения и увеличения предъявленной амплитуды. Кроме этого у спортсменов размах зон неосознаваемости (приемлемости) более узкий, что говорит о более четком представлении предъявляемых амплитуд.

Факторы продуктивности запоминания и воспроизведения. Эффективность запоминания амплитуд движений существенно зависит от каналов предъявления информации (зрительного, проприоцептивного) [7; 8]. Подтвердились результаты Н.В. Богуш [2] и К. Конноли, Б. Джонса [24] о том, что одномодальное предъявление и воспроизведение более эффективно, чем разномодальное. Проприоцептивный канал по сравнению со зрительным является более предпочтительным для запоминания амплитуд движений. Сочетание проприоцептивного и зрительного контроля в этих условиях в основном повышает прочность запоминания амплитуд и мало влияет на ее точность.

Количество предъявлений не влияет на точность запоминания амплитуд движений. Прочность же этого вида запоминания прогрессивно увеличивается при увеличении числа предъявлений. Однако их чрезмерное число может, наоборот, давать обратный эффект — ухудшать сохранение в памяти субъективного эталона амплитуд движений.

Воспроизведения амплитуд движений с корректировкой их протяженности со стороны экспериментатора, моделирующей естественные условия обучения, являются более эффективными как для адекватного формирования субъективного эталона, так и для его сохранения в памяти.

Традиционные предъявления амплитуд движений до ограничителя, установленного на задаваемых амплитудах, по типу обучения на тренажерах, меньше стимулируют мнемическую деятельность и в связи с этим менее эффективны для запоминания и сохранения в памяти амплитуд движений.

ПРОИЗВОЛЬНАЯ КРАТКОВРЕМЕННАЯ ПАМЯТЬ НА КОМПЛЕКСЫ ДВИЖЕНИЙ

Самыми первыми работами по “памяти на движения” как отдельному специальному виду памяти были работы К.А. Скобенникова [19]. В них автор изучал мнемическое действие по запоминанию вольных гимнастических упражнений. Было показано, что запоминание вольных упражнений базируется, в первую очередь, на понимании движений, включенных в комбинацию, на отражении связей и отношений между движениями и их элементами. Это осуществляется двумя путями.

Первый из них — это создание целостного представления о всей комбинации, опирающегося на чувственные образы восприятия, которое заключается в мысленном составлении схемы-плана запоминаемого упражнения и выглядит как установление примерной последовательности чередования содержащихся в упражнении движений. В основе деления упражнений на части лежат главным образом двигательные фразы, т.е. соединения элементов, включающие в себя ряд сходных действий, начинающихся и заканчивающихся определенными четко фиксированными исходными и конечными положениями. В других случаях при делении вольных упражнений на части учитывается сходство движений по их исполнению одинаковыми частями тела, по их преимущественному воздействию на соответствующие мышечные группы и физиологические системы организма и т.п.

Второй путь, по которому осуществляется понимание запоминаемых движений, связан с созданием правильного представления об отдельных движениях, входящих в комбинацию.

Было также показано, что *произвольное* запоминание вольных упражнений продуктивнее, чем *непроизвольное*, особенно при словесном описании упражнения. Словесное описание упражнения между его показами дает больший эффект, чем до показа.

Помимо этого было выявлено, что продуктивность запоминания вольных упражнений значительно выше при *целостном методе* разучивания, чем при *расчлененном*. Это выражается в большей

быстроте запоминания; большей полноте и точности запоминания движений в упражнении; в равномерности запоминания движений по тактам.

“Память на движения” изучалась и другими авторами [3; 10–12; 15–18; 20], в работах которых или подтверждались результаты, полученные К.А. Скобенниковым, или изучались отдельные частные вопросы, в том числе методического характера.

Тем не менее анализ работ по “памяти на движения” позволил заключить, что многие вопросы, связанные с этой памятью, являются или мало изученными, или вовсе не привлечшими внимание авторов. В связи с этим было проведено собственное исследование, в котором была поставлена задача изучения некоторых из этих вопросов, результаты которого представлены ниже.

Влияние возраста, двигательного опыта на особенности и продуктивность запоминания. В наших исследованиях [7], в которых материалом для запоминания и воспроизведения использовались комплексы физических упражнений, было показано, что у взрослых, имеющих значительный двигательный опыт, в том числе спортивный, и у не занимающихся регулярно спортом наблюдается как сходство, так и различия в использовании приемов запоминания комплексов движений. И те и другие соотносят запоминаемый материал со своим прошлым опытом, используют свои обозначения элементов, сопоставляют элементы комплексов друг с другом.

Спортсмены чаще используют деление комплекса на части, применяют проговаривание описания элементов про себя, повторение. Некоторые стараются запомнить комплекс целиком, как одно целое двигательное действие. Шире используют комплексное, полимодальное запоминание с акцентом на зрительное и двигательное (проприоцептивное) запоминание. Не-спортсмены чаще используют логические приемы запоминания, которые компенсируют им возможности соотнесения с элементами из прошлого опыта.

У младших школьников затруднены *самоотчеты* о приемах и способах запоминания комплексов движений. Это связано с известным фактом преобладания у них произвольного запоминания над произвольным. С возрастом интроспективные процессы усиливаются и самоотчеты о мнемической деятельности становятся более подробными и объективными.

Зрительное запоминание физических упражнений для детей и взрослых является предпочтительным. С возрастом чаще используется сочетание модально-специфических видов запоминания: зрительного, вербально-слухового, проприоцептивного.

От младших школьников к студентам усиливается *логическая обработка* запоминаемого материала. Используются такие логические приемы, как деление упражнения на части, сопоставление элементов внутри упражнения, сопоставление элементов с прошлым опытом, применение своих обозначений и др. Чаще используется проговаривание элементов, их повторение.

Зрительная и вербально-слуховая память на комплексы движений у не-спортсменов и спортсменов развиты практически одинаково, имеют примерно равную продуктивность. *Проприоцептивная память* на комплексы движений, связанная с их практическим исполнением, у лиц, имеющих большой двигательный опыт (спортсмены), лучше, чем у лиц, не занимающихся регулярно спортом.

Существуют различия в эффективности запоминания комплексов движений между представителями разных видов спорта, что связано, очевидно, со спецификой спортивной деятельности. Легкоатлеты лучше запоминают форму движений, баскетболисты — последовательность движений.

Спортсмены более высокой спортивной квалификации обладают более развитой проприоцептивной памятью на комплексы движений. Более богатый двигательный опыт и определяет это преимущество.

С возрастом, от младших школьников до студентов, наблюдается увеличение продуктивности “памяти на движения” (по показателям запоминания схемы (формы) и последовательности движений). При этом учащимся младших и средних классов намного легче дается запоминание формы движений, чем их последовательности, что определяется превалированием у них образного запоминания над словесно-логическим.

Влияние способов предъявления на продуктивность запоминания. Было показано [7], что в условиях, когда схема (форма) движений и их последовательность запоминаются раздельно, при обычной экспозиции средней длительности, среди отдельно применяемых методов самым предпочтительным для запоминания формы движений является показ. На эффективности запоминания последовательности движений выбор того или иного метода не отражается. При сочетании методов, особенно при включении активного исполнения, запоминание формы движений улучшается. Улучшение запоминания порядка следования движений в упражнении наблюдается при сочетании показа и описания упражнения. В тех же случаях, когда к показу и описанию подключается активное его исполнение, запоминание последовательности движений

ухудшается. Это, скорее всего, связано с отвлечением внимания на само выполнение упражнения, которое не наблюдается при запоминании формы движений.

При большой и короткой экспозиции лучший результат среди отдельно применяемых методов при запоминании и схемы (формы) движений, и их последовательности, дает метод показа. Однако при запоминании формы движений при короткой экспозиции преимущество имеет исполнение движений, что, очевидно, связано с более быстрым переводом информации на корковый уровень в условиях дефицита времени. Преимущество же показа следует, по-видимому, объяснять феноменом доминирования зрительной системы в сенсорно-перцептивной деятельности человека [1], что предусматривает визуализацию любых чувственных образов. После показа она облегчается.

При комплексном предъявлении в условиях длительной экспозиции хороший эффект дает сочетание всех трех методов: показа, описания и активного исполнения. Вместе с тем роль активного исполнения снижается, что связано с созданием благоприятных условий для всех применяемых методов за счет увеличения длительности экспозиции. Следует также отметить, что показ по своей эффективности не уступает сочетаниям методов.

При короткой экспозиции подключение активного исполнения улучшает запоминание схем движений. Наибольший эффект дает сочетание всех трех методов.

В условиях кратковременной и длительной экспозиции, как и при предъявлениях в среднем темпе, активное исполнение ухудшает запоминание последовательности движений, предпочтительно сочетание описания с показом. Однако отдельно применяемый метод показа дает результат не хуже.

По сравнению с раздельным запоминанием в условиях одновременного запоминания и формы движений и их последовательности эффективность способов предъявления (показа, описания, исполнения) может меняться. При этом она примерно одинаковая как для запоминания формы, так и для запоминания последовательности, что говорит о едином мнемическом механизме этих видов запоминания в условиях единой мнемической задачи и о целостном характере запоминания комплекса.

В условиях единой мнемической задачи при применении изолированных методов самым эффективным способом для запоминания схемы (формы) движений является способ пассивного исполнения (проводка движений со стороны), наименее эффективным — метод описания, во всяком случае

для лиц с богатым двигательным опытом. Сочетание способов улучшает этот вид запоминания лишь при подключении других способов к описанию.

При одновременном запоминании и формы и последовательности движений при применении изолированных методов наиболее благоприятным для запоминания последовательности движений является способ исполнения, наименее благоприятным — способ описания. Сочетание способов улучшает запоминание последовательности движений лишь в случае подключения других способов к способу описания. Хуже всего последовательность движений запоминается при сочетании показа и исполнения движений.

Влияние способов воспроизведения на продуктивность воспроизведения. Эффективность воспроизведения комплексов движений зависит не только от выбранных способов их предъявления, но и от способов воспроизведения запомненного материала [7]. То есть значение имеют не только манипуляции с двигательным материалом на входе, но и на выходе. Это связано с реконструкцией, а не репродукцией зафиксированного материала, на которую указывал еще Ф. Бартлетт [23].

Наиболее эффективным из рассмотренных способов воспроизведения комплексов движений вне зависимости от использованного способа запоминания является *зрительный способ*, заключающийся в зарисовке поз в элементах упражнения. Правда, он имеет одинаковую эффективность с *двигательным воспроизведением* при пассивно-двигательном предъявлении.

Это, как мы уже отметили, определяется доминированием зрительной системы в сенсорно-перцептивной организации человека, о которой в свое время говорил Б.Г. Ананьев [1]. Оно предполагает визуализацию любых чувственных сигналов и образов. Такая визуализация облегчает и ускоряет зрительное воспроизведение. Происходит прямая репродукция зрительного образа. Пассивно-двигательное запоминание, очевидно, облегчает формирование зрительно-двигательного образа движений, что помогает двигательному воспроизведению, который по эффективности при таком способе предъявления не уступает зрительному. *Вербальное воспроизведение* (описание упражнения) заставляет проводить дополнительную работу по вербализации зрительного образа, что усложняет и замедляет процесс воспроизведения. Такое ухудшение при вербальном воспроизведении комплексов движений путем их описания после показа (зрительный образ) было обнаружено и в исследовании В.Л. Скитневского [18].

Увеличение же общего времени воспроизведения, которое происходит в идущих друг за другом попытках правильно воспроизвести предъявленный комплекс движений, уравнивает возможности способов воспроизведения. Их эффективность становится практически одинаковой.

Способы предъявления оказывают разное влияние на эффективность воспроизведения комплексов движений при применении различных способов воспроизведения. Каждый из способов воспроизведения имеет более подходящие для него способы предъявления. То есть успешность операций с информацией на выходе находится в зависимости от формы и особенностей его организации на входе. Зрительный способ подачи информации является предпочтительным и дает почти всегда лучшие результаты вне зависимости от способа воспроизведения. Неблагоприятное влияние на все рассмотренные способы оказывает пассивно-двигательное предъявление комплексов движений. Вместе с тем при сходстве способов предъявления и воспроизведения эффективность и вербального, и двигательного воспроизведения может повышаться и доходить до уровня, достигаемого при зрительном предъявлении.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенное нами исследование памяти, связанной с запоминанием, сохранением и воспроизведением особого материала — движений, выявило путаницу и некорректное использование термина “двигательная память”, под которым различные авторы понимают три различных вида памяти. Было предложено обозначать термином “проприоцептивная память” память на информацию, полученную через *проприорецепторы (двигательный анализатор)*; термином “двигательная память” — память, выражающуюся в заучивании, сохранении и воспроизведении не образов движений, а *самих двигательных действий*; “памятью на движения” — память на движения вообще, выделяемую по запоминаемому материалу — *движениям*.

При запоминании отрезков (амплитуд) движений без визуального контроля (проприоцептивная память) используются определенные произвольные приемы запоминания и воспроизведения. Их выбор может быть случайным или сознательным, зависящим в числе прочего и от двигательного опыта (занятий спортом).

Используемые приемы запоминания и воспроизведения амплитуд движений могут иметь разную эффективность. Как на малых, так и на

больших амплитудах движений из произвольных приемов наилучшие показатели воспроизведения дают те из них, в которых сочетаются ощущения и представления, ориентированные на темп движений.

Проведенное нами экспериментальное исследование позволяет утверждать, что при воспроизведении амплитуд движений, могут возникать дополнительные ошибки на уровне двигательной эффекторной части воспроизведения. Они могут быть связаны с предварительной моторной нагрузкой, активизирующей двигательный аппарат и вызывающей мышечное напряжение.

Исследование также показало, что и установка во многом определяет ошибки воспроизведения амплитуд движений. Она вызывает иллюзии восприятия пространственных параметров движений, что ведет к ошибкам в их репродукции. При этом установка вызывает по преимуществу ассимилятивные иллюзии.

Появление ошибок воспроизведения протяженности движений может быть связано с неосознанным смещением начальной границы движения, т.е. с механическими причинами. Смещение к крайней границе движения уменьшает, а в противоположную сторону увеличивает длину воспроизводимого движения.

У лиц, совершающих воспроизведение амплитуд движений, имеется субъективная зона воспроизводимого эталона, имеющая верхнюю и нижнюю границу, которую мы обозначили как “зона неосознаваемости (приемлемости) ошибок воспроизведения”. Непопадание в эту зону воспроизведенной амплитуды, осознается как совершение ошибки, которая в большинстве случаев корректируется.

Характер мнемического действия по запоминанию комплексов движений носит индивидуальный характер и зависит как от возраста занимающихся, так и от их двигательного опыта.

Продуктивность памяти на движения с возрастом увеличивается, способы и приемы запоминания становятся более разнообразными с применением большего числа логических приемов, чаще используется сочетание модально-специфических видов запоминания: зрительного, вербально-слухового, проприоцептивного.

Спортсмены чаще применяют деление комплекса на части, проговаривание описания элементов про себя, повторение. Они шире используют комплексное, полимодальное запоминание с акцентом на зрительное и двигательное (проприоцептивное) запоминание.

Эффективность запоминания комплексов движений определяется как выбором способов запоминания (манипуляции с материалом на входе), так и способов воспроизведения (манипуляции с запомненным материалом на выходе). Влияние способов может зависеть от длительности экспозиции предъявления двигательного материала.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Ананьев Б.Г.* О проблемах современного человекознания. М.: Наука, 1977.
2. *Богущ Н.Р.* Исследование точности воспроизведения пространственных признаков движений // Труды Киевского государственного института физической культуры. Вып. 6. 1958. С. 38–45.
3. *Богущ Н.Р.* Особенности запоминания комплекса элементарных движений при различных формах мнемической деятельности // XVIII Международный психологический конгресс. Симпозиум 22. Память и деятельность. М., 1966. С. 187–190.
4. *Гончаров В.И.* Исследование двигательной памяти // Вопросы психологии. 1991. № 3. С. 75–79.
5. *Гончаров В.И.* Исследование установки как перцептивного механизма ошибок воспроизведения амплитуд движений // Вестник Бурятского университета. 2005. Сер. 10. № 2. С. 263–275.
6. *Гончаров В.И.* “Зона приемлемости” ошибок воспроизведения амплитуд движений как объективный и субъективный феномен // Ученые записки университета им. П.Ф. Лесгафта. 2007. № 7 (29). С. 34–38.
7. *Гончаров В.И.* Память на движения как мнемический компонент процесса формирования двигательных навыков в физической культуре и спорте: дис. ... докт. психол. наук. СПб, 2009.
8. *Гончаров В.И.* Исследование проприоцептивной памяти на амплитуды движений // Физическая культура и спорт в современном обществе. Материалы Всероссийской научно-практической конференции / Под ред. С.С. Добровольского. Хабаровск: ДВГАФК, 2019. С. 106–111.
9. *Девшивили В.М., Мдивани М.О., Яковлева Н.В.* Способы контроля при воспроизведении амплитуды движения // Вестник Московского университета. Сер. 14: Психология. 1984. № 3. С. 20–26.
10. *Демидов Н.Н.* О точности выполнения упражнений юными гимнастами (к проблеме двигательной памяти) // Теория и практика физической культуры. 1976. № 12. С. 25–27.
11. *Канишевский С.М.* Память движения // Легкая атлетика. 1977. № 7. С. 21.
12. *Локалова Н.П.* Продуктивность двигательной памяти и особенности когнитивных систем // Новые исследования в психологии и возрастной физиологии. 1989. № 2. С. 18–23.
13. *Мазниченко В.Д.* Методологические предпосылки к пониманию сущности и механизмов двигательных навыков // Теория и практика физической культуры. 1984. № 7. С. 49–50.
14. *Мейксон Г.Б.* Произвольное запоминание школьниками основных параметров движений: автореф. дис. ... канд. пед. наук. М., 1968.
15. *Мельников В.М.* Двигательные представления и их значение в управлении движениями (экспериментальное исследование на материале спорта): автореф. дис. ... докт. психол. наук. М., 1973.
16. *Менхин А.В.* Исследование двигательной памяти и определение рационального режима обучения новым гимнастическим движениям: автореф. дис. ... канд. пед. наук. М., 1970.
17. *Онищенко И.М.* Запоминание общеразвивающих упражнений при различных условиях их выполнения // Труды Киевского государственного института физической культуры. № 6. 1958. С. 46–52.
18. *Скитневский В.Л.* Психологические особенности усвоения школьниками учебного материала по физической культуре: автореф. дис. ... канд. пед. наук. Л., 1989.
19. *Скобенников К.А.* Запоминание движений при разучивании вольных упражнений в гимнастике // Вопросы психологии спорта / Под ред. А.Ц. Пуни. М.: ФиС, 1955. С. 83–124.
20. *Сурков Е.Н.* О роли “слова” и “показа” в запоминании гимнастических упражнений // Теория и практика физической культуры. 1952. № 5. С. 519–525.
21. *Adams I.A.* A closed-loop theory of motor learning // Journal of Motor Behavior. 1971. V. 3. № 2. P. 111–150.
22. *Baddeley A., Eysenck M.W., Anderson C.* Memory. New York: Psychology Press, 2009.
23. *Bartlett F.C.* Remembering: A study in experimental and social psychology. New York: Cambridge University Press, 1932.
24. *Connolly K., Jones B.* A developmental study of afferent–reafferent integration // British Journal of Psychology. 1970. V. 61. P. 259–266.
25. *Laslo J.I., Manning L.C.* The role of motor programming, command and standard in the central control of skilled performance // Journal of Motor Behavior. 1970. V. 2. № 2. P. 111–124.
26. *Neath I., Surprenant A.* Human Memory: An introduction to research, data and theory. 2nd ed. Belmont, CA: Wadsworth, 2003.
27. *Reid G., Marisi D.Q.* Overt rehearsal in short-term motor memory // Perceptual and Motor Skills. 1982. V. 55. № 1. P. 228–230.

28. *Roediger H.L., McDermott K.B.* Encoding specificity in perceptual priming // *Fechner Day 93: Proceedings of the International Society for Psychophysics*. 1993. Madrid. P. 227–232.
29. *Squire L.R.* Declarative and nondeclarative memory: Multiple brain systems supporting learning and memory // *Journal of Cognitive Neuroscience*. 1992. V. 4. № 3. P. 232–243.
30. *Tulving E.* Episodic and semantic memory // *Organization of memory* / Eds. E. Tulving, W. Donaldson. Cambridge, MA: Academic Press, 1972. P. 381–403.

TO THE PROBLEM OF “MEMORY FOR MOVEMENTS” (EXPERIMENTAL RESEARCH EXPERIENCE)

V. I. Goncharov

*Far Eastern Federal University;
690922, Primorsky Krai, Vladivostok, Russian Island, Ajax village, 10, Russia.
ScD (Psychology), Professor of the Department of Valeology.
E mail: victorgoncharov@yandex.ru*

Received 21.08.2022

Abstract. The article is devoted to the review of the results of the author’s own long-term research on “memory for movements”. This type of memory attracted the attention of a considerable number of researchers in the early–mid 20th century, especially from representatives of physical culture and sports. However, at present it is practically not investigated and remains an insufficiently studied type of memory. The loss of researchers’ interest in “memory for movements” is difficult to explain by the high level of its study. Most likely, the continuation of its study faces problems of a methodological and diagnostic nature and difficulties associated with the possibilities of generalization and interpretation of the data obtained, their practical application, which does not contribute to the popularity of such studies. The data presented in the article can serve as a basis for continuing research on the problem of “memory for movements”.

Keywords: motor memory, proprioceptive memory, memory for movements, memory for the scheme (form) of movements, memory for the sequence of movements, memory for the extent (amplitude) of movements.

REFERENCES

1. *Anan’ev B.G.* O problemakh sovremennogo chelovekoznanija. Moscow: Nauka, 1977. (In Russian)
2. *Bogush N.R.* Issledovanie tochnosti vosproizvedenija prostranstvennykh priznakov dvizhenij. *Trudy Kievskogo gosudarstvennogo instituta fizicheskoy kul’tury*. V. 6. 1958. P. 38–45. (In Russian)
3. *Bogush N.R.* Osobennosti zapominaniya kompleksa ehlementarnykh dvizhenij pri razlichnykh formakh mnemicheskoy dejatel’nosti. XVIII Mezhdunarodnyy psikhologicheskij kongress. Simpozium 22. *Pamjat’ i dejatel’nost’*. Moscow, 1966. P. 187–190. (In Russian)
4. *Goncharov V.I.* Issledovanie dvigatel’noy pamjati. *Voprosy psikhologii*. 1991. № 3. P. 75–79. (In Russian)
5. *Goncharov V.I.* Issledovanie ustanovki kak perceptivnogo mekhanizma oshibok vosproizvedenija amplitud dvizhenij. *Vestnik Burjatskogo universiteta*. 2005. Ser. 10. № 2. P. 263–275. (In Russian)
6. *Goncharov V.I.* “Zona priemlemosti” oshibok vosproizvedenija amplitud dvizhenij kak ob’ektivnyy i sub’ektivnyy fenomen. *Uchenye zapiski universiteta im. P.F. Lesgafta*. 2007. № 7 (29). P. 34–38. (In Russian)
7. *Goncharov V.I.* *Pamjat’ na dvizheniya kak mnemicheskij komponent processa formirovaniya dvigatel’nykh navykov v fizicheskoy kul’ture i sporte: dis. ... dokt. psikhol. nauk*. Saint Petersburg, 2009. (In Russian)
8. *Goncharov V.I.* Issledovanie proprioceptivnoy pamjati na amplitudy dvizhenij. *Fizicheskaya kul’tura i sport v sovremennom obshchestve. Materialy Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferencii*. Ed. S.S. Dobrovolskii. Khabarovsk: DVGAFK, 2019. P. 106–111. (In Russian)
9. *Devishvili V.M., Mdivani M.O., Jakovleva N.V.* Sposoby kontrolja pri vosproizvedenii amplitudy dvizheniya. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 14: Psikhologiya*. 1984. № 3. P. 20–26. (In Russian)
10. *Demidov N.N.* O tochnosti vypolneniya uprazhnenij junymi gimnastami (k probleme dvigatel’noy pamjati). *Teoriya i praktika fizicheskoy kul’tury*. 1976. № 12. P. 25–27. (In Russian)
11. *Kanishevskij S.M.* *Pamjat’ dvizheniya. Legkaya atletika*. 1977. № 7. P. 21. (In Russian)

12. *Lokalova N.P.* Produktivnost' dvigatel'nojj pamjati i osobennosti kognitivnykh system. *Novye issledovanija v psikhologii i vozrastnoj fiziologii*. 1989. № 2. P. 18–23. (In Russian)
13. *Maznichenko V.D.* Metodologicheskie predposylki k ponimaniju sushhnosti i mekhanizmov dvigatel'nykh navykov. *Teoriya i praktika fizicheskoy kul'tury*. 1984. № 7. P. 49–50. (In Russian)
14. *Mejjkson G.B.* Proizvol'noe zapominanie shkol'nikami osnovnykh parametrov dvizhenij: avtoref. dis. ... kand. ped. nauk. Moscow, 1968. (In Russian)
15. *Mel'nikov V.M.* Dvigatel'nye predstavleniya i ikh znachenie v upravlenii dvizhenijami (ehksperimental'noe issledovanie na materiale sporta): avtoref. dis. ... dokt. psikh. nauk. Moscow, 1973. (In Russian)
16. *Menkhin A.V.* Issledovanie dvigatel'nojj pamjati i opredelenie racional'nogo rezhima obucheniya novym gimnasticheskim dvizhenijam: avtoref. dis. ... kand. ped. nauk. Moscow, 1970. (In Russian)
17. *Onishhenko I.M.* Zapominanie obshherazvivajushhikh uprazhnenij pri razlichnykh usloviyakh ikh vypolneniya. *Trudy Kievskogo gosudarstvennogo instituta fizicheskoy kul'tury*. № 6. 1958. P. 46–52. (In Russian)
18. *Skitnevskij V.L.* Psikhologicheskie osobennosti usvoeniya shkol'nikami uchebnogo materiala po fizicheskoy kul'ture: avtoref. dis. ... kand. ped. nauk. Leningrad, 1989. (In Russian)
19. *Skobennikov K.A.* Zapominanie dvizhenij pri razuchivani vol'nykh uprazhnenij v gimnastike. *Voprosy psikhologii sporta*. Ed. A.C. Puni. Moscow: FiS, 1955. P. 83–124. (In Russian)
20. *Surkov E.N.* O roli “slova” i “pokaza” v zapominanii gimnasticheskikh uprazhnenij. *Teoriya i praktika fizicheskoy kul'tury*. 1952. № 5. P. 519–525. (In Russian)
21. *Adams I.A.* A closed-loop theory of motor learning. *Journal of Motor Behavior*. 1971. V. 3. № 2. P. 111–150.
22. *Baddeley A., Eysenck M.W., Anderson C.* *Memory*. New York: Psychology Press, 2009.
23. *Bartlett F.C.* *Remembering: A study in experimental and social psychology*. New York: Cambridge University Press, 1932.
24. *Connolly K., Jones B.* A developmental study of afferent–reafferent integration. *British Journal of Psychology*. 1970. V. 61. P. 259–266.
25. *Laslo J.I., Manning L.C.* The role of motor programming, command and standard in the central control of skilled performance. *Journal of Motor Behavior*. 1970. V. 2. № 2. P. 111–124.
26. *Neath I., Surprenant A.* *Human Memory: An introduction to research, data and theory*. 2nd ed. Belmont, CA: Wadsworth, 2003.
27. *Reid G., Marisi D.Q.* Overt rehearsal in short-term motor memory. *Perceptual and Motor Skills*. 1982. V. 55. № 1. P. 228–230.
28. *Roediger H.L., McDermott K.B.* Encoding specificity in perceptual priming. *Fechner Day 93: Proceedings of the International Society for Psychophysics*. 1993. Madrid. P. 227–232.
29. *Squire L.R.* Declarative and nondeclarative memory: Multiple brain systems supporting learning and memory. *Journal of Cognitive Neuroscience*. 1992. V. 4. № 3. P. 232–243.
30. *Tulving E.* Episodic and semantic memory. *Organization of memory*. Eds. E. Tulving, W. Donaldson. Cambridge, MA: Academic Press, 1972. P. 381–403.

УДК: 316.6; 159.9.019

СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ БЕЗ ГРАНИЦ: ПЯТЬДЕСЯТ ПЯТЬ ЛЕТ РАЗВИТИЯ И ДОСТИЖЕНИЙ

© 2023 г. С. Д. Гуриева*, А. Л. Свенцицкий**

*Санкт-Петербургский государственный университет;
199034, г. Санкт-Петербург, наб. Университетская 7/9, Россия.*

**Доктор психологических наук, профессор, зав. кафедрой социальной психологии факультета психологии.
E-mail: gurievasv@gmail.com*

***Доктор психологических наук, профессор факультета психологии.
E-mail: social.psychology@spbu.ru*

Поступила 15.06.2023

Аннотация. Рассматривается научно-исследовательская работа первой в отечественной психологической науке кафедры социальной психологии, созданной в Санкт-Петербургском (Ленинградском) университете в 1968 году, отмечающей 55 лет. Благодаря интеллектуальным и временным ресурсам сотрудников кафедры и факультета, совершен колоссальный прорыв в развитии — от первых попыток определения предмета и методов социальной психологии, до современных масштабных исследований, затрагивающих самые разные направления науки. Одними из основных проблем кафедры, остаются такие феномены, как социальный капитал личности и организации, доверие в организации, проактивное конструирование работы и карьеры, субъективное благополучие сотрудников организации и многие другие. Обобщен опыт многочисленных исследований, представлены научные результаты, обозначены перспективы дальнейших исследований и развития кафедры социальной психологии СПбГУ.

Ключевые слова: социальный капитал личности и организации, доверие как основа социального капитала, нетворкинг-стратегии личности, проактивное конструирование работы и карьеры.

DOI: 10.31857/S020595920027721-9

Социальная психология в течение многих лет является одним из наиболее интенсивно развивающихся направлений деятельности факультета психологии Санкт-Петербургского государственного университета. Созданная здесь в 1968 году кафедра социальной психологии изначально проводила свою научную работу в различных сферах жизнедеятельности нашего общества. «Можно сказать, что к этому времени возникли все предпосылки, необходимые для открытия кафедры социальной психологии в Ленинградском университете, и 28 августа 1968 года был отдан соответствующий приказ министра высшего и среднего специального образования РСФСР. Это была первая кафедра социальной психологии в стране» [9, с. 84]. Начиная с самых первых лет создания кафедры социальной психологии, научные интересы были сосредоточены преимущественно на прикладных исследованиях [7–8; 10]. Отражением этих усилий и трудов являются опубликованные материалы исследований, проведенных на промышленных предприятиях, в учреждениях государственного

управления, школах, вузах, организациях системы здравоохранения, центрах искусства и культуры, спортивных коллективах. Данные исследования успешно использовались при оптимизации их деятельности. К примеру, методические рекомендации и разработки по совершенствованию социально-психологических отношений в трудовых коллективах экспонировались на ВДНХ СССР в Москве в 1969 и 1970 гг.

Актуальность научной проблемы, теоретические и прикладные возможности, раскрывающиеся при изучении того или иного социально-психологического явления — именно эти факторы определяют тематику исследований на протяжении 55 лет деятельности кафедры.

Все большую научную актуальность в последние годы приобретает проблема социального капитала, хотя ее нельзя назвать новой в полном смысле. Отправляясь от метафоры к сути концепции прежде всего отметим, что понятие «социальный капитал» («социальное богатство») введено в научный

оборот тремя социологами: французом П. Бурдьё и американцами Д. Коулманом и Р. Патнамом, чьи работы, опубликованные в 1980-х — начале 1990-х годов, служат источниками современных теоретических и эмпирических изысканий и на сегодняшний день [8].

В соответствии со взглядами родоначальников концепции можно определить социальный капитал как социальное богатство индивида или общности людей, которое выражается в их включенности в своеобразную сеть прочных взаимосвязей на основе взаимного уважения и признания, что предоставляет доступ к различным ресурсам партнеров. Вместе с тем, по замечанию П. Бурдьё, для того чтобы социальный капитал сохранял свою ценность, индивиды должны “работать над ним”.

Различные аспекты социального капитала сравнительно давно исследуются в западной социологии. Накоплен уже значительный эмпирический и теоретический материал, позволяющий делать соответствующие умозаключения. Поскольку проблема социального капитала, несомненно, выглядит как междисциплинарная, то временами к ее анализу подключаются даже экономисты, реагируя, видимо, на термин “капитал”. Так, одна группа экономистов считает социальный капитал исключительно индивидуальным свойством, включающим в себя такие черты, как социальное умение, харизму и формат часов “Ролекс”, что “дает ему возможность пожинать плоды своей “рыночности” или “нерыночности” при взаимодействии с другими” [16, с. 437–458]. Очевидно, что в дальнейших комментариях здесь нет необходимости.

Все более расширяется сфера применения теоретических и прикладных знаний в области психологии. Но именно социальной психологии принадлежит заметное место среди психологических наук. Эти знания используются при решении различных задач в области управления персоналом организаций, эффективного функционирования предприятий, работе органов государственного управления, в процессе функционирования учебно-воспитательных, медицинских и научно-исследовательских учреждений, профессиональных сообществ и т.д. [2, с. 200–208].

В начале XXI в. основным источником развития организационной социальной психологии стали работы, поддерживаемые грантами в направлении организационной социальной психологии. Основное внимание сотрудников, руководителей и исполнителей грантов было уделено наиболее актуальным проблемам социального капитала организаций. Учеными (Журавлев А.Л., Почебут Л.Г., Чикер В.А.) была разработана современная концепция

социального капитала, понимаемого как единое смысловое пространство, возникающее на основе взаимного доверия сотрудников, приверженности нормам и целям организации, создании и поддержании репутации во внешней и внутренней среде [3].

Специально анализируются методологические аспекты изучения консолидации социального капитала, различные стороны просоциального поведения в современных условиях, особенности гендерных отношений и гендерного неравенства в современных организациях [17]. Все проводимые исследования служат толчком к переходу от описательных научных концепций к научно-обоснованным, эмпирически проверенным моделям, позволяющим разрабатывать новые подходы в области социальной психологии.

Несомненно, что феномен социального капитала является объектом междисциплинарных исследований. Так, научные работы по данной проблематике публикуются в западных журналах по организационному поведению, менеджменту, политологии, психологии, экономике, здравоохранению и другим областям знания (нами обнаружена даже статья в одном американском журнале по криминологии). Однако при этом нельзя не отметить, что западные авторы обращают явно недостаточное внимание на социально-психологические компоненты социального капитала. Исходя из вышесказанного, мы обратились именно к данной проблематике при поддержке гранта СПбГУ в 2008 г. На первом этапе в этой работе принимали участие преподаватели кафедры (А.Л. Свенцицкий — научный руководитель проекта) Л.Г. Почебут, И.В. Кузнецова, Л.В. Мара-рица, Т.В. Казанцева, М.И. Килошенко.

На наш взгляд, научная разработка социально-психологических проблем социального капитала актуальна для современной России. Помимо выявления особенностей связей какого-либо человека с другими в различных социальных ситуациях (что, несомненно, обогащает теорию социальной психологии), действенное внимание к проблемам социального капитала является важным и по другой причине. Можно взглянуть на эти проблемы шире, исходя из важности стабильности общественно-политической системы. Если фундаментом социального капитала является доверие людей друг другу, то формирование и укрепление гражданского общества невозможно без возрастания уровня межличностного доверия как в рамках каких-либо социальных групп, так и во всем обществе.

Научная новизна нашей работы была обусловлена почти полным отсутствием отечественных исследований, рассматривающих социально-психо-

логическую природу социального капитала, ее специфику, отдельные компоненты и их взаимосвязь, стратегии и тактики накопления, а затем использования на практике.

Проведенный нами анализ научной литературы позволил сформулировать основные методологические принципы изучения социального капитала с учетом того, что этот феномен предоставляет возможность исследователям по-новому взглянуть на различные аспекты межличностных отношений.

Прежде всего, нами подчеркивается, что социальный капитал следует рассматривать как определенную систему доверительных отношений между членами этой или иной общности. На индивидуальном уровне социальный капитал понимается как совокупность межличностных связей личности, предоставляющих ей и ее партнерам взаимный доступ к различным видам ресурсов друг друга.

Тематика нашего исследования прежде всего требовала определить основные социально-психологические характеристики социального капитала личности. Здесь нельзя не отметить, что первым из отечественных психологов обратился к данной тематике П.Н. Шихирев. Он выдвинул гипотезу, что социальный капитал порождается необходимостью соединения неких особых качественных отношений между людьми с их жизнедеятельностью. В первую очередь речь идет о социабельности человека — его коммуникабельности, доброжелательности, миролюбивости и тому подобных морально-психологических качествах в деловой среде [11].

Подробный анализ, проведенный нашей исследовательской группой, позволили выявить перечень основных социально-психологических характеристик социального капитала личности. Приводим этот перечень: 1) количество социальных контактов; 2) ресурсы партнеров (их содержание); 3) диапазон контактов личности (их разнородность); 4) качество контактов, включающих в первую очередь доверие, взаимность, удовлетворенность отношениями, надежность контактов; 5) человек может осознанно вырабатывать собственные стратегии использования социального капитала для достижения далеко идущих целей или неосознанно и непрерывно накапливать его в ходе общения с “нужными” людьми.

Существуют четыре осознанные стратегии накопления и использования социального капитала: 1) разумный альтруизм; 2) взаимный обмен; 3) межличностный прагматизм; 4) инвестирование в себя. Выявлено двенадцать тактик накопления и использования социального капитала личности: 1) выражение симпатии; 2) самопрезентация;

3) демонстрация внимания и эмпатии; 4) подкуп; 5) открытость; 6) содействие; 7) уникальность; 8) разведка; 9) помощь; 10) “наведение мостов”; 11) общность; 12) напоминание о себе.

Тактики и стратегии той или иной личности при этом можно рассматривать в качестве характерного для нее способа взаимоотношений и взаимодействия со своим социальным окружением. Например, на тактическом уровне исследователи ставили перед собой ряд следующих вопросов.

Как именно индивид представляет себе собственное социальное окружение и кого именно к нему относит?

Каким образом, посредством каких способов индивид устанавливает и поддерживает необходимые для него социальные контакты?

На кого именно опирается индивид в критических жизненных ситуациях, за какого рода помощью и к кому он обращается?

Изучение конкретных тактик и эффектов накопления социального капитала личности являлось отдельной задачей эмпирической части нашего исследования, которое было продолжено в последующие годы при поддержке нескольких грантов РФФИ.

Прежде всего, здесь необходимо отметить, что каждый (без исключения!) исследователь, пишущий о социальном капитале, не обходится без упоминания роли доверия как основы любого социального капитала. Начало этому положил один из самых признанных теоретиков концепции социального капитала Р.Д. Патнам, выделивший три главные составляющие социального капитала — сети взаимоотношений, нормы и доверие [21].

Наша исследовательская группа выделила в качестве наиболее значимых следующие показатели доверия:

- избирательность межличностного доверия;
- уровень персонального доверия;
- уровень развития доверия в данном сообществе.

Была разработана методика, нацеленная на определение уровня доверия опрашиваемого индивида другим людям (персональное доверие) и доверия окружающих эту личность людей друг другу (социальное доверие). Для того чтобы оценить персональное и социальное доверие, в анкете был использован прием сравнения результатов ответов на вопросы о доверии людям со своей стороны и со стороны большинства членов того или иного рассматриваемого.

Полученные данные говорят о том, что люди, в основном доверяющие окружающим, более толерантны ко всякой инаковости, обладают сравнительно высоким уровнем эмпатии, не проявляют агрессии в межличностных отношениях, не склонны к соперничеству и конфронтации. Они стремятся согласовывать свои интересы и ожидания с возможностями социального окружения.

Итак, доверие может выступать и как источник социального капитала, и как его результат. Наши исследования еще раз убедительно говорят о том, что доверие между людьми выступает в качестве фундамента эффективной совместной деятельности, обеспечивает социальное единство, интегрированность, психологическую целостность любой общности. При этом доверие является основой стабильности любой социальной системы как на микро-, так и на макроуровне. Рассматривая перспективы последующей исследовательской работы в данном направлении следует отметить необходимость изучения доверия личности к различным группам, организациям, социальным институтам и государству в целом.

На последнем этапе нашего исследования мы обратились к изучению такого проявления социального капитала как действенность неформальных межличностных сетей, осуществляющих моральную и (или) материальную поддержку участников этой сети взаимоотношений. При этом возможности каждого из них зависят от его места в данной сети и социальной роли, во многом обусловленной именно этим местом, а также официальным и (или) неофициальным статусом в рассматриваемом сообществе.

Использование неформальных связей, направленное на удовлетворении потребностей личности, начиная с 1990-х гг. западные исследователи называют нетворкингом. Суть нетворкинга состоит в том, чтобы создавать, развивать и поддерживать возможности встречаться с новыми людьми, чтобы обмениваться информацией и помогать друг другу.

Социальные сети формируются не только в рамках какой-либо одной формальной организации. Нередко они включают в себя людей, работающих в разных местах, т.е. за пределами единственной формальной организации, а порой перекрещиваются друг с другом. Таким образом, некоторые знакомы с участниками других сетей. Имеются данные, говорящие о том, что взаимосвязи, формирующиеся на пересечении нескольких социальных сетей, шире по сфере возможных действий, чем те, которые возникают лишь в пределах одной формальной организации. Отсюда следует, что чем

больше количество сетей, в состав которых входит какой-либо индивид, тем большим социальным капиталом он располагает.

В соответствии со сказанным, любой (почти!) индивид, трудящийся в какой-либо официальной организации и будучи участником какой-нибудь неофициальной сети взаимоотношений обычно стремится к расширению и укреплению своих связей (и не только у себя на работе), надеясь достичь тех или иных целей. Нередко индивид при этом использует ту или иную обдуманную стратегию. Доцент Л.В. Марарица и профессор Л.Г. Почебут разработали дескриптивную модель четырех возможных нетворкинг-стратегий личности, исходя из ее ориентаций: 1) на приумножение своего социального капитала; 2) на его использование в определенных целях.

В пределах ориентации на приумножение социального капитала выделена стратегия альтруистического инвестирования ("разумного альтруизма"). Индивид с преобладанием этой стратегии стремится инвестировать собственные ресурсы в улучшение ситуации для всех окружающих его в социальной сети. Инвестиции такого рода направлены на общее благо и могут быть основой для создания авторитета данного индивида в соответствующей социальной сети.

Другая стратегия в пределах указанной ориентации называется "ресурсным монополизмом". Это также эгоцентрическая стратегия с расчетом на приумножение собственного социального капитала в некотором будущем. При такой стратегии социальный капитал приобретает посредством направленности своих усилий на получение какого-либо редкого ресурса, особого статуса (как формального, так и неформального), сопряженного с социальной силой. Порой это и большое повышение уровня компетентности.

Переходя к другой ориентации, направленной на использование своего социального капитала в определенных целях, отметим в ее пределах также две стратегии. Одна из них, будучи просоциальной по своему характеру, названа стратегией "взаимного обмена" или "нормативного партнерства". При этом индивид стремится использовать свои связи для получения различных ресурсов, чтобы можно было обратиться к тем, кому он уже помог. Данная стратегия является самой предпочитаемой, поскольку она социально нормативна. При этом "нормативный партнер", следуя определенным правилам, проявляет внимание к сложившимся в сети нормам, демонстрирует обязательность в отношениях с окружающими и готовность доверять "проверенным" людям.

Наконец, упомянем еще одну стратегию в рамках ориентации на использование собственного социального капитала, называемую “межличностным прагматизмом”. Здесь отношения индивида с другими людьми рассматриваются лишь исходя из возможной пользы, которую они могут ему принести. Это можно назвать “рыночным” видением отношений. Здесь индивид ориентируется прежде всего на свои личные интересы, а содействует другим только по крайней необходимости или вынужденно.

Заметный вклад в исследовательскую работу на этом этапе внесла аспирантка М.А. Недошивина, защитившая кандидатскую диссертацию “Личностные и ситуационные детерминанты альтруизма” и разработавшая интернет-версию опросника с целью выявления детерминант альтруистического поведения в процессе формирования социального капитала личности. Заслуживает высокой оценки существенный вклад С.М. Титова в тщательную обработку статистических данных. Следует также отметить эффективное участие В.В. Потявиной в сборе эмпирических данных, и безупречную работу М.А. Росляковой, оформлявшую результаты исследования в полном соответствии с официальными предписаниями.

Данные, полученные в итоге проведенных исследований, позволили нам разработать исходные положения концепции социального капитала личности, которые представлены в коллективной монографии [5]. Изучение многообразных сторон социального капитала побуждает исследовательскую мысль к дальнейшим поискам в данном направлении. В настоящее время такая работа продолжается на нашей кафедре под руководством профессора Л.Г. Почебут и участников проектной группы гранта.

А.Л. Журавлев и В.А. Сумарокова разделяют научный подход и отмечают, что доверие определяют многообразные нравственно-психологические феномены межличностного и межгруппового взаимодействия и социального поведения и, соответственно, доверие можно отнести к одному из важнейших нематериальных ресурсов организационного поведения и развития [4].

Сотрудниками кафедры социальной психологии (Л.Г. Почебут, В.А. Чикер) был проведен информационно-аналитический обзор теоретических подходов к исследованию доверия в организационном контексте. В результате данного обзора были определены дискуссионные вопросы, нуждающиеся в дальнейшем уточнении: 1. Определение понятия “доверие” в организационном контексте. 2. Процесс формирования доверия в организации. 3. Роль

доверия в развитии организации. 4. Соотношение феноменов “доверие” и “социальный капитал организации” [6, с. 66].

Обобщая специфику изучения доверия в организации, социального капитала организации, проводимого в отечественных исследованиях, необходимо отметить, что это направление будет продолжать оставаться одним из самых востребованных, актуальных и перспективных для дальнейших исследований.

Впереди исследования факторов, влияющих на социальный капитал организации.

Однако глобальный кризис, вызванный COVID-19, и последующие трансформационные процессы в современном обществе затронули многие аспекты, включая гендерные вопросы и их постановку. Произошел значительный разрыв индекса гендерного неравенства (в 2006 г. Россия занимала 49-е место, индекс гендерного разрыва составлял 0.677, то в 2021 г. — 81-е место, индекс гендерного разрыва составляет 0.708) по данным Всемирного экономического форума (WEF, 2021). Российское общество предоставляет женщине неограниченные возможности и доступ для получения образования (включая получение PhD степени), повышения профессиональной квалификации, личностного развития, однако существует разрыв в неравенстве доходов, финансовой самостоятельности и защищенности; женщина сталкивается с психологическим сопротивлением к занятию руководящих позиций как в политике, так и в бизнесе. Перечисленные обстоятельства доказывают важность исследования социально-психологических характеристик социальной среды работающей женщины, позволяют сформировать социальный запрос на повышение значимости в обществе изучения субъективного благополучия, возможности реализации энергетического и креативного потенциала, сохранности здоровья в профессиональной сфере женщины.

Научный интерес и внимание женской половины сотрудников, аспирантов и выпускников кафедры Л.В. Марарица, Т.В. Казанцева, О.Е. Гунделах, У.А. Удавихина и др.) привлекло изучение сохраняющегося проявления гендерного неравенства, получившее название феномен “заторможенного прогресса”. Целью исследовательского проекта стало изучение социально-психологических факторов гендерного неравенства, его влияния на успех работающей женщины и креативный потенциал организации (руководитель проф. С.Д. Гуриева, грант РФФИ). В результате был проведен социально-психологический анализ с опорой на концепции карьерного и социального капитала,

который был реализован в рамках исследовательского проекта, и был нацелен на поиск тонких и устойчивых механизмов, ответственных за воспроизведение гендерного неравенства в российских компаниях. В результате реализации проекта был разработан комплекс методик, который позволяет оценить выраженность гендерного неравенства на трех уровнях: индивидуально-поведенческом (“карьерный капитал: “знаю как” — понимание важности социальных отношений, социального капитала и репутации; “знаю что” — необходимость развития навыков и профессиональных знаний; “знаю почему” — понимание цели, ценностей, мотивации).

Также были выявлены особенности поведенческих стратегий построения карьеры: “doing” (“подчеркивание пола”) / “undoing gender” (“стирание пола”). Но наиболее важными, с точки зрения выявления структурного уровня гендерного неравенства, были разработанные методики (GLASS), позволяющие оценить существование психологических барьеров для самореализации женщин, известных как “стеклянные феномены” и других (Folke O., Rickne J.), отражающихся в доступности разных социальных статусов и позиций для женщин: “стеклянный потолок”, “липкий пол”, “стеклянные стены”, “стеклянный эскалатор”, “стеклянная скала”, “стеклянная коробка” [14].

Продолжая изучение гендерного неравенства и особенностей восприятия феномена гендерного неравенства российскими женщинами на нормативном уровне, данная постановка задачи нашла свое отражение в научной статье [18].

Для оценки гендерного неравенства на нормативном уровне было использовано три измерения: формализованность, сила-слабость, равенство-дискриминация в нормах, правилах и процедурах обращения с сотрудником от момента найма до ухода из организации) и структурном уровне (на основе объективных показателей женщин на руководящих позициях), и определить выраженность проявлений гендерного неравенства и систематизировать соответствующие каждому уровню индикаторы. Были выявлены карьерные стратегии и специфика организационной среды: выраженность гендерного неравенства на индивидуально-поведенческом, нормативном и структурном уровнях (“гендерная слепота”, “карьерная скидка”, “скрытая карьера”, “гендерный хамелеон” и др.). Разработанная социально-психологическая модель факторов успешности работающей женщины, которая включает в себя как организационный контекст, так и личный карьерный капитал, нашла отражение в статье “Гендерное неравенство

на работе как фактор карьерной успешности женщин” [1].

Актуальная современная ситуация сформировала уникальный социальный запрос на изменения в психосоциальных характеристиках рабочей среды и ведущих ценностей работающих людей. В состав исследовательского проекта (грант РНФ, 2022–2024) вошли ведущие сотрудники кафедры, выпускники, аспиранты (С.Д. Гуриева, Л.В. Марарица, Т.В. Казанцева, О.Е. Гунделах, Т.А. Кинунен, М.С. Таусенова, А.В. Постанина, У.А. Удавихина, Е.С. Александрова). Основной задачей исследовательского проекта является создание социально-психологической, структурно-процессуальной модели взаимодействия психосоциальных характеристик рабочей среды и проактивного поведения сотрудника как фактора субъективного благополучия и инновационного потенциала организации.

Данный проект является продолжением исследований, проводимых рабочей группой ранее, и опирается на научно обоснованные и актуальные исследования в области анализа связи психосоциальных характеристик рабочей среды и проактивности человека с его субъективным благополучием и инновационным потенциалом организаций, а также следует социальному заказу и глобальному тренду в исследованиях, позволяя помочь ответить на вопрос, как организациям и людям выстраивать рабочую среду так, чтобы быть гибкими и благополучными в новых условиях, которые пришли вместе с кризисом COVID-19 и ускорением темпа цифровизации рабочих мест.

В определенной степени можно утверждать, что общество находится в переходном состоянии функционирования от традиционной модели построения карьеры и характера занятости в системе “работник-команда-организация”, когда организация рассматривается как единственная арена или поле, на которых может происходить обучение и развитие пассивного работника, где он получает награды, бонусы за одобряемые руководством действия в интересах достижения целей организации, к нетрадиционной. Намечается переход к функционированию новой, уникальной модели занятости человека. Таким образом, сформировалась актуальная потребность в создании человеко-центрированного подхода к организации рабочей среды, отвечающего на вопрос: как в рамках организации выстроить процессы отбора, обучения и развития человека на разных этапах его карьеры, как обеспечить необходимый уровень субъективного благополучия сотрудника и реализацию инновационного потенциала компании. Все это заставляет нас перейти от описательных научных моделей

(Coleman M., Coleman J.S.) [12–13] к актуальным моделям, предполагающим и позволяющим разрабатывать эффективные интервенции и новые сервисы, фасилитировать проактивное поведение человека как на работе, так и в личной жизни.

Однако на данный момент остаются без ответа такие вопросы: как удерживать и вовлекать сотрудников, работающих дистанционно; как поддерживать организационную сенситивность в командах, включающих фрилансеров и работающих по контракту (Forret, M.L., Dougherty T.W., 2004) [15]; как обеспечить психологическое благополучие и мотивацию (Mednick M., Thomas V., 2008) [20]; как работать с усталостью, перегрузками и нарушением чувства приватности на рабочем месте, где вся активность человека локализуется (Vandello J.A., Bosson, J.K., 2013) [23]; как организациям поддерживать тонкий баланс контроля и заботы о своих работниках (Massobu E.E., 1990) [19]; как жить и работать, когда грань между рабочей и личной жизнью становится призрачной, когда увеличение домашних забот обостряет гендерные вопросы (Shawn, F.D., Glenn, F., 2010) [22].

В совокупности поиски ответов на поставленные вопросы и обозначенные проблемы повышают требования к инновационности компаний, привели к качественным изменениям рабочей среды и поставили человека, его благополучие и креативность в центр внимания исследователей, организаций и общества. Формируется потребность в создании человеко-центрированного подхода к организации рабочей среды, отвечающего на вопрос: как в организации и в рамках подготовки, обучения и развития человека на разных этапах его карьеры обеспечить необходимый уровень субъективного благополучия и инноваций в компаниях. Все это заставляет нас перейти от описательных научных моделей к моделям, предполагающим и позволяющим разрабатывать эффективные интервенции и новые сервисы, фасилитировать проактивное поведение человека как на работе (“джобкрафтинг”), так и в личной жизни (“лайфкрафтинг”).

Наш мир уже не будет прежним, а мы не останемся такими, как были раньше. Пандемия и последствия глобального экономического кризиса оказали мощный импульс к масштабным изменениям как на личностном, так и на организационном уровне: произошла переоценка понятий “успех”, “карьера”, “субъективное благополучие”; претерпели существенные изменения траектории карьеры сотрудника; изменился привычный формат и регламент работы, с привязкой к конкретному месту работы и значимости рабочего места сотрудника; изменилось социальное пространство

сотрудника, включая систему неформальных межличностных отношений. Таким образом, сформировалась актуальная потребность в создании человеко-центрированного подхода к организации рабочей среды, отвечающего на вопрос: как в рамках организации обеспечить обучение и развитие сотрудника на разных этапах его карьеры, сохраняя необходимый уровень субъективного благополучия, с одной стороны, и развивать инновационный потенциал и креативность организации, с другой.

Кафедра социальной психологии СПбГУ продолжает занимать заметное место в научной и образовательной жизни, оставаясь крупнейшим и ведущим научно-педагогическим центром изучения социальной психологии в нашей стране. Несмотря на свой возраст, 55 лет, кафедра динамично развивается, пополняется молодыми и талантливыми сотрудниками, растет наш профессионализм и компетентность во многих научных направлениях. Коллектив кафедры представляет собой “эталон высокой научной требовательности”, с одной стороны, и человеко-ориентированный, гуманистический подход к каждому человеку, независимо от социального статуса и положения в обществе, сохраняя любовь и верность к науке на протяжении более полвека.

Жизнь идет вперед, а кафедра социальной психологии остается флагманом в отечественной психологической школе, ведущим ориентиром в определении научных направлений и дальнейших исследований.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гуриева С.Д., Марарица Л.В., Казанцева Т.В., Гунделлах О.Е. Гендерное неравенство на работе как фактор карьерной успешности женщин // Психологический журнал. 2023. Т. 44. № 2. С. 15–27.
2. Свенцицкий А.Л., Гуриева С.Д. 60 лет социальной психологии в СПбГУ: от истоков к новым достижениям // Социальная психология и общество. 2022. Т. 13. № 4. С. 200–208.
3. Журавлев А.Л., Почебут Л.Г., Чикер В.А. Развитие организационной социальной психологии в Санкт-Петербургском (Ленинградском) государственном университете // Психологический журнал. 2023. Т. 44. С. 5–14.
4. Журавлев А.Л., Сумарокова В.А. Доверие предпринимателей к разным видам организаций: региональные особенности // Социально-психологическая динамика в условиях экономических изменений. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 1998.
5. Почебут Л.Г., и др. Социальный капитал личности. М.: ИНФРА-М, 2014.

6. Почебут Л.Г., Чикер В.А. Психология доверия в организации // Психологический журнал. 2017. Т. 38. № 6. С. 65–76.
7. Русалинова А.А. Особенности формирования взаимоотношений между работниками в потоке // Тезисы докладов конференции по психологии. Л., 1967.
8. Свенцицкий А.Л. Социально-психологические проблемы управления. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1975.
9. Свенцицкий А.Л., Гурьева С.Д. Дорога длиною в полвека: первой отечественной кафедре социальной психологии пятьдесят лет // Психологический журнал. 2019. Т. 40. № 1. С. 84–93.
10. Чугунова Э.С. О некоторых социально-психологических условиях профессиональной устойчивости молодых рабочих // Человек и общество. НИИКСИ. Ученые записки. № 1. Л., 1966.
11. Шихирев П.Н. Природа социального капитала: социально-психологический подход // Общественные науки и современность. 2003. № 2. С. 17–31.
12. Coleman M. Women at the top: challenges, choices and change. London: Palgrave Macmillan, 2011.
13. Coleman J.S. Social capital in the creation of human capital // American Journal of Sociology, 1988. V. 94. P. 195–120.
14. Folke O., Rickne J. The Glass Ceiling in Politics: Formalization and Empirical Tests // Comparative Political Studies. 2016. V. 49. № 5. P. 567–599.
15. Forret M.L., Dougherty T.W. Networking behaviors and career outcomes: differences for men and women? // Journal of Organizational Behavior: The International Journal of Industrial, Occupational and Organizational Psychology and Behavior. 2004. V. 25. № 3. P. 419–437.
16. Glaeser E.L., Laibson D., Sacerdote B. An economic approach to Social Capital // The economic journal. 2002. V. 112. P. 437–458.
17. Gurieva S.D., Kazantseva T.V., Mararitsa L.V., Gundelakh O.E. Social Perceptions of Gender Differences and the Subjective Significance of the Gender Inequality Issue // Psychology in Russia: State of the Art. 2022. V. 15. № 2. P. 65–82.
18. Gurieva S.D., Udavikhina U.A. Using doing & undoing gender strategies in Russian women's career development // Siberian Journal of Life Sciences and Agriculture this link is disabled. 2022. V. 14. № 1. P. 128–139.
19. Maccoby E.E. Gender and relationships: A developmental account // American psychologist. 1990. V. 45. № 4. P. 513–520.
20. Mednick M., Thomas V. Women and achievement. Praeger Publishers / Greenwood Publishing Group. 2008.
21. Putnam R.D. Making democracy work: Civic traditions in modern Italy. Princeton: Princeton University Press, 1993.
22. Shawn F.D., Glenn F. Trends in global gender inequality. Social Forces. 2010. V. 88. № 5. P. 1941–1968.
23. Vandello J.A., Bosson J.K. Hard won and easily lost: A review and synthesis of theory and research on precarious manhood // Psychology of Men & Masculinity. 2013. V. 14. № 2. P. 92–101.

SOCIAL PSYCHOLOGY WITHOUT BORDERS: FIFTY-FIVE YEARS OF DEVELOPMENT AND ACHIEVEMENTS

S. D. Gurieva*, A. L. Svetsitskiy**

*Saint Petersburg State University;
199034, Saint Petersburg, Universitetskaya nab. 7/9, Russia.*

**ScD (Psychology), Professor, Head of Social Psychology Department of Psychology Division.
E-mail: gurievasv@gmail.com*

***ScD (Psychology), Professor of Psychology Division.
E-mail: social.psychology@spbu.ru*

Received 15.06.2023

Abstract. The article examines the research work of the first Russian psychological science department of social psychology, established at St. Petersburg (Leningrad) University in 1968, celebrating its 55th anniversary. Thanks to the intellectual and time resources of the Department's staff and faculty, a tremendous breakthrough has been made — from the first attempts to define the subject and methods of social psychology, to contemporary large-scale research involving a variety of scientific fields. One of the main problems of the department remains such phenomena as social capital of personality and organization, trust in organization, proactive work and career design, subjective well-being of employees in organization and many others. In this article we

summarize the experience of numerous studies, present the scientific results and outline the prospects for further research and development of the Department of Social Psychology at St. Petersburg State University.

Keywords: social capital of the individual and the organization, trust as the basis of social capital, networking strategies of the individual, proactive job and career design.

REFERENCES

1. Gurieva S.D., Mararica L.V., Kazanceva T.V., Gundelakh O.E. Genderное неравенство на работе как фактор кар'ерной успешности женщин. *Psikhologicheskii zhurnal*. 2023. V. 44. № 2. P. 15–27. (In Russian)
2. Svencickij A.L., Gurieva S.D. 60 let social'noj psikhologii v SPbGU: ot istokov k novym dostizheniyam. *Social'naya psikhologiya i obshchestvo*. 2022. V. 13. № 4. P. 200–208. (In Russian)
3. Zhuravlev A.L., Pochebut L.G., Chiker V.A. Razvitie organizatsionnoj social'noj psikhologii v Sankt-Peterburgskom (Leningradskom) gosudarstvennom universitete. *Psikhologicheskii zhurnal*. 2023. V. 44. P. 5–14. (In Russian)
4. Zhuravlev A.L., Sumarokova V.A. Doverie predprinimatelej k raznym vidam organizacij: regional'nye osobennosti. *Social'no-psikhologicheskaya dinamika v usloviyah ekonomicheskikh izmenenij*. Moscow: Izd-vo "Institut psikhologii RAN", 1998. (In Russian)
5. Pochebut L.G., et al. Social'nyj kapital lichnosti. Moscow: INFRA-M, 2014. (In Russian)
6. Pochebut L.G., Chiker V.A. Psikhologiya doveriya v organizatsii. *Psikhologicheskii zhurnal*. 2017. V. 38. № 6. P. 65–76. (In Russian)
7. Rusalina A.A. Osobennosti formirovaniya vzaimootnoshenij mezhdru rabotnikami v potoke. Tezisy dokladov konferencii po psikhologii. Leningrad, 1967. (In Russian)
8. Svencickij A.L. Social'no-psikhologicheskie problemy upravleniya. Leningrad: Izd-vo Leningr. un-ta, 1975. (In Russian)
9. Svencickij A.L., Gurieva S.D. Doroga dlinoju v polveka: pervoj otechestvennoj kafedre social'noj psikhologii pyat'desyat let. *Psikhologicheskii zhurnal*. 2019. V. 40. № 1. P. 84–93. (In Russian)
10. Chugunova E.S. O nekotoryh social'no-psikhologicheskikh usloviyah professional'noj ustojchivosti molodyh rabochih. *Chelovek i obshchestvo*. NIIKSI. Uchenye zapiski. № 1. Leningrad, 1966. (In Russian)
11. Shihirev P.N. Priroda social'nogo kapitala: social'no-psikhologicheskii podhod. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*. 2003. № 2. P. 17–31. (In Russian)
12. Coleman M. Women at the top: challenges, choices and change. London: Palgrave Macmillan, 2011.
13. Coleman J.S. Social capital in the creation of human capital. *American Journal of Sociology*, 1988. V. 94. P. 195–120.
14. Folke O., Rickne J. The Glass Ceiling in Politics: Formalization and Empirical Tests. *Comparative Political Studies*. 2016. V. 49. № 5. P. 567–599.
15. Forret M.L., Dougherty T.W. Networking behaviors and career outcomes: differences for men and women? *Journal of Organizational Behavior: The International Journal of Industrial, Occupational and Organizational Psychology and Behavior*. 2004. V. 25. № 3. P. 419–437.
16. Glaeser E.L., Laibson D., Sacerdote B. An economic approach to Social Capital. *The economic journal*. 2002. V. 112. P. 437–458.
17. Gurieva S.D., Kazantseva T.V., Mararitsa L.V., Gundelakh O.E. Social Perceptions of Gender Differences and the Subjective Significance of the Gender Inequality Issue. *Psychology in Russia: State of the Art*. 2022. V. 15. № 2. P. 65–82.
18. Gurieva S.D., Udavikhina U.A. Using doing & undoing gender strategies in Russian women's career development. *Siberian Journal of Life Sciences and Agriculture* this link is disabled. 2022. V. 14. № 1. P. 128–139.
19. Maccoby E.E. Gender and relationships: A developmental account. *American psychologist*, 1990. V. 45. № 4. P. 513–520.
20. Mednick M., Thomas V. Women and achievement. Praeger Publishers / Greenwood Publishing Group. 2008.
21. Putnam R.D. Making democracy work: Civic traditions in modern Italy. Princeton: Princeton University Press, 1993.
22. Shawn F.D., Glenn F. Trends in global gender inequality. *Social Forces*. 2010. V. 88. № 5. P. 1941–1968.
23. Vandello J.A., Bosson J.K. Hard won and easily lost: A review and synthesis of theory and research on precarious manhood. *Psychology of Men & Masculinity*. 2013. V. 14. № 2. P. 92–101.

УДК 316.62

ЭКОНОМИЧЕСКИЙ МЕНТАЛИТЕТ РОССИЯН В КОНТЕКСТЕ ПСИХОЛОГО-ИСТОРИЧЕСКОГО АНАЛИЗА¹

© 2023 г. А. Л. Журавлев*, Д. А. Китова**

ФГБУН Институт психологии РАН;

129366, г. Москва, ул. Ярославская, д. 13, корп. 1, Россия.

*Академик РАН, профессор, научный руководитель Института психологии РАН.

E-mail: alzhuravlev2018@yandex.ru.

**Доктор психологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник
лаборатории истории психологии и исторической психологии.

E-mail: j-kitova@yandex.ru

Поступила 08.08.2023

Аннотация. Менталитет как психологическая категория характеризуется историчностью, многофакторностью и изменчивостью, является предметом широкого научного дискурса, тяготеет к междисциплинарной проблематике. В науке известны такие феномены, как взаимовлияние качества жизни и чувства экзистенциальной безопасности; влияние общественного сознания на темпы роста экономики; взаимозависимость качества жизни и субъективной удовлетворенности ею; различия в представлениях преимущественно обеспеченных и нуждающихся слоев населения о причинах бедности и др. Экономический менталитет россиян представляется одним из структурных компонентов российской полиментальности и требует рассмотрения характера его влияния не только на экономическое поведение личности, но и на экономическое развитие страны в целом. Выявлено, что анализ текстов сообщений и поисковых запросов в системе Google позволяет показать, что в экономиках различного типа существуют психологические закономерности проявления интереса к экономическим явлениям. Предлагаемые подходы убеждают в том, что существуют элементы экономического менталитета, которые зарождались в СССР и сохраняются в преимущественно новых условиях хозяйствования, демонстрируя сходство в характере аналогичного интереса зарубежных пользователей. Как оказалось, в основе российских запросов преобладает интерес к заработной плате, зарубежные же пользователи в большей степени ориентированы на получение информации о предпринимательских и инвестиционных доходах. Проблема требует дальнейшего изучения и обоснования психологических факторов, лежащих в основе экономических феноменов.

Ключевые слова: экономическая психология, историческая психология, менталитет, экономический менталитет, заработная плата, доход, инвестиции, субъективное экономическое благополучие, наемная работа, бизнес, предпринимательство, цифровизация науки.

DOI: 10.31857/S020595920027722-0

ВВЕДЕНИЕ

Менталитет широко разрабатывается в контексте междисциплинарных исследований (Буянова Ю.В.), имеет богатую историю изучения в рамках социогуманитарных наук (Леви-Брюль Л. и др.), вызывает неподдельный интерес в русле современных психологических исследований (см.: [7–8; 11; 16]). В современной психологической литературе, как отечественной, так и зарубежной,

определение менталитета дается в самой разной интерпретации. В частности, его рассматривают как “национальный характер”, “национальные особенности”, “психологический склад нации”, “психологический облик народа”, “дух народа” и т.д. Прикладной интерес к феномену также реализуется в самых различных отраслях науки (экономике, политике, социологии, юриспруденции), он широко изучается и в социогуманитарных науках — например, как профессиональный менталитет. Таким образом, менталитет в науке пока определяется как неясное, смутное и размытое понятие, не имеющее четких границ. Для

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда (РНФ) в рамках научного проекта № 21-18-00541.

наглядности, можно обратиться к нескольким типичным его дефинициям: “не материализуемая составляющая традиций”; “глубинный, трудно фиксируемый источник мышления, идеологии и веры, нечто общее, лежащее в основе сознательного и бессознательного, логического и эмоционального, переходящее в сферу поведенческих конструкций” [10, с. 69]. Можно представить еще более неопределенное использование понятия и феномена.

В частности, экономистами отмечается, что социально-экономические реформы по западным сценариям, ожидаемо приносят преимущественно негативные результаты в России [13]. В рамках эмпирических исследований неустанно предпринимаются попытки конкретизации и описания содержательных элементов феномена. К примеру, Е.Г. Синякина выделяет ряд констант “психологического портрета русского крестьянина” дореволюционного периода — трудолюбие, способность к преодолению сложных ситуаций, выраженная религиозность, поэтичность и т.д. [14, с. 603]. Тем не менее “выработке строго определенных дефиниций” менталитета препятствует широта составляющих его психологических элементов и изменчивость (динамичность) психологических характеристик людей во времени, так как психология народа от эпохи к эпохе непрерывно изменяется [16, с. 89].

В более конкретизированном виде психологи говорят об общепсихологической *структуре менталитета*, которая включает в себя когнитивные², аффективные, а также поведенческие (осознаваемые и неосознаваемые) компоненты. Рассмотрение феномена в контексте психологических конструкций также происходит без конкретизации его сущности, *структурной иерархии*, уточнения психологических *моделей*, базовых (или периферийных) *элементов*, описания *специфики* в разных социальных контекстах жизнедеятельности человека и общества (политических, экономических, профессиональных, этнических и т.д.). Таким образом, можно согласиться с утверждением о том, что “наше знание о психологической природе и механизмах формирования менталитета народов, субкультур, социальных групп ... еще крайне ограничено” [2, с. 32], а также с тем утверждением, что существуют широкие возможности для поиска неосвоенных психологией теоретических и прикладных аспектов менталитета как *психологической категории* [Там же, с. 24].

² Установки, схемы каузальной атрибуции, динамические характеристики и т.д.

АНАЛИЗ СОСТОЯНИЯ ПРОБЛЕМЫ

Среди *теоретических* разработок менталитета можно выделить такие направления, как сопоставительный анализ понятий “менталитет” и “национальный менталитет” (Урунова Х.У.), “ментальность” и “менталитет” в трудах зарубежных и отечественных авторов (Демкина Е.В.), в частности, в этнопсихологии (Ежова Е.А.). Как состоявшиеся и широко реализуемые направления можно отметить следующие — специфика менталитета в культурах Запада и Востока (Новиков А.Г.), анализ особенностей русского менталитета (к примеру, в философских концепциях XX века — Думнова Э.М.), экономический менталитет в контексте психологического анализа (Китова Д.А., Китов А.А.). *Обобщая эмпирические* исследования данной проблемы в психологии, можно отметить наиболее разработанные из них: менталитет в историографии (Киприянова Н.В., Перекусихина Н.А.), базовые компоненты менталитета (Юревич А.В.), ценностно-регулятивные механизмы развития менталитета (Полякова Т.А., Рома Н.И.). Важно обратить внимание и на узкоспециализированные направления исследований — язык как индикатор этнического менталитета (Железняк А., Самосенкова Т.В., Гэн Ц., Соседова В.С.). В контексте макропсихологических подходов, который все больше привлекает современных исследователей, можно выделить следующий ряд работ: исследование менталитета на примере китайской цивилизации (Якупов С.Ф.), роль менталитета в реформах современной России (Фадеева Г.Д., Паршина К.С.), отношение к коррупции как проявление экономического менталитета россиян (А.Л. Журавлев, Китова Д.А.) [6].

Рассмотрение *экономического менталитета* закономерно отражает проблемы базового понятия в целом (многогранность, размытость, изменчивость во времени и т.д.), но имеет и свою дополнительную специфику. В качестве общих проблем можно указать на трудности определения феномена, который пытаются рассматривать через специфику “отношения к труду” (Марьяновский В.), как “исторически сложившееся долговременное умонастроение” или “единство осознанных и неосознанных экономических ценностей, норм и установок” (Балабанова Е.С.). Эмпирические исследования в этом направлении отражают многообразные проблемы: особенности экономической социализации молодежи; систему экономических ценностей предпринимателей; трудовой менталитет россиян; экономическое поведение человека в организации и т.д. Для большей наглядности также можно привести несколько типичных исследований: сущность менталитета и его влияние на экономическое

поведение населения (М.В. Шульгин); роль хозяйственного менталитета в развитии экономики и государства в целом (З. Галушка, Е.О. Лусте); русский менталитет как условие национального экономического развития (Т.А. Чикаева). Можно обратиться и к прикладным, более частным, проблемам исследований — менталитет как фактор развития корпоративных инноваций (В.Х. Хизриев) или экономико-психологические аспекты этноменталитета населения Чувашии (А.Н. Захарова).

ПОИСКИ КРИТЕРИЕВ ЭКОНОМИЧЕСКОГО МЕНТАЛИТЕТА: К ИСТОРИИ ВОПРОСА

Исследователи не оставляют попыток выявления ресурсного потенциала менталитета как психолого-экономического фактора. Им важно понять, как в условиях *взаимного проникновения* психологических и экономических факторов можно выделить конкретные элементы, которые позволяют *прогнозировать* возможные результаты экономической деятельности, научиться не только определять их выраженность и *интенсивность* в зависимости от исторических *условий развития* конкретной культуры или общества/государства, но и эффективно прогнозировать ожидаемую результативность. Не менее сложной является задача выделения *функциональных* экономических факторов, оказывающих влияние на развитие социально-психологических феноменов при их взаимодействии с социально-экономической средой [4]. В рамках современных исследований, прямо или опосредованно, выявлен ряд экономико-психологических фактов, которые в одном из своих проявлений могут рассматриваться как показатели экономического менталитета представителей различных государств. В качестве таких примеров можно указать на следующие научные факты: чем выше качество жизни в конкретном обществе (*экономический фактор*), тем более высок уровень чувства безопасности у ее членов (*психологический фактор*) или же низкий уровень жизни снижает показатели субъективной удовлетворенности человека [17]; неуверенность населения в разумности существующих экономических отношений (*психологический феномен*) проявляется сокращением темпов промышленного роста [15]³. Известны и некоторые другие факты макропсихологического уровня: обнаружено, что *россияне* с высоким уровнем дохода полагают, что причиной бедности являются алкоголизм,

наркомания, индивидуально-личностные характеристики бедных (*психологические факторы*), а *люди с низким уровнем* материальной обеспеченности относят к причинам бедности исключительно *объективные* обстоятельства — безработицу, низкий уровень заработных плат и пенсий — т.е. объективные экономические обстоятельства [1].

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

С методологической позиции, для фиксирования особенностей экономического менталитета конкретного общества необходимы определенные технологии выявления и измерения психологических характеристик общества. Концептуальный (теоретически обоснованный) анализ социальных процессов в интернете составляет одну из такого рода методологических подходов [12].

Целью эмпирического анализа *отношения населения* к СССР стало обращение к обыденному сознанию современников. В работе был использован праксиметрический подход, который связан с анализом уже совершенных действий (написанных текстов сообщений), в качестве продуктов анализа выступили тексты сообщений в социальной сети ВКонтакте. В основу отбора сообщений было положено наличие слова “СССР”. Сбор и обработка эмпирических данных производились методом сплошной выборки в период с 11 февраля по 11 апреля 2023 г. Всего собранно и обработано 3537 сообщений (обрабатывались только уникальные, неповторяющиеся тексты, не содержащие прямых ссылок на сторонние источники, т.е. сообщения рекламного характера были удалены). Обработка сообщений производилась по следующей схеме: очистка сообщений с помощью эвристических (от рекламных сообщений и повторов); разбиение текста на токены⁴, их подсчет и группирование. Анализ текстов сообщений осуществлен в три этапа: путем автоматизированного анализа повторяемости слов в общем объеме всех сообщений (1), посредством контент-анализа когнитивных смысловых категорий в текстах (2) и их соотносением с объективными характеристиками изучаемых экономических процессов (3), т.е. группированием на основе уже известных психологических, экономических и экономико-психологических теоретических концепций. Последний, содержательно-

³ Изучалось непосредственное влияние характера общественного сознания на темпы роста экономики в социалистических странах в 1950–1970 гг.

⁴ В программировании — последовательность символов, которую можно идентифицировать как единый логический объект, аналог лексем в лингвистике (т.е. единица морфологического анализа).

смысловой анализ текстов и слов, проведен методом экспертных оценок. Экспертами выступили участники проекта, имеющие опыт выполнения подобного рода исследований.

Для анализа экономико-психологических особенностей представителей *разных стран* можно обратиться к изучению характера их отношения к экономическим явлениям, например, через анализ экономико-ориентированных запросов в поисковых системах Яндекс или Гугл (подробнее о методе см.: [5]). При таком подходе можно опираться на теоретическую концепцию А.Н. Леонтьева, который рассматривает “интерес” как положительно окрашенный эмоциональный процесс, отражающий познавательную потребность человека, желающего узнать что-то новое об объекте интереса. При таком подходе обращение к поисковым запросам, произведенным из разных стран, позволяет увидеть характерные особенности отношения к экономическим условиям жизнедеятельности в конкретных государствах. Интерес будут представлять специфические особенности структуры, динамики, интенсивности, направленности и других характеристик такого рода.

ИСТОКИ ЭКОНОМИЧЕСКОГО МЕНТАЛИТЕТА РОССИЯН

В первую очередь, пользователи социальной сети относятся к СССР как к историческому явлению, оставшемуся в прошлом (слово “история” повторяется 6800 раз). Вторую позицию, с заметным отставанием от ведущего слова, но с существенным преимуществом в сравнении с последующими, занимает слово “народ” (частота употребления — 2160). Следующие три позиции также близки к значению “народ” и отражают некую распространяющуюся на всех политическую и этническую общность, это такие слова, как “наш” — 1370 повторов; “великий” — 1351; “просторы” — 1356. Не менее интересна еще одна последовательность слов, которые указывают на политическую историю Советского союза: “война” — 1129; “победа” — 953; “Сталин” — 765. Далее, через два слова (“фильм” и “мир”, которые являются единичными позициями), представлена друг за другом (в прямой последовательности) пятипозиционная “композиция” слов: “республика” — 690, “нерушимый” — 589, “единый” — 571, “навек” — 562, “могучий” — 553, “сплотила” — 501. Очевидно, что это связка слов отражает содержание гимна СССР, хотя и встречается в текстах вне контекста песни, тем не менее можно полагать, что эти слова отражают символ государственного единства не только на официально

заявленном (гимн государства), но и на обыденном/народном уровнях восприятия.

Обобщая в целом наиболее популярные слова, можно отметить, что СССР воспринимается нашими современниками как великая (с исторической точки зрения) политическая общность людей, объединенных в свое время этнополитическим пространством; как государство, которое смогло победить в Великой Отечественной войне и представляло собой единство (целостность, сплоченность) различных народов и этносов. Слова “мир” и “фильм” (позиции 9 и 10, о которых сказано выше) дополнительно указывают на восприятие Советского Союза как миролюбивого государства, обладавшего высоким уровнем культуры — в данном конкретном случае кинематографической.

Если рассматривать более широкий спектр слов, встречающихся в текстах, их также можно объединить в некоторые смысловые подгруппы. Наиболее заметной является тенденция сравнения Советского Союза с современной российской действительностью. На это указывает такая категория слов, как “российский” — 773; “сейчас” — 655; “сегодня” — 599; “период” — 519; “теперь” — 294; “современный” — 265; “нынешний” — 163; “следующий” — 98. Вторая подгруппа часто повторяющихся слов соотносится с культурой, если рассматривать ее (культуру) как “процесс активной творческой деятельности, в ходе которой создаются, распределяются и потребляются духовные ценности” [3, с. 322]. В рамках конструкций слов о культуре происходят рассуждения о театре и кино (“актер” — 246; “режиссер” — 201; “театр” — 109; “сценарист” — 74 и т.д.), а также прозе, музыке, живописи, поэзии, исторических памятниках, цирковом искусстве и т.д. В следующей подгруппе слов упоминаются понятия, связанные с достижениями в науке (“космос” — 233; “атом” — 123; “ученый” — 188) и спорте (хоккей — 93; “легендарные” (хоккеисты, фигуристы, лыжники) — 73). Отдельной высокочастотной категорией выделяются “советские мультфильмы”, о которых часто и с воодушевлением говорят пользователи. Забегая несколько вперед, можно также отметить, что слово “мультфильмы” занимает второе место по уровню положительного эмоционального фона, высказываемого пользователями в отношении Советского Союза (лидирующую позицию занимает слово “пломбир”).

Обобщая результаты выявленных тематических подгрупп слов, можно отметить, что первая и наиболее многочисленная из них связана с обсуждением политической сущности СССР. Такая тенденция обнаруживает себя уже в самой первой десятке высоко популярных слов и сохраняется при

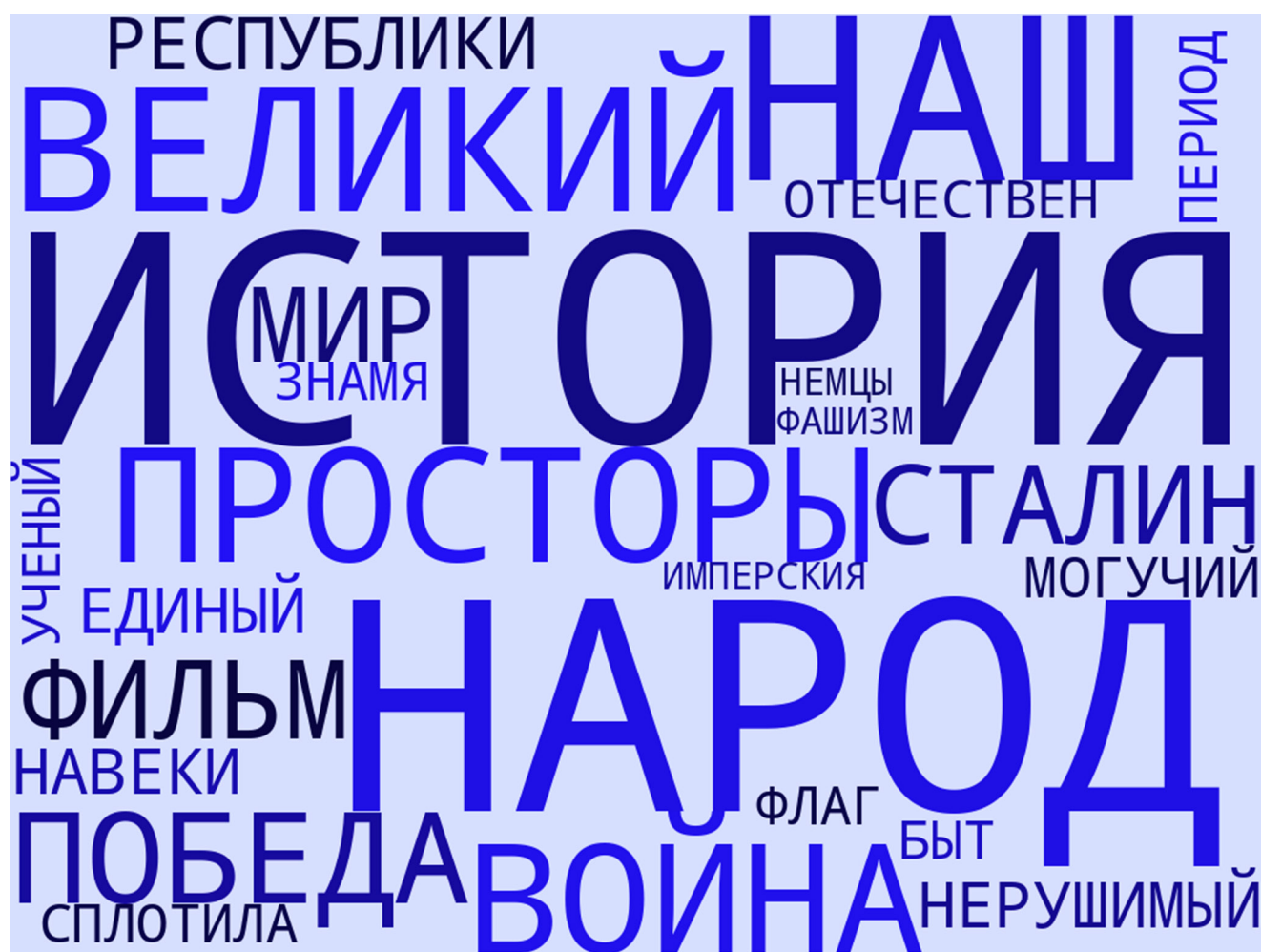

Рис. 1. Частотный анализ слов о Советском Союзе.

анализе всего последующего спектра тематических сообщений. Политическая проблематика включает широкий ряд вопросов, начиная от победы в Великой Отечественной войне и затрагивает менее повторяющиеся обстоятельства, такие как централизованная схема управления обществом, пропагандистская система информирования населения, политическая направленность государства (к примеру, нередко встречается словосочетание “имперские амбиции”), структура правительства, характер международных отношений, устройство экономического пространства (в частности, ограничение уровня экономических свобод) и т.д.

На *втором* месте находится обсуждение тем, связанных с характером организации социальных контактов в обществе и в быту. Это такие слова, как “дружба” — 197 повторов; “закон” — 168; “добро” — 109; “честность” — 108. Вместе с тем, несмотря на общую позитивную коннотацию заявленных слов, их оценка носит негативный смысл, иными словами, качество социальных отношений в СССР не вызывает у пользователей

положительных оценок. По их мнению, ведущим основанием для негативной оценки служит “показной”, иногда “фальшивый”, характер таких декларативных отношений со стороны государства.

Третью позицию занимают тексты об экономике страны и экономических условиях жизнедеятельности населения. Здесь часто речь идет о “квартирах” — 155; “заводах” — 152; “очередях” — 133; “капитализме” — 123; “собственности” — 112; “стаже работы” — 101; “бесплатных услугах” — 101; “рабочих профессиях” — 99; “трудовой деятельности” — 97; “плановой экономике” — 88; “промышленном производстве” — 84; “заработной плате” — 81 и т.д. Представленный спектр позиций позволяет утверждать то, что пользователи хорошо осведомлены об экономическом устройстве советского государства. Эти обсуждения также транслируются с негативным эмоциональным фоном, что требует дополнительного исследования. В качестве еще одного вывода можно отметить смешивание противоречивых (негативных и позитивных) экономических конструктов: пользователи

с примерно близкой частотой говорят о “квартирах” и “очередях”, “капитализме” и “бесплатных услугах” и т.п.

Четвертая позиция отражает гендерные особенности социального устройства государства того периода. Подобного рода сообщения содержат такие слова, как: “женщины” — 154; “мамы” — 131; “пол” — 111; “мужчины” — 77; “гендер” — 49. В целом респонденты обсуждают стремление к равноправию, но они также много говорят про двойную нагрузку, которая легла на плечи женщин (общественная работа и быт), “проговаривается” низкий уровень оплаты женского труда. В позитивном плане обсуждается уважительное отношение к материнству, разговоры о материнстве сопровождаются позитивным эмоциональным фоном.

Пятая позиция связана с обсуждением науки и техники (“профессор”, “физика”, “лауреат”, “космос”, “атом”, “самолет”, “конструктор”, “ракета”, “академик”, “полет”, “Королев”, “Гагарин”), *шестая* — с характером образования и особенностями профессиональной подготовки специалистов (“образование”, “учитель”, “педагог”, “учебник”, “врач”, “биолог”), *седьмая* отражает проблемы культуры (“экранизация”, “музыка”, “кино”, “мультфильм”, “артисты”, “музыкант”, “пьеса” и т.д.), *восьмая* — связана с концепцией атеизма (“Бог”, “атеизм”, “вера”, “запрет”, “преследование”). *Девятая* позиция носит процессуальный характер и содержит такие оценочные слова, как: “ответственные”, “результативность”, “обязательства”, что характеризует, скорее, условия жизнедеятельности общества, нежели характер устройства государства, но эти слова весьма показательны, так как носят массовый характер. Все описанные (наиболее высокочастотные) позиции содержат в себе отрицательную эмоциональную коннотацию (кроме позиций, связанных с материнством, и приведенных выше слов “пломбир” и “мультфильмы”).

ОЦЕНКА ПОЛЬЗОВАТЕЛЯМИ СОЦИАЛЬНОЙ СЕТИ ЭКОНОМИЧЕСКИХ УСЛОВИЙ ЖИЗНЕДЕЯТЕЛЬНОСТИ В СССР

Если рассматривать отношения пользователей к экономическим особенностям организации условий жизнедеятельности в СССР, то “глазами современников” можно выделить еще одну достаточно многокомпонентную (богатую по содержанию) социальную нишу государства. Так, наиболее

употребляемыми (*первыми* по частоте) словами, связанными со сферой экономики, стали следующие: “квартира” — 151, “завод” — 150 и “экономика” — 147. Очевидно, что оценка экономических явлений происходит от факторов частного характера (квартира) к коллективным (завод) и далее к общественным (экономика), т.е. наибольшую социальную “чувствительность” пользователи проявляют при оценке микроэкономических (частных) категорий, затем она (“чувствительность”) снижается по мере перехода к мезо- и макроэкономическим компонентам экономики. *Вторую* тройку наиболее часто повторяющихся слов составляют такие, как “миллион” — 145, “богатство” — 137, “очередь” — 130, что позволяет говорить о выраженной остроте переживаний, связанных с материальными факторами жизнедеятельности человека и условиями их достижения. В данной (второй) тройке слов уровень оценки реализуется в обратном порядке — от максимальных экономических диспозиций, доступных единицам (“миллион”), к более распространенному и доступному большому количеству людей (“богатство”) и к среднестатистическому образу жизни рядового советского гражданина (“очередь”). Не менее интересна *третья* тройка наиболее повторяющихся слов, которую в целом в тот (советский) период определили бы как “вещизм” — это такие слова, как “собственность” (123), “вещи” (122) и “капитализм” (119). По поводу последнего слова нужно знать, что капиталистический образ жизни в СССР пропагандировался как материально центрированный, а социальные взаимоотношения в его условиях — как лишенные “человеческого” контекста и выстраиваемые исключительно на позициях материальной выгоды. *Четвертую* позицию занимают слова, характеризующие образ трудовой деятельности того периода (“стаж” — 101, “труд” — 99, “рабочий” — 98), а на *пятой* обнаруживаются слова, отражающие характер организации экономически государства и ее основных отраслей в целом. Это такие слова, как “чиновник” — 91, “план” — 89, “промышленность” — 83, на *шестой* позиции представлены особенности организации трудового процесса (“рабочие” — 80, “производство” — 78, “зарплата” — 77), на *седьмой* — неприемлемое отношение в Советском Союзе к бизнесу и последствия такого отношения (“бизнес” — 72, “нищета” — 68), здесь же представлена позиция — “деньги” (69). В экономической подгруппе слов, как и выше, можно обнаружить одиночные их категории, которые очень примечательны для описания Советского Союза. Среди таких слов можно выделить следующие: “занавес” — 67 (слово часто употребляется с прилагательным “железный”), “водка” — 59,

“совок” — 59, “догнать” — 45 (слово звучит в экономическом контексте — “догнать (иногда обогнать) капиталистические страны”) и т.д. Есть и слова, характеризующие отношение к природе (“мать-природа” — 42) или отношения между людьми (“ценности” — 40, “сотрудничество” — 37), но эти слова со средней частотой употребления и носят единичный характер употребления (т.е. не представлены синонимичными категориями слов).

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ “ОТГОЛОСКИ” ЭКОНОМИЧЕСКОГО МЕНТАЛИТЕТА СОВЕТСКОГО ПЕРИОДА

Если для сравнения советского и современного периодов развития российской экономики обратиться к некоторой “лингвистической платформе”, то наиболее пригодным для такого анализа нам представляется следующий подход. Как известно, в современной экономике существуют три основные легитимные *формы* получения доходов — *наемный труд*, *предпринимательская* (самостоятельно организованная) деятельность и *самозанятость* (экономическая активность без привлечения наемных работников). В советский период формально разрешенным способом получения дохода выступал лишь наемный труд на государственных объектах (в силу законодательного запрета на иные формы экономической активности). Таким образом, если выявить предпочтения россиян относительно современных форм экономической деятельности, — избирательного *предпочтения* различных форм занятости, — то возможно удастся обнаружить своего рода следствия, повторения, “отголоски” советской эпохи.

Для соответствующего анализа можно обратиться к поисковым запросам Гугл, методично реализованным россиянами в течение последних 5 лет, и можно увидеть, что наиболее запрашиваемым (вызывающим интерес) способом экономического самообеспечения является заработная плата — доход, получаемый посредством *наемного труда* (см. диаграмму на рис. 2). Это связано со многими причинами, среди которых можно отметить следующие: он не требует предварительных финансовых вложений (достаточно обладать определенной “рабочей силой”), финансовые риски минимизированы (оплата труда гарантирована на уровне государства), менее энергозатратен по сравнению с самостоятельной активностью (нормирован по времени и определен по целям и задачам деятельности), предоставляет возможность выбора места (география) и специфики (профессия) работы [9].

Значительным недостатком такой организации частной жизни является то, что размеры оплаты труда в России не позволяли среднестатистическому человеку обеспечить высокий уровень жизни за счет его использования, что теоретически должно было обесценивать наемный труд как форму экономического самообеспечения.

К примеру, предпринимательская деятельность и *самозанятость* отличаются от наемного труда тем, что человек работает “на самого себя”, может одновременно использовать разные источники доходов, самостоятельно планировать свое рабочее время и единолично распоряжаться ресурсами, искусственно не ограничивать размер получаемого дохода, а вероятность получения высоких доходов велика [9]. С этой точки зрения, *предпринимательство* выступает наиболее эффективным способом достижения экономического благополучия, но для большинства российских граждан он является малопривлекательным. В частности, исследования российских социологов показывают, что 97% россиян не имеют опыта предпринимательской деятельности [1].

Если предположить, что избегание предпринимательской активности является национальной особенностью современных россиян, а сформировавшаяся соответствующая социальная установка в период проживания в Советском Союзе, возможно, передается по механизмам социального наследования более молодому поколению, то в странах с населением, не имеющим опыта хозяйствования в условиях “социалистического” уклада жизни, скорее всего, этот феномен не должен себя обнаружить. Для проверки такого предположения обратимся к поисковым запросам, произведенным из различных стран по основным экономическим формам получения доходов, таким как “заработная плата”, “доход” и “инвестиции”. Важно осознавать, что эти три формы получения дохода резко отличаются друг от друга как по количеству затрачиваемого времени, так и по уровню получаемого дохода. Так, *заработная плата* — это оплата труда на основе полного включения в работу в соответствии с еженедельным временным графиком и чаще всего с фиксированной оплатой труда, *доход* — это получаемая от предпринимательской (и иных видов) деятельности денежные или материальные ценности, приобретаемые в условиях самостоятельно избранного графика работы (трудового дня/недели), которая не имеет порогового ограничения в размерах. Инвестирование, в свою очередь, выделяется тем, что *прибыль* формируется без трудового участия собственника, лишь за счет обладания конкретными ресурсами

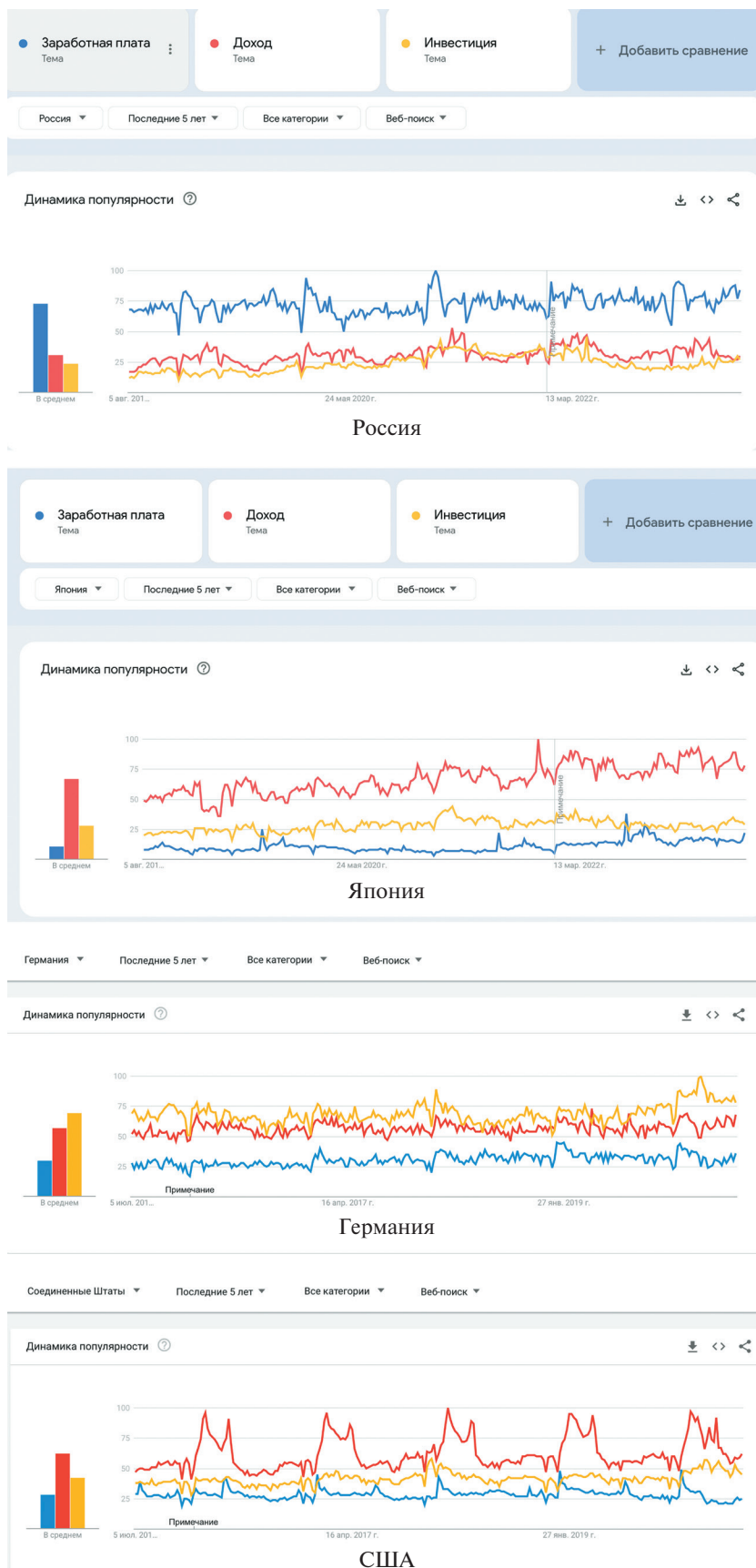

Рис. 2. Распределение интереса пользователей поисковой системы Гугл к информации о различных формах дохода.

(недвижимостью, акциями, патентами, авторскими правами и т.д.).

Как оказалось, во всех анализируемых государствах интерес к источникам доходов ярко выражен, хотя и имеет в каждой из них свою специфику. Так, в России бесспорным лидером среди запрашиваемых источников дохода является заработная плата — уровень запросов неизменно достигает 75⁵ баллов по 100-балльной шкале (иногда практически возрастая до 100 баллов). Интерес российских пользователей к бизнесу (предпринимательской деятельности) и инвестициям не достигает даже 30 баллов, т.е. практически в три раза ниже, чем интерес к заработной плате.

В США интерес к инвестициям также начинается от уровня в 25 баллов, как и в России, но интерес к заработной плате очень низкий. Вместе с тем в США наиболее высоким является интерес к бизнесу, эти запросы на протяжении всех пяти лет являются ведущими и в среднем концентрируются в пределах 50–75 баллов, но могут достигать отметки в 100 баллов. Ярко выраженная цикличность, с которой происходит увеличение интереса американцев к доходам от предпринимательской деятельности, ожидает более пристального изучения, но в рамках нашего исследования — не требует дополнительных пояснений.

Японцы, в отличие от россиян и американцев, демонстрируют самый низкий уровень интереса к заработной плате, запросы не превышают уровень в 10 баллов. Такое явление также специфично, т.е. присуще только японским пользователям и, видимо, имеет какое-то объяснение. Но в целях нашего исследования важен тот факт, что у японцев, как и у американцев, наиболее высокий интерес вызывает бизнес (хотя доходы от инвестиций им куда более интересны, чем заработная плата). Кроме того, интерес к доходам от предпринимательской деятельности не только не подвержен резким «скачкам», как в США, но и за последние пять лет неуклонно возрос.

Наиболее интересно, по нашему мнению, выглядят запросы из Германии, где наивысшее внимание граждан обращено к инвестициям. Интерес к предпринимательскому доходу практически приближается до уровня интереса к инвестициям, а заработная плата, как и в других странах с давними традициями рыночных отношений, вызывает наименьшее внимание пользователей. Здесь важно

отметить, что Германия является крупнейшей экономикой Европы по размеру номинального ВВП. Это позволяет сформулировать вопрос о характере отношения населения к различным источникам доходов как о *факторе развития экономики* страны в целом, хотя дать утвердительный ответ на этот вопрос пока еще не представляется возможным.

Таким образом, даже беглый взгляд на распределения запросов в четырех странах позволяет увидеть различия в характере проявления интереса населения к описанным выше формам экономической активности. Очевидно, что в странах с традиционно рыночной организацией экономики (Япония, Германия и США) интересы пользователей менее всего связаны с заработной платой, при которой основным источником доходов выступает наемная работа. Граждане этих стран более заинтересованы в информации о предпринимательских или инвестиционных формах получения доходов.

ВЫВОДЫ

По результатам проведенного исследования можно сделать следующие два *основных вывода*. Во-первых, широко применяемый в рамках современных социогуманитарных исследований методологический подход к изучению обыденного сознания через обращение к языковой его парадигме имеет все основания быть использованным в рамках макропсихологических исследований в онлайн-пространстве. Частным вариантом такого подхода является обращение к продуктам коммуникационного обмена в социальных сетях.

Во-вторых, можно с уверенностью утверждать, что уровень знаний, порожденный индивидуальным и массовым/групповым опытом, накопленным и усвоенным в период существования СССР, до сих пор продолжает использоваться населением для адаптации к изменившейся социальной среде, выступая неотъемлемой особенностью национального характера сознания. Данный факт, несомненно, можно рассматривать в рамках прикладных концепций изучения менталитета.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Можно ли, опираясь на приведенные данные, предположить, что *пробуждение интереса к предпринимательству*, стимулирование человека к самостоятельному решению основных его экономических проблем может выступать ведущим фактором экономического развития государства? И если эта позиция получит утвердительный ответ,

⁵ Уровень запросов по 100-балльной шкале распределяется самой системой Гугл, при этом чем выше количество баллов, тем большее количество людей запрашивают обсуждаемую тему или конкретное слово.

то станет ли одной из *задач* современной *психологической практики* формирования навыков экономической самореализации личности? Поиск ответов на такого рода вопросы выступает перспективным планом дальнейших исследований.

ЛИТЕРАТУРА

1. Горшков М.К., Тосунян Г.А. и др. И вновь на перепутье? Постсоветским трансформациям 30 лет... М.: Новые печатные технологии, 2019.
2. Гостев А.А. Проблема российского менталитета в свете отечественной православно-христианской традиции // История отечественной и мировой психологической мысли: ценить прошлое, любить настоящее, верить в будущее. М.: Изд-во "Институт психологии РАН", 2010. С. 22–32.
3. Гревцева Е.В., Типунова А.С., Холодная Е.А. Многообразие определений культуры как основа изучения данного феномена // Вестник науки. 2022. Т. 4. № 12 (57). С. 321–325.
4. Журавлев А.Л. Социально-психологическая динамика в изменяющихся экономических условиях // Психологический журнал. 1998. Т. 19. № 3. С. 3–16.
5. Журавлев А.Л., Китова Д.А. Автоматизированный анализ текстов в психологии: состояние и перспективы эмпирических исследований // Психологическое знание: стадии исследовательского процесса. М.: Изд-во "Институт психологии РАН", 2023. С. 249–282.
6. Журавлев А.Л., Китова Д.А. Отношение молодежи к коррупции как проявление экономического менталитета россиян // Психология и право. 2022. Т. 12. № 2. С. 178–193.
7. Историогенез и современное состояние российского менталитета / Отв. ред. В.А. Кольцова, Е.В. Харитонов. М.: Изд-во "Институт психологии РАН", 2015.
8. Историогенез и современное состояние российского менталитета. Выпуск 2 / Отв. ред. А.Л. Журавлев, В.А. Кольцова, Е.Н. Холондович. М.: Изд-во "Институт психологии РАН", 2016.
9. Китова Д.А. Микроэкономическая психология субъекта жизнедеятельности. М.: Изд-во "Институт психологии РАН", 2020.
10. Китова Д.А., Китов А.А. Экономический менталитет как проблема психологического анализа: от теоретических положений к эмпирическим исследованиям // Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология. 2020. Т. 5. № 4 (20). С. 67–95.
11. Кольцова В.А., Журавлев А.Л. Сущностные характеристики и факторы формирования российского менталитета // Психологический журнал. 2017. Т. 38. № 3. С. 5–17.
12. Психологические исследования в интернет-пространстве: поисковые системы, социальные сети, электронные базы. М.: Изд-во "Институт психологии РАН", 2020.
13. Семенов В.Е. Российская полиментальность и социально-психологическая динамика на перепутье эпох. СПб.: С.-Петербург. гос. университет, 2007.
14. Синякина Е.Г. Психолого-историческая реконструкция психологических характеристик русского крестьянства дореволюционного периода // История отечественной и мировой психологической мысли: ценить прошлое, любить настоящее, верить в будущее. М.: Изд-во "Институт психологии РАН", 2010. С. 593–604.
15. Фукуяма Ф. Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию. М.: Изд-во "АСТ", "Ермак", 2004.
16. Юревич А.В. К проблеме базовых компонентов национального менталитета // Психологический журнал. 2013. Т. 34. № 4. С. 89–100.
17. Inglehart R., Welzel C. Cultural Change and Democracy: The Human Development Sequence. NY.: Cambridge University Press, 2005.

ECONOMIC MENTALITY IN THE CONTEXT OF HISTORICAL AND PSYCHOLOGICAL ANALYSIS⁶

A. L. Zhuravlev*, D. A. Kitova**

*Institute of Psychology, Russian Academy of Sciences;
129366, Moscow, Yaroslavskaya str., 13, bldn. 1, Russia.*

**Academician of the Russian Academy of Sciences, scientific supervisor
of the Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences.*

E-mail: alzhuravlev2018@yandex.ru

***Doctor of Psychology, Professor, Leading Researcher of the Laboratory
of the History of Psychology and Historical Psychology.*

E-mail: j-kitova@yandex.ru

Received 08.08.2023

Abstract. Mentality as a psychological category stands out for its historicity, multifactoriality and variability and is the subject of a wide scientific discourse, tends to interdisciplinary analysis. In science, such facts are known as the mutual influence of the quality of life and a sense of existential security; the influence of public consciousness on the rate of economic growth; interdependence of quality of life and subjective satisfaction with life; differences in the perceptions of predominantly wealthy and needy segments of the population about the causes of poverty. The economic mentality of Russians seems to be a structural component of Russian polymentality and requires consideration not only of the nature of the influence on the economic behavior of the individual, but also on the economic development of the country as a whole. It was revealed that the analysis of message texts and search queries in the Google system will allow to show that in economies of various types there are psychological patterns of interest in economic phenomena. The proposed approaches allow us to consider that there are elements of the economic mentality that originated in the USSR and are preserved in the new economic conditions, demonstrating that foreign users are not identical in terms of the nature of the similar interest. As it turned out, interest in wages prevails at the heart of Russian requests, foreign users are more focused on obtaining information about entrepreneurial and investment income. The problem requires further study and substantiation of the psychological factors underlying economic phenomena.

Keywords: economic psychology, historical psychology, mentality, economic mentality, wages, income, investments, subjective economic well-being, hired work, business, entrepreneurship, digitalization of science.

REFERENCES

1. Gorshkov M.K., Tosunyan G.A. et al. I vnov' na pereput'e? Postsovetskim transformaciyam 30 let... Moscow: Novye pechatnye tekhnologii, 2019. (In Russian)
2. Gostev A.A. Problema rossijskogo mentaliteta v svete otechestvennoj pravoslavno-hristianskoj tradicii. Istoriya otechestvennoj i mirovoj psihologicheskoy mysli: cenit' proshloe, lyubit' nastoyashchee, verit' v budushchee. Moscow: Izd-vo "Institut psihologii RAN", 2010. P. 22–32. (In Russian)
3. Greveva E.V., Tipunova A.S., Holodnaya E.A. Mnogobrazie opredelenij kul'tury kak osnova izucheniya dannogo fenomena. Vestnik nauki. V. 4. № 12 (57). 2022. P. 321–325. (In Russian)
4. Zhuravlev A.L. Social'no-psihologicheskaya dinamika v izmenyayushchihsia ekonomicheskikh usloviyah. Psikhologicheskii zhurnal. 1998. V. 19. № 3. P. 3–16. (In Russian)
5. Zhuravlev A.L., Kitova D.A. Avtomatizirovannyj analiz tekstov v psihologii: sostoyanie i perspektivy empiricheskikh issledovanij. Psihologicheskoe znanie: stadii issledovatel'skogo processa. Moscow: Izd-vo "Institut psihologii RAN", 2023. P. 249–282. (In Russian)
6. Zhuravlev A.L., Kitova D.A. Otnoshenie molodezhi k korruptcii kak proyavlenie ekonomicheskogo mentaliteta rossiyan. Psihologiya i pravo. 2022. T. 12. № 2. P. 178–193. (In Russian)
7. Istoriogenez i sovremennoe sostoyanie rossijskogo mentaliteta. Eds. V.A. Kol'cova, E.V. Haritonova. Moscow: Izd-vo "Institut psihologii RAN", 2015. (In Russian)
8. Istoriya i sovremennoe sostoyanie rossijskogo mentaliteta. Vypusk 2. Eds. A.L. Zhuravlev, V.A. Kol'cova, E.N. Holodovich. Moscow: Izd-vo "Institut psihologii RAN", 2016. (In Russian)
9. Kitova D.A. Mikroekonomicheskaya psihologiya sub"ekta zhiznedeyatel'nosti. Moscow: Izd-vo "Institut psihologii RAN", 2020. (In Russian)

⁶ The study was financially supported by the Russian Science Foundation (RSF) within the framework of scientific project No. 21-18-00541.

10. *Kitova D.A., Kitov A.A.* Ekonomicheskij mentalitet kak problema psihologicheskogo analiza: ot teoreticheskikh polozhenij k empiricheskim issledovaniyam. Institut psihologii Rossijskoj akademii nauk. Social'naya i ekonomicheskaya psihologiya. 2020. V. 5. № 4 (20). P. 67–95. (In Russian)
11. *Kol'cova V.A., Zhuravlev A.L.* Sushchnostnye karakteristiki i faktory formirovaniya rossijskogo mentaliteta. Psikhologicheskii zhurnal. 2017. V. 38. № 3. P. 5–17. (In Russian)
12. Psihologicheskie issledovaniya v internet-prostranstve: poiskovyie sistemy, social'nye seti, elektronnye bazy. Moscow: Izd-vo "Institut psihologii RAN", 2020. (In Russian)
13. *Semenov V.E.* Rossijskaya polimental'nost' i social'no-psihologicheskaya dinamika na pereput'e epoh. Saint-Petersburg: S.-Peterb. gos. universitet, 2007. (In Russian)
14. *Sinyakina E.G.* Psihologo-istoricheskaya rekonstrukciya psihologicheskikh karakteristik russkogo krest'yanstva dorevolucionnogo perioda. Istoriya otechestvennoj i mirovoj psihologicheskoy mysli: cenit' proshloe, lyubit' nastoyashchee, verit' v budushchee. Moscow: Izd-vo "Institut psihologii RAN", 2010. P. 593–604. (In Russian)
15. Fukuyama F. Doverie: social'nye dobrodeteli i put' k процветанию. Moscow: Izd-vo "АСТ", "Ермак", 2004. (In Russian)
16. *Yurevich A.V.* K probleme bazovykh komponentov nacional'nogo mentaliteta. Psikhologicheskii zhurnal. 2013. V. 34. № 4. P. 89–100. (In Russian)
17. Inglehart R., Welzel S. Cultural Change and Democracy: The Human Development Sequence. New York: Cambridge University Press, 2005.

УДК 159.9

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ СУИЦИДА В СУИЦИДАЛЬНЫХ МЕМАХ

© 2023 г. С. А. Говоров^{1,*}, Е. М. Иванова^{1,2,**}, С. Н. Ениколопов^{1,***}

¹ФГБНУ “Научный центр психического здоровья”;

115522, г. Москва, Каширское шоссе, д. 34, Россия;

²ФГАОУ ВО “Российский национальный исследовательский медицинский университет имени Н.И. Пирогова” Министерства здравоохранения Российской Федерации;

117997, г. Москва, ул. Островитянова, д. 1, Россия.

*Аспирант отдела медицинской психологии.

E-mail: stsgovorov@hotmail.com

**Кандидат психологических наук, старший научный сотрудник ФГБНУ НЦПЗ, доцент кафедры клинической психологии РНИМУ им. Н.И. Пирогова.

E-mail: ivalenka13@gmail.com

***Кандидат психологических наук, руководитель отдела медицинской психологии.

E-mail: enikolopov@mail.ru

Поступила 13.02.2023

Аннотация. В настоящей статье приводится обзор современных исследований суицидальных мемов, их роли в формировании суицидальной идеации, а также их влияния на психическое здоровье интернет-пользователей в целом. Освещена модель “заражения самоубийством в киберпространстве” П. Марседена, в рамках которой эмоциональная репрезентация самоубийства в меме становится ключевым фактором при оценке его суицидогенного потенциала. Анализируются существующие на данный момент классификации суицидальных мемов, оцениваются перспективы их дальнейшего уточнения и практического применения. Предлагается следующая теоретическая классификация суицидальных мемов: неюмористические “просуицидальные”, неюмористические “антисуицидальные” (например, используемые в антисуицидальных пабликах), юмористические. Выдвигаются гипотезы о том, что репрезентации суицида в юмористических мемах: 1) различаются в разных мемах; 2) определяются индивидуальным восприятием; 3) позитивная и негативная репрезентации должны присутствовать одновременно для достижения комического эффекта. Предполагается, что в случае с юмористическими мемами возникает более сложное восприятие самоубийства, которое может одновременно отражать и наличие суицидальных мыслей, и критическое отношение к ним. В статье анализируется ряд современных исследований, указывающих как на положительные, так и на отрицательные аспекты влияния суицидальных мемов на психическое здоровье. Делается вывод о том, что характер суицидальной репрезентации в меме не является единственным фактором, определяющим его суицидогенность.

Ключевые слова: суицид, суицидальное поведение, репрезентация суицида, юмор, черный юмор, мемы, суицидальный мем.

DOI: 10.31857/S020595920027723-1

Мем — это термин, предложенный биологом Р. Докинзом для обозначения культурных феноменов, таких как крылатые фразы, фото, карикатуры, которые, подобно генам, распространяются путем копирования и подвергаются естественному отбору [2]. С развитием электронных средств коммуникации в конце XX века он стал все чаще использоваться в своем узком значении медиаобъекта, который распространяется, трансформируется и имитируется через интернет большим количеством

пользователей [25]. Учитывая продолжающийся рост количества пользователей социальных сетей, неудивительно, что мемы привлекают пристальное внимание исследователей во всем мире. Особый интерес специалистов в области психического здоровья вызывают мемы, центральной темой которых является самоубийство. Несмотря на очевидную мрачность тематики, мнения профессионалов относительно их влияния на психическое здоровье интернет-пользователей существенно разнятся.

В настоящей статье термин “депрессивный мем” будет использоваться для обозначения интернет-мема, один или несколько элементов которого затрагивает тему депрессивных переживаний, смерти, социальной изоляции, сниженного настроения; “суицидальный мем” — для обозначения разновидности интернет-мема, затрагивающего тему самоубийства или самоповреждения.

Цель теоретического исследования — систематизация и обобщение данных современных исследований интернет-мемов, затрагивающих тему суицида, анализ их положительного и отрицательно-го влияния на психическое здоровье интернет-пользователей.

В соответствии с целью исследования был проведен тематический поиск литературы в базах данных *eLibrary.Ru*, *Google Scholar*, *PubMed*, *APA PsycNet* по ключевым словам: “суицидальный мем”; “мемы” + “суицид”; “мемы” + “психическое здоровье”; “*suicide meme*”; “*memes*” + “*suicide*”; “*memes*” + “*mental health*”. В первую очередь отбирались публикации психологических исследований влияния интернет-мемов суицидальной тематики на психическое здоровье.

СУИЦИДОГЕННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ САМОУБИЙСТВА В КУЛЬТУРЕ И МЕДИА

Суицидальная тематика в культуре и медиа традиционно является предметом большого количества исследований специалистов в области психического здоровья и социологии, многие из которых приходят к выводу о том, что на суицидальные наклонности человека могут оказывать влияние репрезентации самоубийства в искусстве, СМИ, интернете [5; 14; 17]. Причем оно может носить разнонаправленный характер: как провоцирующий суицидальное поведение (так называемый “эффект Вертера”) [22], так и защитный, антисуицидальный (“эффект Папагено”) [6].

Д. Лестер, анализируя репрезентацию суицида в культуре, использует популярную в зарубежной суицидологии модель “суицидального заражения” (“*suicide contagion*”). Автор акцентирует внимание на способности мема распространяться и “заражать” свою аудиторию [18]. В отечественной суицидологии общепринято использование термина “суицидогенность”, под суицидогенезом здесь понимается процесс формирования суицидального поведения от момента возникновения антивитаальных переживаний до момента формулировки суицидальных идей и реализации суицидальных действий

[1, с. 27]. Суицидогенным потенциалом мема в настоящей статье будет обозначаться его способность формировать суицидальные идеацию и поведение у реципиентов.

П. Марсден указывает на то, что суицид в суицидальном меме (в широком значении культурного феномена) может освещаться в разном ключе: как позитивном, так и негативном [20]. К примеру, в истории Ромео и Джульетты самоубийство может интерпретироваться в русле романтической трагедии, где оно служит доказательством силы их любви (позитивная репрезентация). С другой стороны, оно может трактоваться и как свидетельство юношеского максимализма и глупости главных героев (негативная репрезентация). В своем исследовании П. Марсден анализирует влияние разных версий суицидальной записки К. Кобейна (солиста рок-группы *Nirvana*) на суицидальную идеацию ее читателя. В 1994 году музыкант был обнаружен мертвым у себя дома в Сиэтле, неподалеку лежала предсмертная записка. Участниками исследования стали интернет-пользователи, искавшие в поисковых системах эту записку, — одним из результатов поиска выдавалась ссылка с приглашением на участие в нем. Респонденты были распределены случайным образом по 4 группам, участникам трех из них было предложено ознакомиться с: 1) оригинальной запиской (по предположению автора, она представляет собой относительно позитивную репрезентацию суицида — основной акцент музыкантом делается на невозможности его не совершить); 2) запиской со вставками осуждающих и высмеивающих самоубийство комментариев его супруги К. Лав; 3) запиской, искусственно созданной с использованием доминирующих негативных ассоциаций, связанных с суицидом: боль, самоубийство как трусость, страдание и т.д. Четвертая группа стала контрольной — ее участники не читали записку. Далее респондентам предлагалось ответить на проективный вопрос (“Вы бы совершили самоубийство на месте Кобейна?”) и прогностический вопрос о возможности собственного самоубийства в будущем (насколько это вероятно по шкале от 1 до 7).

Результаты исследования показали, что экспозиция суицидальной записки с негативной репрезентацией суицида (версия К. Лав и версия, созданная с использованием негативных ассоциаций) снижали уровень проективной и прогностической суицидальности в сравнении с экспозицией оригинальной записки. Однако экспозиция любой из версий суицидальной записки повышала оба этих показателя в сравнении с контрольной группой. На основании этих результатов исследователь предлагает модель “заражения суицидом в кибер-

пространстве” (“*cyber suicide contagion*”), которая предполагает наличие у мема, изображающего суицид, суицидогенного потенциала, причем негативная репрезентация самоубийства помогает снизить этот потенциал, но не полностью его нивелировать [20].

Ограничение приведенного исследования состоит в том, что предсмертная записка, даже при условии искусственного внедрения в нее негативных ассоциаций, в значительной мере сохраняет элементы оправдания и объяснения самоубийства, поэтому репрезентация суицида в позитивном ключе не была полностью исключена. Также модель П. Марседена, фокусируясь на суицидогенности, не учитывает “эффект Папагено”, в рамках которого определенные сообщения в СМИ и Интернете могут оказывать антисуицидальный эффект. Поэтому вывод автора о невозможности нивелирования суицидогенного потенциала мема о самоубийстве остается дискуссионным.

ТЕМАТИКА СУИЦИДАЛЬНЫХ МЕМОВ И ИХ КЛАССИФИКАЦИЯ

Появление первых суицидальных мемов (здесь и далее по тексту термин “мем” используется в его узком значении медиаобъекта, циркулирующего по интернету) датируется 2011–2012 гг., но только с 2016 г. начинается их экспоненциальный рост [19]. Сегодня они продолжают набирать популярность и распространяться среди интернет-пользователей. Возможность имитации и трансформации суицидальных мемов (картинки дополняются или заменяются на другие, подписи редактируются, меняется шрифт, цвет текста и т.д.) обеспечивает их максимальную релевантность запросам участников цифровой коммуникации. Среди исследователей на данный момент не существует единого подхода к анализу разнообразия их тематики и классификации.

В исследовании Л.С. Усмановой [8] было предложено сразу несколько подходов к классификации юмористических суицидальных мемов. Автором в случайном порядке были отобраны 100 мемов с платформ “ВКонтакте”, “Twitter”, “Facebook”¹. Далее, используя лингвистический, коммуникативный и семиотический подходы, а также нетнологию как метод анализа онлайн-контента, они были проанализированы и разбиты по группам.

¹ Компания *Meta Platforms Inc.*, владеющая социальной сетью *Facebook*, по решению суда от 21.03.2022 признана экстремистской организацией, ее деятельность на территории России запрещена.

На основании способа генерирования юмористического эффекта они были разделены на две группы: 1) мемы, основанные на желании или нежелании совершить самоубийство; 2) мемы, в основе которых лежит абсурд. При анализе каждой из этих групп в отдельности были выявлены следующие преобладающие тематики с их процентным соотношением. За 100% принимается общее количество мемов, в которое входят обе вышеобозначенные категории.

1. Мемы, основанные на желании или нежелании совершить самоубийство: 19% — суицидальные мысли (“То чувство, когда в голову приходят мысли о самоубийстве” и радостный смайлик); 15% — высмеивание склонности к самоубийству (“Когда выбираешь, на каком дереве повеситься”); 7% — высмеивание желания привлечь внимание через суицид (“Неправильно режешь вены”); 6% — причины не совершать суицид. Последняя категория, по мнению исследователя, представляет особый интерес, так как ее тематику можно описать как антисуицидальную.

85% из мемов этой группы (антисуицидальных) основаны на глубокой привязанности человека к семье (“мама будет грустить”), 10% — любви к фильму или бренду (премьера долгожданного фильма как причина не совершать самоубийство). Можно, однако, предположить и альтернативную трактовку тематики этих мемов. Учитывая, что комический эффект, как правило, достигается через совмещение разноплановых контекстов, юмористический потенциал этой категории мемов может основываться на противопоставлении трагедийности суицида и незначительности поводов продолжать жить. “Грусть мамы” может восприниматься как недостаточно интенсивная аффективная реакция на произошедшее (которая скорее бы соответствовала “двойке” в дневнике), а премьера фильма как явление слишком обыденное. Таким образом, обозначение данной категории как антисуицидальной, на наш взгляд, требует дополнительного обоснования.

2. Абсурдные мемы: 21% — высмеивание “нелепых” причин для самоубийства (пропущенные звонки от родителей); 20% — основаны на языковой игре и использовании метафор (слово “висеть”); 12% — “суицидальное” поведение животных (голубь стоит на краю крыши); 6% — мемы про любовь к суицидальному юмору (изображение развилки с двумя дорогами: “нормально общаться” и “шутить про суицид”). Судя по процентному соотношению, часть мемов была отнесена к более чем одной группе.

Необходимо отметить, что данная классификация требует ряда уточнений. Выделение “абсурда”

как категории мемов может представлять значительный интерес, так как исследование В. Руха и Ф.-Й. Хела показало, что предпочтение шуток, основанных на нелепости, в противовес шуткам с разрешением несоответствия может отражать более высокий уровень толерантности человека к противоречию и меньшую степень ригидности [24]. Однако категории абсурдных мемов и мемов, основанных на желании или нежелании совершить самоубийство, выделены по разным основаниям и могут пересекаться. К примеру, высмеивание склонности к самоубийству (“Когда выбираешь, на каком дереве повеситься”) содержит в себе значительные элементы абсурда, а мемы, основанные на “нелепых” причинах для самоубийства, вполне могут быть отнесены к обеим категориям.

Также в исследовании Л.С. Усмановой предлагаются другие варианты классификации мемов: 1) по способу создания (фотошоп, скриншот, фотографии и т.д.); 2) по изображаемым персонажам (знаменитости, животные, герои мультфильмов); 3) по структуре (текст, изображения, совмещение текста и изображения).

В исследовании Дж. Перес [21] был использован метод открытого кодирования, позволяющий найти повторяющиеся темы, мысли, идеи в большом массиве данных. Юмористические суицидальные мемы с платформ “*Reddit*” и “*Tumblr*” были разбиты на двадцать категорий: праздники (совершение суицида на Рождество, Хэллоуин, день рождения), врачи (радость от постановки опасного диагноза, эвтаназия), “мета” (создание или получение удовольствия от просмотра суицидального мема), преступники (просьба к грабителям убить) и т.д. Исследователь отмечает, что разделение довольно условное и большинство суицидальных мемов попадает в более чем одну категорию.

В качестве наиболее общей категории, в рамки которой вписываются все другие, выделяется “антибудущность” (“*anti-future*”). Дж. Перес предполагает, что суицидальные мемы символически убивают прогресс и инновации. Уходя в сферу политического дискурса, автор пишет, что подобные мемы направлены против репродуктивного футуризма (веры в то, что участие в политической жизни мотивировано желанием создать лучшее будущее для детей). Особенности индивидуального восприятия суицидальных мемов разной тематики остаются за рамками исследования.

Е.Д. Костюхина и А.Б. Холмогорова [4] в своем исследовании выстроили классификацию мемов про депрессию и суицид следующим образом (экспертную оценку проводили 8 студентов старших курсов психологических факультетов МГППУ,

процедура и методика не уточняются): 1) “описательные” (не несут позитивной или негативной оценки описываемой ситуации); 2) “призывающие” (изображают плюсы депрессии/суицида); 3) “чувства” (безоценочно отражают мысли и чувства людей с суицидальными мыслями или депрессией); 4) “черный юмор” (согласно определению авторов, это шутки не всегда приличного содержания на темы, на которые не принято шутить — по всей видимости, в эту категорию вошла только часть юмористических мемов); 5) “романтизирующие” (положительно оценивающие суицид). 5 мемов были квалифицированы как “неоднозначные”, так как эксперты затруднялись отнести их в какую-либо из категорий. В исследовании приняли участие респонденты ($n = 461$), использующие интернет-мемы про депрессию и суицид в повседневной коммуникации, из них 26.8% утверждали, что страдают тем или иным психическим расстройством (согласно данным анкеты). В рамках исследования была сделана попытка выявить предпочтение людей с разной степенью суицидального риска той или иной категории депрессивных мемов (суицидальные мемы рассматриваются авторами как более узкая категория в рамках депрессивных). Депрессивные мемы действительно оценивались как более привлекательные респондентами с более высокой степенью выраженности депрессии и суицидального риска. Однако при оценке количества респондентов в группах с разной степенью суицидального риска, предпочитающих тот или иной тип депрессивных мемов, значимой взаимосвязи выявлено не было. Поэтому авторы заключили, что в подобных мемах привлекательна сама тема суицида или депрессии вне зависимости от конкретного их типа в рамках использованной классификации (описательного, романтизирующего и т.д.).

Таким образом, можно сделать вывод, что суицидальные мемы гетерогенны и могут значительно отличаться друг от друга по структуре, набору персонажей, тематике, а также содержанию. Остается актуальным вопрос о том, насколько эти различия влияют на особенности их восприятия (как суицидентами, так и условно здоровыми людьми). Приведенные данные свидетельствуют, скорее, в пользу того, что в целом данный жанр мемов предпочитают люди с признаками депрессии и суицидального риска.

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ САМОУБИЙСТВА В СУИЦИДАЛЬНОМ МЕМЕ

Вопрос о репрезентации суицида в суицидальном интернет-меме представляет значительный интерес, так как, согласно модели П. Марсдена, она

будет во многом влиять на его суицидогенный потенциал. Однако, в отношении юмористических мемов ответить однозначно, изображено ли самоубийство в позитивном ключе или негативном, представляется непростой задачей.

С одной стороны, в классификации Л.С. Усмановой присутствуют три категории, основанные на высмеивании: 1) склонности к самоубийству; 2) привлечения внимания через суицид; 3) нелепых мотивов для совершения суицида. Также отдельной категорией выделены антисуицидальные юмористические мемы. Исходя из этого, можно предположить существование особой группы суицидальных мемов с негативной репрезентацией суицида. С другой стороны, там же присутствует такая категория, как “суицидальные мысли”, в которой репрезентация самоубийства может быть оценена скорее как позитивная. Таким образом, первая гипотеза может быть сформулирована следующим образом: репрезентации суицида различаются в разных юмористических мемах, что может влиять на их суицидогенность.

Однако, можно предположить, что вопрос однозначной эмоциональной оценки суицида в шутке представляет значительную сложность даже в рамках одного мема и в значительной степени отражает особенности индивидуального восприятия. К примеру, мем, изображающий суицид 13 февраля с целью получить цветы на День святого Валентина, может трактоваться как противопоставление трагичности суицида и нелепости его мотивов, что скорее соответствует негативной репрезентации суицида. С другой стороны, комический контраст в восприятии индивидуума может сместиться в сторону противопоставления повседневности реальности (рутинная традиция дарить цветы на День святого Валентина) катастрофичности ее последствий (тяжелые переживания человека, исключенного из этой рутины), что скорее отражает позитивную репрезентацию суицида как закономерного ответа на жестокость мира вокруг, и, в свою очередь, кардинально изменит его эмоциональную оценку. Поэтому вторая гипотеза состоит в том, что предпочтение той или иной трактовки будет зависеть от особенностей индивидуального восприятия, степени выраженности суицидальной идеации и может различаться между суицидентами и условно здоровыми людьми.

Третья гипотеза может быть обоснована предположением о необходимости существования амбивалентных переживаний относительно объекта шутки для достижения комического эффекта [12], а также идеей А.Г. Козинцева о том, что юмор представляет собой не отношение индивида к миру

вокруг или отдельным его элементам, а рефлексию этого отношения, которое не укладывается в однозначные категории “хорошо/плохо” [3]. Следуя этой логике, для восприятия суицидального мема как смешного необходимо одновременное присутствие позитивных и негативных аспектов суицида, которое будет определяться не столько объективными характеристиками мема, сколько субъективным восприятием. Эту гипотезу косвенно подтверждают выводы Е.Д. Костюхиной и А.Б. Холмогоровой о привлекательности в суицидальных мемах скорее самой темы самоубийства, нежели конкретных подтем (категорий мемов). Иными словами, возвращаясь к примеру с Днем святого Валентина, трактовки суицида как “нелепого” (негативная репрезентация самоубийства) и “закономерного” (позитивная) существуют одновременно, порождая комичную коллизию разнонаправленных схем восприятия и сопутствующих амбивалентных переживаний. Более того, недоступность одной из этих схем в индивидуальном восприятии будет, вероятно, приводить к тому, что суицидальный мем потеряет свой комичный эффект для интернет-пользователя.

Также важно отметить, что не все суицидальные мемы могут быть оценены как юмористические. К примеру, в черно-белой картинке, изображающей плачущего подростка с текстом: “Я чувствую себя одиноким, пустым и хочу умереть”, отсутствуют очевидные комические элементы, и репрезентация суицида в ней скорее положительная (однозначная оценка и здесь может представлять затруднения, так как особенности индивидуального восприятия могут вносить свои коррективы). И наоборот, репрезентация самоубийства в меме, используемом во многих антисуицидальных пабликах (дорожный знак “стоп” рядом со словом “суицид”), будет оценена как скорее негативная. Поэтому, несмотря на зыбкость границы между смешным и серьезным, разделение суицидальных мемов на юмористические и неюмористические представляется крайне важным для оценки их суицидогенного потенциала. На основе вышесказанного может быть предложена следующая теоретическая классификация суицидальных мемов: “про-суицидальные” (неюмористические мемы со скорее позитивной репрезентацией самоубийства), “антисуицидальные” (неюмористические мемы, репрезентация скорее негативная), юмористические (репрезентации самоубийства варьируют либо присутствуют одновременно). Можно предположить, что в случае с юмористическими мемами возникает более сложное восприятие самоубийства, которое может одновременно отражать и наличие суицидальных мыслей, и попытку с ними

справиться, критическое отношение, способность к рефлексии суицида за пределами однозначных оценок “хорошо” и “плохо”.

СУИЦИДАЛЬНЫЕ МЕМЫ И ПСИХИЧЕСКОЕ ЗДОРОВЬЕ

Широкое распространение суицидальных мемов обуславливает высокий интерес специалистов здравоохранения к изучению механизмов их популярности и оценке их влияния на психическое здоровье и благополучие интернет-аудитории. Несмотря на очевидную мрачность исследуемого феномена, многие авторы указывают на то, что однозначная трактовка этого влияния как негативного представляется необоснованной.

Согласно ряду исследований [9; 11], респонденты с выраженными симптомами депрессии чаще оценивали депрессивные и суицидальные мемы (как подгруппу депрессивных) как релевантные и повышающие настроение, чем мемы общей тематики (судя по опубликованным примерам из стимульного материала, исследовались мемы юмористические). Е.Д. Файнтух и А.Б. Холмогорова в своей работе [9] показали положительную корреляцию между привлекательностью депрессивных мемов и показателями алекситимии и отрицательную — между интересом к их просмотру и доступностью конструктивных копинг-стратегий, направленных на решение жизненных проблем. Опираясь на эти результаты, авторы делают вывод о том, что подобные мемы могут служить своеобразным средством самовыражения вследствие низкой доступности альтернативных способов выражения своих чувств при сильном недифференцированном дискомфорте, граничащем с желанием покончить с собой. Они предполагают, что в краткосрочной перспективе данная стратегия может приносить временное облегчение, повышать настроение и создавать ощущение общности с группой, для которой этот контент является релевантным. С другой стороны, частый просмотр депрессивных мемов может закрепляться как поведенческий паттерн и блокировать формирование более конструктивных копинг-стратегий. Поэтому данную стратегию совладания с негативными чувствами авторы исследования считают непродуктивной.

Ряд специалистов указывает на еще более негативное влияние суицидальных мемов на психическое здоровье интернет-пользователей [10; 16]. Говоря о популяризации психических расстройств в интернет-пространстве, Р. Джадаель и соавторы утверждают, что подобные мемы (судя по опубликованному иллюстративному материалу, исследо-

вались как юмористические, так и неюмористические мемы) могут вдохновить людей на нанесение себе физических повреждений и оказать значительное влияние на формирование суицидальной идеи [16].

В отличие от данных исследователей, психолог-практик Б. Эндрюс акцентирует внимание на положительном влиянии циркуляции суицидальных мемов в интернете. Он утверждает, что традиционный научный взгляд, согласно которому любое упоминание суицида несет в себе суицидогенный потенциал, породил большое количество официальных рекомендаций, как правильно это делать, и высокий уровень стигматизации этой темы [7]. “Те самые люди, до которых мы пытаемся достучаться, молодежь, — мы рассказываем им, что они не могут говорить о самоубийствах так, как они говорят об этом, — отмечает Б. Эндрюс. — Если почитать комментарии к этим мемам, вы увидите, что люди находят в них пользу. Они не чувствуют себя одинокими. Для них это способ анонимно сообщить о своей внутренней боли креативным, очень умным способом” (Andrews, 2017 — цит. по: [13], перевод наш — С.Г.).

Ряд исследователей отмечают, что самовыражение и снижение тяжести переживаний могут быть не единственной целью онлайн-постинга, для многих это становится криком о помощи и способом привлечь внимание к своим трудностям [15; 23]. Дж.П. Вилленборг в своей работе [27] анализирует влияние репоста юмористического суицидального мема интернет-пользователем на уровень и тип поддержки, которую близкие готовы ему оказать после просмотра этого репоста. В рамках исследования был проведен онлайн-опрос 161 условно здорового интернет-пользователя. Всем участникам было предложено подумать о близком человеке с диагностированным депрессивным расстройством (или представить себе подобную ситуацию). После этого участникам экспериментальной группы предъявляли несколько суицидальных мемов и затем просили представить, что этот человек сделал их репост. Участникам контрольной группы мемы предварительно не предъявлялись — в их случае инструкция заключалась лишь в том, чтобы представить близкого, страдающего депрессией. Далее для обеих групп следовал ряд вопросов относительно степени и типа поддержки, которую они будут готовы ему оказать. Результаты показали, что ни повышения, ни снижения заботы и поддержки со стороны близких репост суицидального мема не вызовет, что, по предположению исследователя, может быть обосновано юмористическим характером коммуникации. Из этого автор делает

вывод о том, что использовать суицидальный мем как средство самовыражения безопасно, так как снижения заботы со стороны окружающих это не вызовет. Однако, если целью репоста является привлечение внимания к своим трудностям, то подобная стратегия, скорее всего, не приведет к достижению результата.

В недавнем американском исследовании [26] оценивалось влияние юмористических мемов о суициде, а также мемов общей тематики на суицидальную “сенситивность” у студентов, обучающихся на социальных работников. Этим термином была обозначена способность к эмпатии по отношению к людям, жалующимся на депрессию и суицидальные мысли, и осведомленность о том, что у суицида могут быть разные причины, и за ним всегда стоит индивидуальная история. Термином “десенсибилизация” обозначается снижение этой чувствительности, что отражается в шаблонном восприятии самоубийства и ограниченной способности к сопереживанию. Для оценки данного конструкта была разработана Шкала суицидальной сенситивности (“*Suicide Sensitivity Scale*”), по которой десенсибилизация определялась согласием с такими утверждениями, как: “Единственно возможный исход депрессии — это самоубийство”, “Люди, совершающие самоубийство, эгоистичны”, “Люди, совершившие самоубийство, просто страдали от депрессии и нуждались в помощи”. Исследователи предположили, что просмотр мемов может снижать суицидальную сенситивность.

В результате было обнаружено, что мемы общей тематики действительно ведут к суицидальной десенсибилизации у респондентов относительно концепции и акта самоубийства, в то время как суицидальные мемы не имеют подобного эффекта. Более того, часть утверждений из Шкалы суицидальной сенситивности, наоборот, дала незначительное повышение сенситивности. Исследователи объясняют это тем, что сам факт упоминания суицида может быть достаточен для обострения чувств, с ним связанных. Что касается мемов общей тематики, то они, как правило, не затрагивают таких острых, волнующих вопросов как самоубийство, поэтому, по предположению авторов, их эффект сводится к универсальной защитной силе юмора, одним из следствий которой становится снижение суицидальной сенситивности.

Дополнительно в исследовании контролировался показатель степени знакомства респондента с предъявляемыми мемами, однако взаимосвязи этого показателя с уровнем суицидальной сенситивности выявлено не было, из чего был сделан вывод о том, что действие мемов исключительно

краткосрочно. На основании этого была сформулирована рекомендация для социальных работников не просматривать именно мемы общей тематики в течение рабочего дня, так как, по мнению исследователей, их краткосрочный десенсибилизирующий эффект может оказать негативное влияние на качество оказываемой профессиональной помощи. На наш взгляд, данная рекомендация спорна, так как игнорирует необходимость защиты от стресса для эффективной работы сотрудников.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подводя итог анализу вышеприведенных исследований, можно утверждать, что вопрос влияния суицидальных мемов на психическое здоровье интернет-пользователей остается нерешенным: 1) ряд специалистов указывают на их способность улучшать настроение у лиц с депрессией и суицидальными мыслями, помогать в выражении негативных переживаний, создавать чувство общности и принадлежности группе людей, сталкивающихся с аналогичными трудностями в жизни; 2) в других работах показана способность мемов провоцировать суицидальное поведение по принципу подражания и блокировать формирование более конструктивных копинг-стратегий, также отмечается неэффективность репоста суицидальных мемов в качестве инструмента поиска поддержки со стороны окружающих. Таким образом, по-видимому, эмоциональная репрезентация суицида не является единственным критерием, определяющим суицидогенный потенциал мема. Скорее, его воздействие носит комплексный характер: с одной стороны, позитивная репрезентация самоубийства (если она присутствует) может оказывать суицидогенное влияние, с другой — помощь в выражении негативных переживаний и создание чувства принадлежности могут обладать эффектом антисуицидальным.

Необходимо отметить, что все вышеприведенные исследования были проведены при участии условно здоровых респондентов. Наличие того или иного психического расстройства, а также присутствие суицидальных попыток в анамнезе либо не контролировалось, либо оценивалось психометрически, но не клинически, что обуславливает актуальность дальнейших исследований роли суицидальных мемов на клинической выборке. Остается открытым вопрос о различиях в восприятии суицидальных мемов в разных возрастных группах. Также необходимо отметить, что в вышеприведенных исследованиях и научной литературе в целом юмористические и неюмористические мемы зачастую

недостаточно четко разделены. Несмотря на избыточность границы между смешным и серьезным, их дифференциация, на наш взгляд, является принципиально важной для данной проблематики.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Билле-Браге У. и др. Глоссарий суицидологических терминов: Методическое пособие. Киев, 1998.
2. Докинз Р. Эгоистичный ген / Пер. с англ. Н. Фоминой. М.: АСТ: CORPUS, 2013.
3. Козинцев А.Г. Разнонаправленное двуголосое слово: эстетика и семиотика юмора // Антропологический форум. 2013. № 18. С. 143–162.
4. Костюхина Е.Д., Холмогорова А.Б. Виртуальная коммуникация о депрессии и суициде с использованием интернет мемов // VII Всероссийская научно-практическая конференция по психологии развития (чтения памяти Л.Ф. Обуховой) “Возможности и риски цифровой среды”. Сборник материалов конференции (тезисов). Т. 1 / Ред. Т.А. Басилова и др. М.: Издательство ФГБОУ ВО МГППУ, 2019. С. 332–335.
5. Любов Е.Б. Сми и подражательное суицидальное поведение. Часть 1 // Суицидология. 2012. № 3. С. 20–29.
6. Любов Е.Б., Антохин Е.Ю., Палаева Р.И. Комментарий. Двудликая паутина: Вертер vs Папагено // Суицидология. 2016. Т. 7. № 4 (25). С. 41–51.
7. Суицид в СМИ: регулируются ли вопросы освещения самоубийств в этических кодексах? [Электронный ресурс] / Общественная коллегия по жалобам на прессу 10.09.2017. URL: <https://presscouncil.ru/mezhdunarodnyj-opyt/5838-suitsid-v-smi-reguliruyutsyalivoprosy-osveshcheniya-popytok-ili-sluchaev-suitsidav-eticheskikh-kodeksakh> (дата обращения: 25.08.2023).
8. Усманова Л.С. Мемы про суицид как разновидность черного юмора в интернете // Вестник Международного института рынка. 2020. № S2. С. 90–94.
9. Файнтех Е.Д., Холмогорова А.Б. Коммуникация на тему депрессии в Интернете — фактор психопатологии или ресурс для психотерапии? // Современная терапия психических расстройств. 2021. № 1. С. 44–54.
10. Akil A.M., Ujhelyi A., Logemann H.N.A. Exposure to depression memes on social media increases depressive mood and it is moderated by self-regulation: Evidence from self-report and resting EEG assessments // Frontiers in Psychology. 2022. V. 13. Art. 880065.
11. Akram U., et al. Exploratory study on the role of emotion regulation in perceived valence, humour, and beneficial use of depressive internet memes in depression // Scientific Reports. 2020. V. 10. Art. 899.
12. Barron J.W. Humor and psyche: Psychoanalytic perspectives. NJ, Hillsdale: The Analytic Press, 1999.
13. Brown E.A. Suicide memes might actually be therapeutic [Электронный ресурс] / The Atlantic. 15.02.2019. URL: <https://www.theatlantic.com/health/archive/2019/02/suicide-memes/582832/> (дата обращения: 25.08.2023).
14. Goldney R.D. Suicide: the role of the media // Australian & New Zealand Journal of Psychiatry. 1989. V. 23. № 1. P. 30–34.
15. High A.C., Solomon D.H. Locating computer-mediated social support within online communication environments // Computer-mediated communication in personal relationships / Eds. K.B. Wright, L.M. Webb. NY: Peter Lang New York, 2011. P. 119–136.
16. Jadayel R.E.H., Medlej K., Jadayel J.J. Mental disorders: A glamorous attraction on social media? // International Journal of Teaching & Education. 2022. V. 7. P. 465–476.
17. Kirmayer L.J. Suicide in cultural context: An ecosocial approach // Transcultural Psychiatry. 2022. V. 59. № 1. P. 3–12.
18. Lester D. Memes and Suicide // Psychological Reports. 2009. V. 105. № 1. P. 3–10.
19. Lorenz T. Why does everyone on the internet want to die? How suicide memes took over the web [Электронный ресурс] / Mic. 11.07.2017. URL: <https://www.mic.com/articles/181752/why-does-everyone-on-the-internet-want-to-die-how-death-memes-took-over-the-web> (дата обращения: 25.08.2023).
20. Marsden P. The “Werther” effect: fact or fantasy? DPhil Research Thesis. University of Sussex, Graduate Research Centre in the Social Sciences, 2000.
21. Perez J. Suicide memes: Internet users’ anti-future expressions. Thesis. Georgetown University Qatar, 2019.
22. Phillips D.P. The influence of suggestion on suicide: Substantive and theoretical implications of the Werther effect // American Sociological Review. 1974. V. 39. № 3. P. 340–354.
23. Rains S.A., Peterson E.B., Wright K.B. Communicating social support in computer-mediated contexts: A meta-analytic review of context analyses examining support messages shared online among individuals coping with illness // Communication Monographs. 2015. V. 82. № 4. P. 403–430.
24. Ruch W., Hehl F.-J. Conservatism as a predictor of responses to humour: II. The location of sense of humour in a comprehensive attitude space // Personality and Individual Differences. 1986. V. 7. № 6. P. 861–874.
25. Shifman L. Memes in digital culture. Cambridge, Massachusetts: The MIT Press, 2014.
26. Weiser R., Alam N. Meme culture and suicide sensitivity: A quantitative study // Humanities and Social Sciences Communications. 2022. V. 9. Art. 313.
27. Willenborg J.P. To meme, or not to meme: Applying the theory of motivated information management to the provision of support after depressed individuals share suicidal memes. Theses and Dissertations. University of Wisconsin-Milwaukee, 2019.

REPRESENTATION OF SUICIDE IN SUICIDE MEMES

S. A. Govorov^{1,*}, E. M. Ivanova^{1,2,**}, S. N. Enikolopov^{1,***}¹Mental Health Research Center;

115522, Moscow, Kashirskoe hw., 34, Russia.

²Pirogov Russian National Research Medical University;

117997, Moscow, Ostrovityanova str., 1, Russia.

^{*}PhD Student, Department of Medical Psychology.

E-mail: stsgovorov@hotmail.com

^{**}PhD (Psychology), Senior Researcher of the Mental Health Research Center, Associate Professor of the Department of Clinical Psychology, Pirogov Russian National Research Medical University.

E-mail: ivalenka13@gmail.com

^{***}PhD (Psychology), Head of the Department of Medical Psychology.

E-mail: enikolopov@mail.ru

Received on 13.02.2023

Abstract. The present article provides an overview of current research on suicide memes, their role in the formation of suicidal ideation, as well as their impact on the Internet users' mental health in general. The model of "cyber suicide contagion" by P. Marsden is applied to assessing memes' suicidogenic potential. According to this model, it depends on the emotional representation of suicide in a meme. Currently existing suicide memes' classifications are being reviewed and assessed for their further development and practical application. The following theoretical classification of suicide memes is proposed: non-humorous "pro-suicidal", non-humorous "anti-suicidal" (such as used in suicide prevention organizations), humorous suicide memes. It is hypothesized that emotional representations of suicide in humorous memes: 1) vary in different memes; 2) are determined by individual perception; 3) both positive and negative aspects of suicide representation need to be present in order for a comical effect to occur. Presumably, in case of humorous suicide memes, a more complex perception of suicide arises, which may simultaneously reflect a presence of suicidal thoughts and a critical attitude towards them. A number of modern studies is analyzed, highlighting positive and negative aspects of suicide memes' impact on mental health. It is concluded that suicide's representation in a meme is not the only factor determining its suicidogenic potential.

Keywords: suicide, suicidal ideation, suicidal behavior, suicide representation, humor, dark humor, memes, suicide meme.

REFERENCES

1. Bille-Brage U., et al. Glossarij suidologicheskikh terminov: Metodicheskoe posobie. Kiev, 1998. (In Russian)
2. Dokinz R. Ehgoistichnyj gen. Moscow: AST: CORPUS, 2013. (In Russian)
3. Kozincev A.G. Raznonapravlennoe dvugolosoe slovo: ehstetika i semiotika jumora. Antropologicheskij forum. 2013. № 18. P. 143–162. (In Russian)
4. Kostjukhina E.D., Kholmogorova A.B. Virtual'naja kommunikacija o depressii i suicide s ispol'zovaniem internet memov. VII Vserossijskaja nauchno-prakticheskaja konferencija po psikhologii razvitiya (chtenija pamjati L.F. Obukhovoj) "Vozmozhnosti i riski cifrovoj sredy". Sbornik materialov konferencii (tezisov). V. 1. Eds. T.A. Basilova et al.. Moscow: Izdatel'stvo FGBOU VO MGPPU, 2019. P. 332–335. (In Russian)
5. Ljubov E.B. Smi i podrazhatel'noe suicidal'noe povedenie. Part 1. Suicidology. 2012. № 3. P. 20–29. (In Russian)
6. Ljubov E.B., Antokhin E.Y., Palaeva R.I. Kommentarij. Dvulikaya pautina: Verter vs Papageno. Suicidology. 2016. V. 7. № 4 (25). P. 41–51. (In Russian)
7. Suicid v SMI: regulirujutsja li voprosy osveshhenija samoubijstv v ehetskikh kodeksakh? [Electronic resource]. Obshhestvennaja kollegija po zhalobam na pressu 10.09.2017. URL: <https://presscouncil.ru/mezhdunarodnyj-opyt/5838-suitsid-v-smi-reguliruyutsja-li-voprosy-osveshcheniya-popytok-ili-sluchaev-suitsida-v-eticheskikh-kodeksakh> (accessed: 25.08.2023) (In Russian)
8. Usmanova L.S. Memy pro suicid kak raznovidnost' chernogo jumora v internete. Vestnik Mezhdunarodnogo instituta rynka. 2020. № S2. P. 90–94. (In Russian)
9. Fajntukh E.D., Kholmogorova A.B. Kommunikacija na temu depressii v Internete — faktor psikhopatologii ili resurs dlja psikhoterapii? Sovremennaja terapija psichicheskikh rasstrojstv. 2021. № 1. P. 44–54. (In Russian)
10. Akil A.M., Ujhelyi A., Logemann H.N.A. Exposure to depression memes on social media increases depressive mood and it is moderated by self-regulation: Evidence

- from self-report and resting EEG assessments. *Frontiers in Psychology*. 2022. V. 13. Art. 880065.
11. *Akram U., et al.* Exploratory study on the role of emotion regulation in perceived valence, humour, and beneficial use of depressive internet memes in depression. *Scientific Reports*. 2020. V. 10. Art. 899.
 12. *Barron J.W.* Humor and psyche: Psychoanalytic perspectives. NJ, Hillsdale: The Analytic Press, 1999.
 13. *Brown E.A.* Suicide memes might actually be therapeutic [Electronic resource]. *The Atlantic*. 15.02.2019. URL: <https://www.theatlantic.com/health/archive/2019/02/suicide-memes/582832/> (accessed: 25.08.2023).
 14. *Goldney R.D.* Suicide: the role of the media. *Australian & New Zealand Journal of Psychiatry*. 1989. V. 23. № 1. P. 30–34.
 15. *High A.C., Solomon D.H.* Locating computer-mediated social support within online communication environments. *Computer-mediated communication in personal relationships*. Eds. K.B. Wright, L.M. Webb. NY: Peter Lang New York, 2011. P. 119–136.
 16. *Jadayel R.E.H., Medlej K., Jadayel J.J.* Mental disorders: A glamorous attraction on social media? *International Journal of Teaching & Education*. 2022. V. 7. P. 465–476.
 17. *Kirmayer L.J.* Suicide in cultural context: An ecosocial approach. *Transcultural Psychiatry*. 2022. V. 59. № 1. P. 3–12.
 18. *Lester D.* Memes and Suicide. *Psychological Reports*. 2009. V. 105. № 1. P. 3–10.
 19. *Lorenz T.* Why does everyone on the internet want to die? How suicide memes took over the web [Electronic resource]. *Mic*. 11.07.2017. URL: <https://www.mic.com/articles/181752/why-does-everyone-on-the-internet-want-to-die-how-death-memes-took-over-the-web> (accessed: 25.08.2023).
 20. *Marsden P.* The “Werther” effect: fact or fantasy? DPhil Research Thesis. University of Sussex, Graduate Research Centre in the Social Sciences, 2000.
 21. *Perez J.* Suicide memes: Internet users’ anti-future expressions. Thesis. Georgetown University Qatar, 2019.
 22. *Phillips D.P.* The influence of suggestion on suicide: Substantive and theoretical implications of the Werther effect. *American Sociological Review*. 1974. V. 39. № 3. P. 340–354.
 23. *Rains S.A., Peterson E.B., Wright K.B.* Communicating social support in computer-mediated contexts: A meta-analytic review of context analyses examining support messages shared online among individuals coping with illness. *Communication Monographs*. 2015. V. 82. № 4. P. 403–430.
 24. *Ruch W., Hehl F.-J.* Conservatism as a predictor of responses to humour: II. The location of sense of humour in a comprehensive attitude space. *Personality and Individual Differences*. 1986. V. 7. № 6. P. 861–874.
 25. *Shifman L.* Memes in digital culture. Cambridge, Massachusetts: The MIT Press, 2014.
 26. *Weiser R., Alam N.* Meme culture and suicide sensitivity: A quantitative study. *Humanities and Social Sciences Communications*. 2022. V. 9. Art. 313.
 27. *Willenborg J.P.* To meme, or not to meme: Applying the theory of motivated information management to the provision of support after depressed individuals share suicidal memes. Theses and Dissertations. University of Wisconsin-Milwaukee, 2019.

УДК 159.9

В ПОИСКАХ СУЩНОСТИ САМОСОЗНАНИЯ КИТАЙСКОЙ НАЦИИ

© 2023 г. Я. Сунь^{1,*}, Ю. Цзюй^{2,**}

¹Северо-восточного сельскохозяйственного университета;
150030, г. Харбин, район Сянфан, ул. Чанцзян, д. 600, Китай.

²Шанхайский университет иностранных языков;
200083, г. Шанхай, ул. Далянь, д. 550, Китай.

*Доктор филологических наук, Декан факультета Института гуманитарных и естественных наук.
E-mail: gongzuo031117@163.com

**Доктор филологических наук, Доцент Института русистики и евразийских исследований.
E-mail: zhengzhengjiu@163.com

Получено 11.12.2022

Аннотация. Самосознание китайской нации обладает признаками полиэтнической страны и включает в себя концепцию многонационального Китая. Китай имеет долгую 5000-летнюю историю, созданную многочисленными народностями, которые в процессе исторического развития подверглись этническому слиянию. Культуры этих народов имеют тесную связь, что является глубокой исторической основой самосознания китайской нации. Полное понимание концептуальной системы самосознания китайской нации, с точки зрения этнической психологии, имеет огромное значение для построения китайского национального сообщества. Именно поэтому изучение китайского национального самосознания играет важную роль в мировых исследованиях в области психологии. В статье представлена и разъяснена терминология самосознания китайской нации, введены типы самосознания, обсуждаются процессы его развития, перспективы и значение исследований в этой области. В основу данного исследования легли существующие академические книги и научно-исследовательская литература, на основе которых интерпретируется и обсуждается процесс формирования, определение коннотации, ценностное значение и путь реализации самосознания китайской нации.

Ключевые слова: самосознание, этническая психология, китайская специфика, многонациональность, этносы, КНР.

DOI: 10.31857/S020595920027724-2

Особенность самого феномена самосознания делает комплексной и проблему самосознания, так как здесь переплетаются интересы таких наук, как философия, социология, психология, этика. Каждая из них соответственно своей специфике, определяет особый подход к анализу этой проблемы. На данный момент существует целый ряд определений самосознания. Самосознание китайской нации является продуктом развития многонационального Китая и тесно связано с единым историческим представлением о полиэтничности страны. По этой причине, изучение национального самосознания должно основываться на предпосылке сохранения национального единства и подчеркивать главенствующую роль национальных интересов, для формирования понимания у этнических групп, что национальное единство есть идеал и нравственно-эмоциональное стремление китайской нации со времен древности. Можно предположить, что

без многонациональности Китая не было бы как самой китайской нации, так и его самосознания. По этой причине, самосознание китайской нации должно иметь идентификацию со страной, со своим этносом, со всей китайской нацией, с Коммунистической партией Китая и идентификацию с путем социализма с китайской спецификой. Именно потому, что ядром самосознания китайской нации является вопрос идентичности, которая является предпосылкой к единству и корнем полиэтничности Китая, без самосознания не будет единства и прогресса, процветания и развития китайской нации.

Между подавляющим большинством этнических групп в Китае нет очевидной разницы во внешности. По прошествии тысячи лет экономических и культурных обменов и определенная степень межэтнических смешанных браков способствовала значительному смешению этносов, живущих

на территории Китая. Осознание взаимных различий между различными этническими группами Китая незначительно по сравнению с ситуацией в других многоэтнических странах. Как “сумма этнических групп”, сформировавшаяся в ходе тысячелетнего развития, народность Хань уделяет довольно мало внимания вопросам национального самосознания. Остальные представители этнических меньшинств, которые могут говорить по-китайски, и уклад жизни которых не сильно отличается от жизненных устоев народности хань, также относительно безразличны к национальному самосознанию. Однако, чем больше аспектов отличает этническую группу от других окружающих этнических групп, тем больше степень различия и тем сильнее ее национальное самосознание; и напротив, чем меньше разница, тем она менее очевидна и тем безразличнее представители этноса к национальному самосознанию. Внутри этнической группы, в зависимости от среды проживания ее населения и степени интеграции с другими этническими группами, также могут существовать различия в силе национального самосознания. Следовательно, состояние национального самосознания членов нации следует рассматривать как очень сложное, многогранное и постоянно меняющееся, а не единообразное и статичное понятие.

КОННОТАЦИЯ ТЕРМИНА САМОСОЗНАНИЯ КИТАЙСКОЙ НАЦИИ

Ни одна национальная общность не является неотделимой от господствующей идеологии, способной собрать воедино своих внутренних членов и основанной на чувстве общинной идентичности, при этом коннотация этой идеологии также постоянно обогащается и развивается, часто с отчетливыми характеристиками времени своего существования. [14]. Как сообщество с единым будущим, китайский народ имеет долгую историю становления и развития, путь, полный как лишений, так и славы. В новую эпоху, когда все этнические группы стремятся осуществить мечту о великом возрождении китайской нации, наиболее вдохновляющей концепцией, несомненно, стала ее общность [11, с. 35]. Чувство общности китайской нации имеет глубокие исторические корни: еще во времена феодализма господствующий класс подчеркивал единство многонациональной страны с понятием “государство” как его духовным стержнем. Эта историческая традиция не только объясняет опыт управления и образ мышления многонационального китайского государства, но и показывает

исторические корни самосознания китайской нации, а также дает ценный идеологический ресурс для построения китайской национальной общности, превосходящей западную концепцию “нация—государство”. Теоретическая парадигма сформировала теорию полиэтнического государственного строительства с китайской спецификой.

После идеологического развития и изменений во времена правления династий Цинь, Хань, Вэй, Цзинь, Суй, Тан, Сун, Ляо, Ся, Юань, Мин и Цин национальная идеология укрепилась. Связь с общественным сознанием китайской нации делает его идейным источником общественного сознания китайской нации, обеспечивает психологическую структуру, эмоциональную опору и ценностную основу современного сознания китайской нации.

В современном мировом политическом ландшафте китайский народ превратился в настоящую политическую национальную общность, пользующуюся уважением и признанием международного сообщества. Подобно Америке, Франции и другим странам, Китай стал современной нацией, принявшей форму государства. Социалистическая государственная власть стала основной силой сохранения общности китайской нации. Ее лобальное влияние постоянно растет, а наложение чувства чести и гордости людей еще больше усилило самосознание китайцев в отношении своей нации. Китайская нация своим главным звеном воспринимает китайскую культуру, имеет общий язык и общую культурную психологию. Китайская нация — это не простая в узком смысле нация с общим языком, территорией, экономической жизнью и устойчивой общностью людей, основанной на общих культурных и психологических качествах, а нация, включающая 56 этнических групп, проживающих на территории Китая.

Си Цзиньпин, генеральный секретарь ЦК Коммунистической партии Китая, 43 раза упомянул термин “китайская нация” в докладе 19-го Всекитайского конгресса Коммунистической партии Китая, а в шестой части доклада отметил: “Полностью реализовать национальную политику партии, углубить воспитание национального единства и прогресса и построить сильную китайскую нацию. Укреплять сознание этнического сообщества, способствовать обмену и интеграции и сплочению различных этнических групп. Я призываю вас, как зерна граната, объединяйтесь и боритесь вместе, процветайте и развивайтесь вместе”¹. Этот

¹ Си Цзиньпин: Всесторонне завершить построение среднезажиточного общества и одержать великую победу социализма с китайской спецификой в новую эпоху — Доклад на 19-м

отрывок является руководством для будущих исследований истории китайской нации, и его необходимо глубоко изучить и осмыслить, поскольку в нем содержится историческое национальное мировоззрение китайцев, поэтому Си Цзиньпин указал в Докладе 19-го Всекитайского съезда Коммунистической партии Китая: “У народа есть вера, у страны есть сила, у нации есть надежда. Необходимо повышать идейное сознание людей, нравственные нормы и качество цивилизации, повышать уровень цивилизованности всего общества. Проводить воспитание идеалов и верований, углублять социализм с китайской спецификой и китайской мечтой, продвигать национальный дух и дух времени, укреплять воспитание патриотизма, коллективизма и социализма, и направлять людей к формированию правильного взгляда на мир, историю, нацию, страну и культуру”². Понятие национальности здесь относится к понятию китайской нации, которое представляет собой ее самосознание, поэтому его развитие имеет большое значение для великого возрождения китайской нации.

Единое многонациональное государство, созданное совместными усилиями представителей всех этнических групп Китая, является основным национальным условием Китая и теоретической отправной точкой развития сознания китайской нации как общности. Си Цзиньпин отметил: “Многонациональность является важной чертой Китая и важным благоприятным фактором для его развития. За более чем 5000-летнюю историю развития цивилизации Китая на исторической сцене было много этнических групп. Этнические группы рождались, дифференцировались, сливались, что, наконец, сформировало сегодняшние пятьдесят шесть этнических групп. Все этнические группы совместно освоили великолепные реки, горы и обширную территорию родины, и совместно создали длинную историю и великолепную культуру”³. Единая многонациональная страна — это не только характерное преимущество Китая, но и бесценное богатство страны.

Сознание есть отражение онтологии. С позиции сознания, самосознание китайской нации есть познание и отражение людьми ее онтологии,

включающее концептуальное познание, атрибуцию идентичности, теоретическую интерпретацию и другие элементы. Сознание общности китайской нации содержит в себе сознание общности судьбы. Будущее и судьба 56 этносов как общности тесно связаны с будущим и судьбой страны.

Китайская нация — это сообщество с общим будущим, которое готово разделить как процветание, так и упадок. Только когда все этнические группы тесно свяжут свою судьбу с судьбой китайской нации, они смогут обрести будущее и надежду. Судьбы членов большой китайской семьи связаны, и доброжелательное взаимодействие между этносами будет способствовать постоянному укреплению национального единства, способствуя тем самым формированию национальной сплоченности. Это следование общим интересам и есть “ключ” к единству и сплоченности китайской нации для реализации общего единства и совместной борьбы всех этнических групп, общего процветания и развития, а также реализации великого возрождения китайской нации.

Формирование поведенческой тенденции китайской нации требует сознательного признания основных акторов, а стоящая за ней ценностная ориентация — единая мировоззренческая концепция и историческая миссия, глубоко укоренившаяся в сердцах китайцев на протяжении длительного времени. Как основа формирования самосознания китайской нации, идея великого единства играет важную роль в формировании национального обмена единства и самосознания китайской нации. [1, с. 23–24]. Сознание общности китайской нации представляет собой индивидуальный субъективный опыт восприятия с многомерной структурой и сложными коннотациями [10, с. 10]. Так называемое самосознание китайской нации относится к возрождению и сплочению народов Китайской Народной Республики на основе признания общих условий и исторической основы для выживания и совместного развития, а также приверженности ценностям общего блага и готовности к активной взаимной поддержке. Общим атрибутом идентичности, который несут члены сообщества, являются граждане Китая, то есть представители всех этнических групп страны, а это означает, что сознание китайской нации — это, прежде всего, идентификация ее членов и подтверждение национальной идентичности и гражданства. [6, с. 8].

Самосознание китайской нации относится к пониманию и восприятию людьми всех ее этнических групп по отношению к своей национальной общности. Это одновременно и описание опыта, и эмоциональная пронизательность. Первое означает

Всекитайском съезде Коммунистической партии Китая http://www.gov.cn/zhuanti/2017-10/27/content_5234876.htm

² Си Цзиньпин: Всесторонне завершить построение среднезажиточного общества и одержать великую победу социализма с китайской спецификой в новую эпоху — Доклад на 19-м Всекитайском съезде Коммунистической партии Китая http://www.gov.cn/zhuanti/2017-10/27/content_5234876.htm

³ Очерк социалистической национальной мысли Си Цзиньпина с китайскими особенностями в новую эпоху http://m.tibet.cn/cn/theory/zjcs/201801/t20180129_5411490.html

понимание членами этноса переживаний и впечатлений от общего роста китайской национальной общности в существующей этнической истории. Последняя представляет собой внутреннее реальное восприятие и субъективную оценку самосознания китайской нации ее представителями.

Самосознание китайской нации является важной частью общенационального самосознания. Именно такого рода понимание означает, что представители всех этнических групп Китая могут осознать, что общность китайской нации существует объективно, а не переносится по воле человека, могут психологически сознательно идентифицироваться и активно принадлежать к этой национальной общности.

ТИПЫ САМОСОЗНАНИЯ КИТАЙСКОЙ НАЦИИ

Самосознание китайской нации включает историческое сознание, культурное сознание, национальное сознание и сознание развития.

Историческое самосознание. С точки зрения исторического развития обмен и интеграция различных этнических групп в Китае сформировали современное самосознание китайской нации. Становление и развитие сознания общности китайской нации неотделимо от присущей ей исторической логики и эволюции общности китайской нации. Общая история и общее сознание, которые они пережили, глубоко повлияли на субъективное познание и внутренний опыт людей всех этнических групп из поколения в поколение.

Будь то древнее “мировоззрение”, продолжение идеи “великого единства” или эволюция понятия “китайская нация” в Новое время, все они являются свидетельством развития национального самосознания. До основания Нового Китая различные проявления китайского коллективного национального образования были всеми вариантами самосознания, отражающими внешнюю временную эволюцию развития китайской общности и внутреннюю историческую логику формирования общественного сознания китайской нации. В процессе смены феодальных династий, в упорной борьбе против чужеземного унижения или же в процессе социалистической модернизации, всеобщее сознание китайской нации развивалось с момента ее образования, постоянно консолидировалось и укреплялось. Поэтому индикаторы исторического познания в самосознании китайской нации должны ориентироваться на изучение опыта и познавательной идентичности представителей различных

этносов в процессе исторического развития собственной нации.

Культурное самосознание. Китайская национальная общность представляет собой национально-культурную общность, основанную на совместных культурных ценностях. Чувство общности китайской нации является не только исторической, но и культурной категорией, конденсирующей мысли всех этнических групп. С точки зрения этносов культура является символом их взаимной дифференциации, а также критерием этнических ценностей и моделей поведения. Культурные различия являются внутренним отражением отличий в этнической идентичности. С точки зрения сообщества культура является общим символом, концепцией и образом мышления, которые пересекаются между людьми внутри сообщества, закладывая основу для достижения общих целей и идеалов. Благодаря наследственности и аутентичности, созданная историей великолепная китайская культура является важным источником мысли для самосознания китайской нации. Уникальная китайская культура — это уверенность в себе и сила, которая поддерживает положение китайской нации среди других наций мира перед лицом непредсказуемости внешней среды. Таким образом, культурное самосознание является важным компонентом когнитивно-познавательного измерения общественного сознания китайской нации, включая когнитивную идентичность представителей всех этнических групп культурным символам, культурным концепциям и способам мышления китайской национальной общности.

Национальное самосознание. Нация и государство не могут быть разделены. Национальное развитие является важным краеугольным камнем и социальным ресурсом современного национального строительства. Стабильность национального строя и благополучие общества являются важной гарантией и материальной основой существования и развития нации. Нация — это совокупность граждан страны. Китайская нация — это нация на уровне Китайской Народной Республики. КНР является страной в видении китайской нации. Поэтому обсуждение сознания китайской нации не может выйти за рамки поля Китайской Народной Республики. В отношении общности, китайская нация представляет собой совокупность отношений с национальным как с основной частью. Люди всех этнических групп китайской нации имеют равную национальную идентичность. Атрибут идентичности китайских граждан стал основой для представителей всех этнических групп китайской нации, для общения и взаимной интеграции. Поэтому

национально-познавательное измерение в самосознании китайской нации должно обсуждать принадлежность индивида и сознание собственной национальной идентичности к КНР, на территории которой он находится.

Самосознание развития. Строительство и развитие сообщества китайской нации неотделимо от твердого и сильного лидерства. КПК стала незаменимым и твердым лидером благодаря своей ценностной концепции беззаветного служения народу и эффективности в объективном и практическом процессе управления. В процессе построения сообщества китайской нации Коммунистическая партия Китая всегда выполняла функции интеграции интересов, социальной координации и системного проектирования. “Первоначальное намерение и миссия китайских коммунистов — искать счастье для китайского народа и стремиться к омоложению китайской нации”⁴. Идентификация с путем развития социализма с китайской спецификой и идентификация с руководством Коммунистической партии Китая имеют одинаковую коннотацию. Община китайской нации неизбежно имеет специфические социальные признаки. Со времен реформ и открытости социальная природа китайской национальной общности определялась социализмом с китайской спецификой⁵. Путь такого рода социализма избирается исходя из приверженности к марксистской теории и специфической действительности Китая, он соответствует основным национальным условиям страны и коренным интересам всех китайских наций. Этнические общины китайской нации также находятся под руководством Коммунистической партии Китая и это считается единственным правильным путем. Поэтому в когнитивном измерении развития, в сознании китайской общности необходимо акцентировать отождествление руководства Коммунистической партии Китая и отождествление пути развития социализма с китайской спецификой.

САМОСОЗНАНИЕ КИТАЙСКОЙ НАЦИИ КАК ОБЪЕКТ ИЗУЧЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ ПСИХОЛОГИИ

Изучение национального самосознания является важным содержанием исследований китайской

национальной психологии. Ван Сиен провел четкое обсуждение определения и коннотации национальной идентичности и национального самосознания, и проанализировал взаимосвязь между ними [10]. Исследование китайского национального самосознания в этой области включает в себя как теоретическую дискуссию, так и эмпирическое исследование.

Любая этническая группа обладает собственным самосознанием, а национальное самосознание — это внешнее проявление национального психологического качества [4]. Национальное сознание как централизованное и общее отражение этнической психологии является важным аспектом современных исследований в области этнической психологии.

Профессор Фэй Сяотун отметил, что люди одной национальности чувствуют свою принадлежность к единому сообществу людей, и такого рода осознанность является общим психологическим качеством нации или национальным самосознанием [2, с. 173].

Ван Санбэй проанализировал две концепции общего национального психологического качества и национального самосознания и указал на разницу между ними [9]. Что касается эмпирических исследований, Хуан Фейденг, Ронг Ли и Сюн Каннинг провели полевые исследования психологического сознания этнических групп в карстовых горах и каньонах Гуйчжоу [3; 7].

В настоящее время эмпирических исследований национальной идентичности и национального самосознания с точки зрения психологии проведено недостаточно, и круг объектов и областей исследования должен быть расширен.

ПРИНЦИП И ЗНАЧЕНИЕ САМОСОЗНАНИЯ КИТАЙСКОЙ НАЦИИ

В 1988 году г-н Фэй Сяотун выступил со знаменитой речью “Образец разнообразия и единства китайской нации” в Китайском университете Гонконга, озвучив историю и закономерности формирования и развития китайской нации в целом и предложил концепцию “единства многообразия”. Си Цзиньпин унаследовал и развил эту идею, сравнивая китайскую нацию с большой семьей, а различные национальности страны с членами семьи, что обеспечивает фундаментальную основу для построения самосознания китайской нации как общности [2]. В китайской нации присутствует много факторов связи, тесно соединяющих все

⁴ Си Цзиньпин заявил, что первоначальным намерением и миссией Коммунистической партии Китая является стремление к счастью для китайского народа и омоложению китайской нации. http://www.xinhuanet.com/politics/19cpcnc/2017-10/18/c_1121819598.htm

⁵ Резолюция Центрального комитета Коммунистической партии Китая о важнейших достижениях и историческом опыте столетней борьбы Партии http://www.gov.cn/zhengce/2021-11/16/content_5651269.htm

национальности: во-первых, китайская нация есть политическая общность, совместно созданная всеми национальностями. С нового времени Китай страдает от империалистической агрессии. Во взаимодействии между нацией и государством китайская нация постепенно перешла от сообщества “для себя” к “сознательному” сообществу. Глубокое продвижение реформ и открытость позволили Китаю развиваться семимильными шагами, а китайская нация добилась перехода от “самоопределения” к “сознанию” и “уверенности”. Во-вторых, китайская нация представляет собой экономическое сообщество, в котором все этнические группы процветают и развиваются вместе. Суть социализма состоит в достижении общего благополучия, и только его осуществление для всех национальностей соответствует сути социализма. В-третьих, китайская нация представляет собой культурную общность, культивирующую духовный дом всех этнических групп. Культура — это духовная кровь нации. В Китае насчитывается 56 этнических групп, и история их культур уходит корнями глубоко в почву всей китайской культуры и являются прочной опорой духовного дома китайской нации. В-четвертых, китайская нация — это сообщество с общим будущим, в котором все этнические группы разделяют радость и горе. [5, с. 85].

Си Цзиньпин отметил: “Китайская нация — это сообщество с общим будущим, которое готово разделить как процветание, так и упадок”. [8, с. 214]. Самосознание китайской нации есть не только ретроспектива многострадальной исторической судьбы китайской нации, но и осмысление текущей картины развития и направления будущей судьбы людей всех этнических групп, работающих вместе.

Развитие самосознания китайской нации способствует стимуляции коллективной мудрости людей всех этнических групп. Объединение в общенациональную китайскую мощь будет толчком для реализации взаимной привязанности, единства сердец и накопления энергии в великом процессе достижения национального процветания и национального возрождения. Эта мера поможет поддерживать хороший общественный порядок, способствовать плюрализму и совместному управлению, одновременно повышая как сознание людей всех этнических групп, так и повышая их благосостояние, сохраняя при этом ценностные ожидания на будущее, что поможет удовлетворить стремление людей к лучшей жизни. Развитие национального самосознания помогает людям всех национальностей достигать общего эмоционального согласия и доброжелательного взаимодействия.

На основе взаимного доверия и признания, представители всех этнических групп реализуют единство и толерантность. Национальное самосознание помогает подчеркнуть, что китайская нация представляет собой органическое единство с сильным внутренним стержнем. Под руководством этой мысли, люди всех национальностей будут бережно заботиться о новом типе межэтнических отношений в рамках равноправия, единства, согласия и дружбы, а в общем деле возрождения люди проявят свои чувства, волю, что поможет объединить их сердца и собраться с силами. Консолидация общественного сознания китайской нации является важной программой и ключевым путем к качественному развитию этнической работы в новую эпоху. Это связано с тем, что в существующих исследованиях слишком много внимания уделяется теоретическому и ценностному смыслу общественного сознания китайской нации, а уделение внимания его конкретным практическим аспектам также дает определенный ориентир для эмпирических исследований сознания китайской нации.

ЗНАЧЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНОГО САМОСОЗНАНИЯ КИТАЙСКОЙ НАЦИИ С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ЭТНИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ

С точки зрения этнической психологии, национальное самосознание можно разделить на два вида: эмоциональное и рациональное. Эмоциональное национальное самосознание — это эмоциональное выражение национального сознания, первоначальное и поверхностное национальное сознание, а также его внешняя форма. Она включает в себя такие состояния самосознания, как национальное чувство, национальная эмоция и общенациональное переживание. Этот уровень национального сознания относится к категории самосознания. Когда затрагиваются критерии выживания, развития китайской нации и ее интересов, чувства членов нации становятся общенациональными, и на этой основе возникают определенные национальные эмоции, такие как симпатия, ненависть, отвращение, радость и т.д. К примеру, на международных спортивных соревнованиях, представители китайской нации будут испытывать разные чувства, переживания и аффекты. Это — национальные чувства и эмоции. Радость китайского народа по поводу победы китайской команды по настольному теннису, и его огорчение по поводу неудачи мужской футбольной команды — все это выражения национальных чувств. Кроме того, в повседневной жизни бессознательное национальное

самосознание людей, чувство идентичности и чувство отличия также относятся к этой категории. Национальное самосознание также можно разделить на два типа: низкоуровневое и высокоуровневое. Люди осознают, что доктрины, теории и идеологические системы их собственной национальности являются национальным сознанием высокого уровня, которое относится к рациональному уровню национального самосознания. На самом деле национальная теоретическая мысль народа — это тоже своего рода национальное самосознание. В определенном смысле марксистская этническая теория также является своего рода национальным самосознанием в Китае. Национальное самосознание — это понимание самой нации ее членами. Оно относится к общему, абстрактному, макро- и глубинному уровням.

В теории китайской этнической психологии национальное самосознание и национальный дух являются практически синонимами. Они в основном относятся к положительным и превосходным идеологическим и духовным качествам, которые были накоплены в процессе формирования истории и культуры нации для содействия ее развитию. Они относятся к категории моральных норм и ценностей и включают в себя определенный уровень рационального духа, который отражает требования законов природного, этнического и социально-исторического развития, а также требования национальной общественности, представляет фундаментальные интересы и направление развития нации, и совместим с ее стадией социального развития. Она включает в себя все прекрасные моральные качества нации, здоровые национальные чувства, упорство и решимость развивать качества воли, самоуважения, уверенности в себе, гордости, любви к себе и самоценности, а также простой межэтнический взгляд на равенство, единство и взаимопомощь. Следовательно, это субъективный фактор, который поможет правильно понять саму нацию, обеспечить ее выживание и способствовать ее развитию. Национальное самосознание, также известное как “душа нации”, является сутью и жизнью нации, а также ее огромной духовной силой.

КОГНИТИВНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ НАЦИОНАЛЬНОГО САМОСОЗНАНИЯ

В психологии понятие познания включает в себя основные психологические процессы, такие как ощущения, восприятие, память и мышление. Когнитивный процесс — это процесс обработки информации. Человеческий мозг принимает,

обрабатывает и перерабатывает внешнюю информацию и вырабатывает соответствующие поведенческие реакции. Эти когнитивные процессы основаны на определенной психологической структуре и будут зависеть от предыдущего опыта. Из-за различий в региональной среде, социальной культуре, экономическом развитии и т.д. каждая этническая группа обладает своими уникальными когнитивными характеристиками. В процессе национального познания они часто подвержены этническим предрассудкам, что делает национальное мышление узким и ригидным, и, в свою очередь, не способствует обмену, взаимному обучению между различными этническими группами и формированию сознания китайского национального сообщества. В процессе познания каждый будет находиться под влиянием своей собственной личности, ценностей и внешней социальной культуры; в процессе исторического развития каждая этническая группа постепенно сформировала уникальный способ когнитивного поведения благодаря своей уникальной природной среде, различным экономическим условиям и образу жизни. От одежды, продуктов питания, жилья, путешествий до религиозных убеждений — все это имеет свой национальный колорит.

Первой характеристикой национального самосознания является отражение социального существования нации, общей географической среды, социальной экономики, социального статуса и социальных условий, и особенно отражением общей экономической жизни. Самосознание разделяют все классы одной и той же нации, и в то же время каждый класс будет ассоциировать его со своим собственным.

Вторая характеристика национального самосознания заключается в том, что оно должно выражаться через определенную национальную культуру, через язык, литературу и искусство, архитектурный стиль, моральный этикет, обычаи, религиозное поведение и т.д., чтобы неуловимое национальное самосознание стало видимым и осязаемым, а также обеспечивало объективные условия для психологического общения между различными этническими группами.

Третья характеристика национального самосознания заключается в его сильной степени сплоченности и движущей силе. Чувство национальной идентичности, национальное самоуважение, национальная гордость, национальная уверенность в себе и национальные традиции объединяют представителей каждой этнической группы и способствуют их развитию.

Четвертая характеристика национального самосознания заключается в его единстве, стабильности, непрерывности и незначительной изменчивости. Поскольку язык, география, культура и история каждой этнической группы относительно стабильны, а каждая этническая группа представляет собой стабильное сообщество людей, как только национальное самосознание сформировано, оно относительно стабильно и не подвержено значительным изменениям. Национальное самосознание относительно независимо и может передаваться из поколения в поколение с целью осознания своего собственного наследия и продолжения. Однако с развитием и изменениями социальных и материальных условий жизни, национальное самосознание также будет видоизменяться, а не оставаться статичным. Национальная психология развивается в противоречии между ее стабильностью и изменчивостью.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Самосознание китайской нации является историческим продуктом его долгосрочного развития и важным фактором сохранения национального политического единства, экономического процветания, культурной эклектики, социальной безопасности и стабильности. Понятие национального самосознания также относится к категории социальной психологии и является одним из основных компонентов психологии социальных групп, которое отличается по своим характеристикам от групповой психологии, классовой психологии. Самосознание китайской нации формировалось в Новое время, но целостность личности китайской нации была заложена на всех этапах исторического развития. От истории к реальности, от коннотации к расширению, от микро к макро, от частного к общему, исследование основного смысла и глубинной природы самосознания китайской нации с разных точек зрения имеет большое значение для всей страны, нации и отдельных ее представителей. Кроме того, под влиянием западной общественной мысли, китайский народ постепенно осознал важную роль самосознания китайской нации в будущем развитии страны.

Некоторые этнические группы, находящиеся в положении дискриминации и угнетения, испытывают чувство отчуждения и недоверия к другим этническим группам и весьма чувствительны к поведению, которое наносит ущерб достоинству и равенству их собственных этнических групп. Национальное самосознание — важная социальная и психологическая проблема, связанная с развитием

и прогрессом современных национальностей. Только фундаментально улучшая идеологическое понимание людей и уделяя внимание национальному самосознанию и исследованиям по вопросам, связанным с этнической психологией, мы можем продолжать содействовать модернизации, научному и рациональному процессу национального самосознания, поощрять взаимные обмены, сотрудничество и интеграцию между этническими группами.

В данной статье исследуется путь формирования самосознания китайской нации путем многомерного анализа и многополя, что также оказывает зеркальное влияние на понимание самосознания китайской нации в зарубежных академических кругах. Это научный подход, метод и перспектива объединения самоонтологии китайской нации с теорией отражения ее самосознания. В современных китайских академических кругах удалось достичь плодотворных результатов исследований в области теории самосознания китайской нации. Для выяснения многовекового исторического контекста самосознания китайской нации, исходя из ее исторического опыта, можно исследовать реалистичский исторический источник самосознания китайской нации на теоретическом уровне и идти в ногу со временем. На практическом уровне необходим поиск консенсуса со всеми этническими группами внутри Китая, а также другими странами мира, и способствовать углублению развития “знание—практика—знание”, что позволит избежать обобщения и виртуализации исследований самосознания китайской нации и направит как модернизацию социализма с китайской спецификой, так и развитие людей во всем мире.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ [REFERENCES]

1. *Cang M., Zhang H.* Formation of the Consciousness of the Chinese Nation from a Historical Point of View // *Ethnic Studies of Guangxi*. 2021. № 1. P. 23–29. (In Chinese)
2. *Fei X.* Model of pluralistic unity of the Chinese nation. Beijing: Central University of Nationalities. 1989. (In Chinese)
3. *Huang F.* Prediction of Minority Identity and Environmental Behavior in the Guizhou Karst Region // *Journal of Guizhou Normal University (Science Edition)*. 1999. № 1. (In Chinese)
4. *Li J., Sha L.* Study of internal experience and external manifestations of national identity. Study of internal experience and external manifestations of national identity // *Ethnic Studies of Guangxi*. 2005. № 3. (In Chinese)

5. *Li S., Wei L.* Shaping the Community Consciousness of the Chinese Nation: Cultural Heritage, Generative Logic, and Inspiration of Reality // *Journal of Yanbian University, Social Sciences Edition*. 2022. № 4. P. 85–93. (In Chinese)
6. *Qing J., Xu X.* Consciousness of the Chinese Nation: Conceptual Connotation, Elemental Analysis and Practical Logic // *Ethnic Research*. 2018. № 11. P. 1–14. (In Chinese)
7. *Rong L., Xiong C.* Uncertain comprehensive assessment of self-awareness in the Karst Canyon area // *Economic Geography*. 2004. № 1. (In Chinese)
8. Theoretical section of the People's Daily. An in-depth study of Comrade Xi Jinping's important expositions. Beijing: People's Publishing House. 2013. 214 p. (In Chinese)
9. *Wang S.* General psychological quality and national identity of the nation // *Journal of Lanzhou University (Social Science Edition)*. 2002. № 2. (In Chinese)
10. *Wang S.* National Identity and National Self-Consciousness // *Ethnic Research*. 1995. № 6. (In Chinese)
11. *Yang Q.* Understanding and Awareness of the Inner Organism of the Chinese National Community: A Thinking Perspective for Consolidating the Consciousness of the Chinese National Community // *Journal of Minzu University of China (Philosophy and Social Sciences Edition)*. 2020 № 5. P. 35–43. (In Chinese)
12. *Yu Y., Xi C., Li D.* Building a system of indices of the public consciousness of the Chinese nation. 2022. № 1. P. 9–15. (In Chinese)
13. *Zhang S.* A study of four identities in Xishuangbann, Yunnan Province, since the 1980s // *Journal of Northwestern Normal University (Social Science Edition)*. 2000. № 2. (In Chinese)
14. *Zheng W., Zhao X.* Discursive evolution and connotation-deepening of the consciousness of the community of the Chinese nation: building the framework of the connotative system of consciousness of the community of the Chinese nation based on the "five identities" // *Ethnic Education Research*. 2021. № 2. P. 15–23. (In Chinese)

IN SEARCH OF THE ESSENCE OF SELF-CONSCIOUSNESS OF THE CHINESE NATION

Ya. Sun^{1,*}, Yu. Ju^{2,**}

¹Northeastern Agricultural University;
150030, HarBin, Xiangfang District, Changjiang st., 600, China.

²Shanghai international studies University. Shanghai;
200083, Shanghai, st. Dalian, 550, China.

*DrSc (Philology), Dean of the Faculty of the College of Arts and Sciences.
E-mail: gongzuo031117@163.com

**DrSc (Philology), Associate Professor at the School of Russian and Eurasian Studies.
E-mail: zhengzhengju@163.com

Received 11.12.2022

Abstract. The self-consciousness of the Chinese nation has the features of a multi-ethnic country and includes the concept of a multinational China. China has a long 5000-year history, created by numerous peoples who, in the process of historical development, have undergone ethnic fusion. The cultures of these peoples have a close relationship, which is a deep historical basis for the self-consciousness of the Chinese nation. The article presents and explains the terminology of the self-consciousness of the Chinese nation, introduces the types of self-consciousness, discusses the processes of its development, the prospects and significance of research in this area. A complete understanding of the conceptual system of self-consciousness of the Chinese nation, from the point of view of ethnic psychology, is of great importance for building the Chinese national community. That is why the study of Chinese national identity plays an important role in world research in the field of psychology. This study is based on existing academic books and research literature, on the basis of which the formation process, the definition of connotation, the value and the way of realizing the self-consciousness of the Chinese nation are interpreted and discussed.

Keywords: self-consciousness, Chinese specificity, ethnic psychology, multinationalism, ethnic groups, PRC.

УДК 159.9.07

ШКАЛА ЧУВСТВИТЕЛЬНОСТИ К ШУМУ: ПСИХОМЕТРИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ РУССКОЯЗЫЧНОЙ ВЕРСИИ

© 2023 г. Д. А. Димитриев*, Э. А. Баранова**, О. С. Индейкина***, Н. Ю. Шугаева****

*Чувашский государственный педагогический университет им. И.Я. Яковлева;
428000, г. Чебоксары, ул. К. Маркса, д. 38, Россия*

**Доктор медицинских наук, профессор кафедры биологии и основ медицинских знаний.
E-mail: rothman68@mail.ru*

***Доктор психологических наук, заведующая кафедрой дошкольной педагогики и психологии образования.
E-mail: baranova-ea@yandex.ru*

****Кандидат биологических наук, доцент кафедры биологии и основ медицинских знаний.
E-mail: indeykinaolga@mail.ru*

*****Кандидат филологических наук, заведующая кафедрой английской филологии и переводоведения.
E-mail: nat-shugaeva@yandex.ru*

Получено 24.01.2023

Аннотация. Чувствительность к шуму может значительно влиять на характер и степень выраженности психологической и физиологической реакции на звуковое воздействие. Шкала чувствительности к шуму Weinstein (WNSS) является наиболее широко используемым опросником, но не доступным в русскоязычном варианте. Данное исследование направлено на оценку психометрических свойств русскоязычной версии шкалы WNSS. В опросе с применением Гугл-форм участвовало 527 студентов в возрасте от 18 до 25 лет. Факторный анализ показал наличие двух факторов, насыщенных пунктами с альтернативными методами шкалирования. Русскоязычный вариант шкалы WNSS продемонстрировал надежность, метрическую инвариантность и валидность.

Ключевые слова: шумовая чувствительность, психометрические свойства, факторный анализ.

DOI: 10.31857/S020595920027086-0

В большом количестве работ показано, что шум оказывает существенное негативное влияние на психологическое состояние, здоровье и функционирование различных систем организма [4]. Было установлено, что реакция на воздействие шума зависит от его физических параметров, отношения к источнику шума и психологических особенностей человека, подвергающегося этому воздействию [20]. Чаще всего эмоциональная реакция на воздействие шума проявляется в виде раздражения [29]. В частности, транспортный шум представляет собой не просто стимул с физически измеряемыми параметрами, но также и переживаемый феномен, который проявляется в различной степени раздражения [24]. Некоторые люди могут положительно реагировать на некоторые звуки, исходящие от соседей, например смех людей и щебетание птиц, но лай собак, детский плач или крик, споры соседей или насилие в семье способны вызвать неблагоприятную реакцию [41]. Несмотря на то что сама по себе негативная эмоциональная

реакция на воздействие шума не всегда имеет выраженные отрицательные последствия для здоровья, она может быть частью причинно-следственной связи между шумом и нарушениями здоровья, индуцируя дистресс или другие связанные со стрессом симптомы у подверженных воздействию индивидуумов [28]. В конечном итоге подобного рода реакции могут трансформироваться в нарушения жизненно важных функций организма, что увеличивает риск неинфекционных заболеваний, таких как сердечно-сосудистые заболевания [27], заболевания органов дыхания [15] и болезни обмена веществ [45].

Хотя для бытового и транспортного шума имеет-ся выраженная связь между объективными показателями воздействия и эффектом [17], несколько факторов неакустической природы оказывают существенное влияние на выраженность негативной эмоциональной реакции на шум; среди этих факторов наиболее важное значение имеет шумовая чувствительность [40]. Park и соавторы [30] показали,

что уровень чувствительности к шуму в большей степени, чем показатели воздействия, является предиктором неакустических нарушений, обусловленных шумом (депрессии, тревожности и нарушений сна). Шумовая чувствительность рассматривается как устойчивая черта личности, отражающая отношение человека к шуму в целом; она подвержена влиянию сложных взаимодействий между стрессорами и копинг-стратегиями, выработанными индивидуумом на основе предыдущего опыта, а также психологических, биологических и социальных факторов [23; 25]. Считается, что чувствительность к шуму опосредует степень раздражения от воздействия шума и, таким образом, частично объясняет межиндивидуальную вариабельность реакций на один и тот же уровень шума [37]. Повышенная чувствительность к шуму повышает риск гипертонии и симптомов ишемии сердца [16], а риск смерти от сердечно-сосудистых заболеваний у чувствительных к шуму женщин выше, чем у мужчин [18]. Кроме того, чувствительность к шуму является одним из факторов, влияющих на степень нарушения сна, вызванного шумом [2].

В нескольких психологических исследованиях было показано, что чувствительность к шуму модулирует негативное влияние шума на когнитивные способности. При выполнении задач, требующих активации рабочей памяти, чувствительные к шуму люди больше отвлекаются на шум, чем менее чувствительные [34]. Кроме того, чувствительность к шуму коррелирует с успеваемостью и некоторыми личностными особенностями [6]. Чувствительность к шуму оказывает негативное влияние на академические успехи [5] и связана с повышенной личностной тревожностью [31].

Поскольку негативная эмоциональная реакция на шум не зависит исключительно от уровня воздействия или физических характеристик звука, а субъективные реакции имеют фундаментальное значение для предсказания реакции людей на шум, исследователи разработали различные инструменты для измерения чувствительности к шуму. Среди них шкала чувствительности к шуму Вайнштейна (WNSS), которая является наиболее широко используемой и апробированной. Эта шкала была разработана на основе результатов продольного исследования студентов колледжа [42]. WNSS включает в себя 21 вопрос, содержание которых отражает реакцию на шум и отношение к шуму в целом, а также к конкретным формам повседневного шума; при этом семь вопросов сформулированы в обратном порядке [43]. При ответе на каждый вопрос участник должен указать степень своего согласия с помощью шкалы Лайкерта из 6 точек

в диапазоне от “Полностью согласен” до “Полностью несогласен”. Согласие с утверждением указывает на более высокий уровень чувствительности к шуму. Нативная версия WNSS продемонстрировала высокий уровень ретестовой надежности — коэффициент корреляции при данных, полученных с 8-месячным лагом, составил 0.63 [42].

Шкала WNSS была переведена на множество языков с момента ее создания и полученные при этом адаптированные варианты шкалы продемонстрировали хорошие психометрические свойства. Zimmer и Ellermeier [47] перевели WNSS на немецкий язык и сравнили результаты тестирования чувствительности к шуму у немецких студентов с помощью трех шкал. Результаты свидетельствуют о том, что WNSS имеет лучшие психометрические свойства по сравнению с другими шкалами. Шведский вариант WNSS также продемонстрировал хорошие психометрические свойства и внешнюю валидность [14]. В литературе также имеются переводы WNSS на турецкий [44], персидский [3], итальянский [35] и другие языки. Нам известна по меньшей мере одна статья, в которой приведены результаты тестирования кросс-культурной инвариантности WNSS, которые указывают на наличие конфигуральной и метрической инвариантности WNSS при сравнении американской и китайской групп [26].

Мы не смогли обнаружить русскоязычную версию WNSS. В связи с этим целью нашего исследования является разработка русскоязычной версии WNSS и оценка ее психометрических свойств. Кроме того, еще одной целью нашего исследования является оценка влияния пола на уровень чувствительности к шуму. Помимо этого, в нескольких исследованиях сообщалось, что шумовое раздражение и чувствительность к шуму связаны с аффективными состояниями, такими как тревога. Поэтому для оценки номологической валидности и эквивалентности WNSS мы проанализировали взаимосвязь между WNSS и показателями тревожности.

МЕТОДИКА

Участники исследования. Выборка включает в себя 527 студентов, обучающихся в ЧГПУ им. И.Я. Яковлева в возрасте от 18 до 25 лет (средний возраст — 21.84 ± 2.34 ; 138 мужчин, 389 женщин).

Перевод осуществлялся с применением трехэтапного метода Р. Брислина (Brislin) [9]. Перевод утверждений на русский язык осуществлялся

Н.Ю. Шугаевой, в верификации обратного перевода участвовали двое анонимных специалистов — носителей английского языка.

Оценка тревожности проводилась с помощью русскоязычной шкалы STAI [1]. В данном исследовании уровень α -Кронбаха для STAI составил 0.8, что указывает в пользу достаточной внутренней надежности этой шкалы. Гугл-формы русскоязычных вариантов шкал WNSS и STAI использовались для сбора информации.

Статистический анализ проводился с применением пакетов Statistica 12.0, RELEX и lavaan.

Гомогенность шкалы оценивали с помощью вычисления коэффициентов корреляции между пунктами шкалы и среднего значения коэффициента корреляции между пунктами всей шкалы в целом.

Проверка внутренней надежности осуществлялась с помощью α -Кронбаха, коэффициента усредненной межпунктовой корреляции, коэффициента по расщеплению (split-half) Спирмена — Брауна с применением программы RELEX [39]. Для предварительной оценки факторной структуры WNSS нами был проведен эксплораторный факторный анализ (ЭФА) методом главных компонент с последующим ортогональным varimax-вращением и нормализацией по Кайзеру.

Конфирматорный факторный анализ (КФА) использовался для проверки факторной структуры шкалы из 20 пунктов. Сравнивали две модели: модель с одним латентным фактором (модель с одним фактором) и модель с двумя коррелированными скрытыми факторами (модель с двумя факторами). В качестве индексов соответствия мы использовали статистику теста согласия с максимальной вероятностью χ^2 в сочетании с другими практическими тестами соответствия, которые в меньшей степени зависят от N [11]: (а) среднеквадратическая ошибка индекса аппроксимации (RMSEA); (б) сравнительный индекс соответствия (CFI); (в) ненормированный индекс соответствия (NNFI); и (д) отношение χ^2/df [8; 22; 38].

Значения индекса RMSEA 0.06 или ниже указывали на хорошую подгонку моделей [19]; для CFI и для индексов NNFI значение > 0.90 рассматривалось как указание на адекватное соответствие модели данным, для отношения χ^2/df значения < 3 рассматривались как указывающие на адекватность модели [8].

При исследовании психометрических свойств персидской версии WNSS были выделены четыре фактора, которые соотносятся с соответствующими шкалами — проявление чувствительности к шуму (пункты 2, 4–7, 10, 13, 18, 19 и 21), нарушение

концентрации внимания на фоне шума (пункты 8, 11, 13–15 и 18), отношение к шуму в зоне проживания (пункты 1, 2, 8, 9 и 12), отношение к контролю над уровнем шума (пункты 3, 13, 16, 17, 20, 21) [3]; адекватность этой модели также была проверена с помощью КФА.

В факторных структурах адаптаций WNSS для китайского и итальянского языка были четко идентифицированы два фактора, один из которых насыщен пунктами с прямым значением шкалы, а другой — пунктами с обратным порядком подсчета ответов. Такая факторная структура может возникать в случае, если нарушается допущение о том, что индивидуумы, которые соглашались с вопросами одного типа (о чувствительности к шуму) должны быть склонны к несогласию с утверждениями противоположного типа (об устойчивости к шуму). Мы проверили это утверждение с помощью трех подходов [36]. Во-первых, для каждого респондента мы получили процент ответов “согласен” во вопросы первого типа и процент ответов “не согласен” на вопросы второго типа. Если рассматриваемое допущение является истинным, то распределение разницы между этими процентами должно быть унимодальным, симметричным и иметь наивысшую плотность в диапазоне, содержащем 0. Кроме того, мы проводили тестирование нормальности распределения с применением теста Шапиро—Вилка (Shapiro—Wilk) и графика нормального распределения. Любое отклонение от нормальности также свидетельствует о нарушении допущения.

Анализ инвариантности шкалы WNSS проводился с применением пакета lavaan для R [33]. Сравнение значений WNSS у мужчин и женщин осуществлялось посредством ANOVA.

Номологическая валидность тестировалась путем вычисления коэффициентов корреляции между значениями WNSS и шкалами тревожности STAI. Затем проводилось сравнение полученных коэффициентов корреляции для мужчин и женщин.

РЕЗУЛЬТАТЫ

Нами были вычислены корреляции между 21 пунктами шкалы, и результаты вычисления показали, что связь между пунктом 9 и другими пунктами была недопустимо слабой (среднее значение 0.051, $SD = 0.11$), что позволило исключить эту шкалу из дальнейшего анализа [32]. Аналогичное действие было совершено и при адаптации опросника для итальянского языка [35].

Среднее значение коэффициента корреляции между 20 пунктами шкалы составило 0.207. Согласно Clark и Watson [12], оптимум для данного показателя находится в пределах от 0.15 до 0.5.

Полученное нами значение α -Кронбаха (0.84) свидетельствует о достаточно высоком уровне надежности и внутренней согласованности теста. Вычисление коэффициента по рандомизированному расщеплению на две части по 10 пунктов с использованием 10000 итераций показало, что медианное значение коэффициента Спирмена—Брауна составило 0.85 (95% доверительный интервал 0.71–0.87). Результаты вычисления теста Feldt указывают на то, что значение α -Кронбаха эквивалентно для обоих полов (α для женщин 0.84, α для мужчин — 0.81, $p > 0.05$).

Число факторов (2) было определено исходя из собственных значений, полученных по результатам анализа главных компонент (собственные значения для двух факторов составили 5.48 и 3.11, соответственно).

Для предварительной оценки факторной структуры WNSS нами был проведен эксплораторный факторный анализ (ЭФА) методом главных

компонент с последующим ортогональным varimax-вращением (табл. 1).

Насыщение первого фактора происходит за счет пунктов, отображающих проявления чувствительности к шуму (2, 4–7, 10–11, 13, 16–19 и 21), а второй фактор насыщен противоположными пунктами (1, 3, 8, 12, 14–15 и 20).

Конфирматорный факторный анализ (КФА) проводился с целью тестирования факторной структуры шкалы из 20 пунктов. Было проведено сравнение трех моделей — однофакторной, четырехфакторной и двухфакторной. Результаты вычисления представлены в табл. 2.

Из представленных в табл. 2 данных видно, что наибольший уровень соответствия демонстрирует двухфакторная модель.

Для проверки предположения о том, что выявленная двухфакторная модель обусловлена артефактами нами было изучено распределение различий между долей ответов “согласен” и “не согласен” на вопросы первого и второго типа (рис. 1).

Хотя распределение различий между ответами отклоняется от нормального (коэффициент Шапиро—Вилка = 0.99, $p < 0.001$), распределение

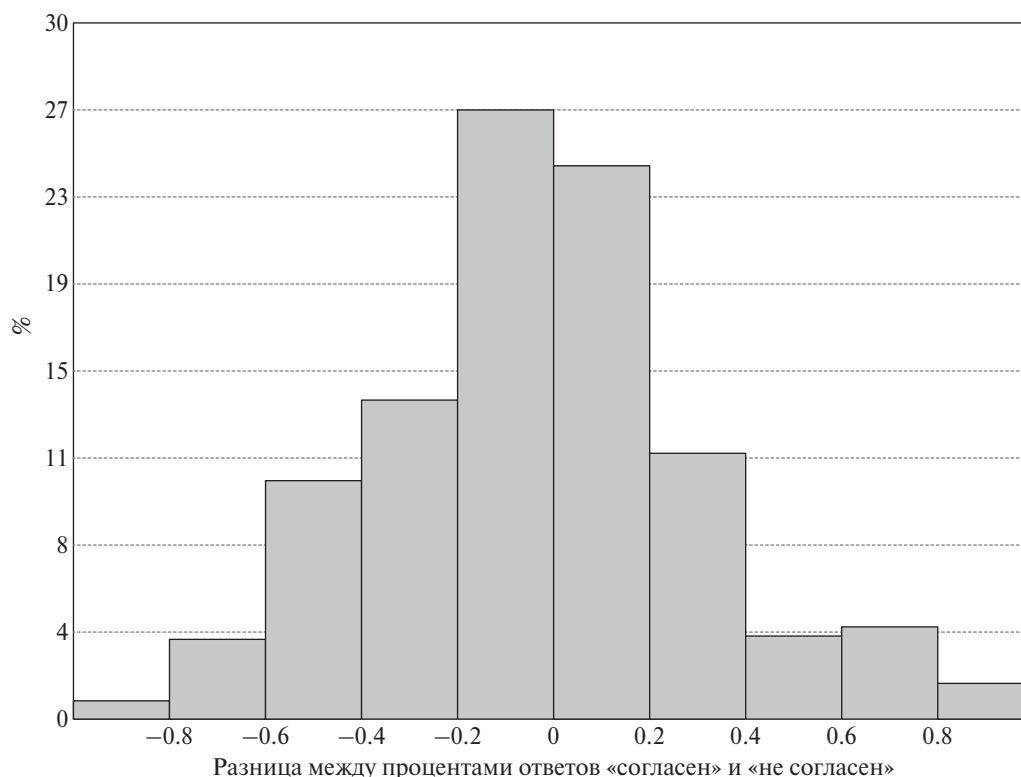
Таблица 1. Факторные нагрузки шкалы WNSS по результатам эксплораторного факторного анализа с вращением Варимакс

Пункт шкалы	Фактор 1	Фактор 2
1. Я бы согласился пожить на шумной улице, если бы квартира была хорошей*.	–0.020	0.75
2. Сейчас шум беспокоит меня больше, чем когда-либо.	0.731	0.033
3. Не стоит возражать, если кто-то включает время от времени стерео на полную громкость*.	–0.024	0.738
4. Во время просмотра фильмов шепот и шелест оберток от конфет тревожат меня.	0.764	0.008
5. Я легко пробуждаюсь от шума.	0.750	0.0460
6. Если шум возникает в месте, где я учусь, я пытаюсь закрыть дверь, окно или ухожу куда-нибудь.	0.732	–0.001
7. Я раздражаюсь, когда мои соседи шумят.	0.719	0.001
8. Я привыкаю к большинству шумов без большой трудности*.	0.067	0.733
9. Насколько бы вы возражали, если бы квартира, которую вы хотели бы снять, находилась напротив пожарной части?	–	–
10. Обычно шум раздражает меня и действует мне на нервы.	0.614	0.117
11. Даже музыка, которая мне нравится, мешает мне, если я пытаюсь сконцентрироваться.	0.534	0.033
12. Меня не беспокоят повседневные звуки из соседних квартир (шаги, текущая вода, детские крики, разговор, музыка, работающий телевизор)*.	0.061	0.640
13. Когда я хочу побыть в одиночестве, мне нужна полная тишина.	0.553	0.086
14. Я хорошо концентрируюсь независимо от того, что происходит вокруг меня*.	0.035	0.529
15. Когда я занимаюсь в библиотеке, мне не мешают люди, беседующие тихо*.	–0.023	0.681
16. Часто мне хочется побыть в полной тишине.	0.617	–0.015
17. На мотоциклы следует поставить более мощные глушители.	0.488	–0.010
18. Мне тяжело расслабиться в шумной обстановке.	0.553	0.044
19. Люди, которые много шумят и мешают мне спать или работать, вызывают у меня ярость.	0.629	–0.060
20. Я не против жить в квартире с тонкими стенами**.	0.022	0.553
21. Я чувствителен к шуму.	0.652	–0.044

Примечание: выделены факторные нагрузки >0.5 * — пункты с обратной шкалой.

Таблица 2. Показатели согласованности моделей с разным числом факторов с эмпирическими данными (по результатам КФА)

Модель	χ^2	Число степеней свободы	RMSEA (90% ДИ)	CFI	NNFI	χ^2/df
1-факторная (20 пунктов)	1254.463	170	0.136 (0.131–0.142)	0.665	0.625	7.4
2-факторная (20 пунктов)	365.538	169	0.0494 (0.0429–0.0559)	0.923	0.931	2.16
4-факторная (20 пунктов)	780.633	146	0.093 (0.087–0.099)	0.808	0.768	5.34

Рис. 1. Распределение различий между долей ответов “согласен” на положительно сформулированные вопросы и ответов “не согласен” на отрицательно сформулированные вопросы.

различий между ответами является унимодальным и практически симметричным — хотя респонденты были склонны несколько чаще отвечать “не согласен” на вопросы второго типа (2.6%, доверительный интервал: $-5.5\% - 0.34\%$) это различие не было достоверным ($t(m=0) = 1.74, P > 0.05$), мода распределения составила 0. Таким образом, мы можем утверждать, что наличие двух факторов на отображает наличие артефактов.

Проверка метрической инвариантности модели для мужчин и женщин с применением пакета lavaan показала, что шкала WNSS может применяться для исследования шумовой чувствительности как у мужчин, так и у женщин ($\chi^2(359) = 659.417; p < 0,01; RMSEA = 0.057; CFI = 0.908, \chi^2/df = 1.83$).

Как установлено по результатам дисперсионного анализа, различия между ответами на вопросы WNSS, полученными у мужчин и женщин, не является достоверным ($p > 0.05$), хотя среднее значение

баллов WNSS у женщин было несколько выше, чем у мужчин (119.33 ± 1.59 против 117.44 ± 2.6).

Для того чтобы провести оценку внешней валидности мы провели вычисление коэффициента корреляции между средним значением баллов WNSS и мерами личностной и реактивной тревожности. Как и ожидалось в соответствии с имеющимися в литературе данными, нами была обнаружена выраженная корреляция между уровнем личностной тревожности и чувствительностью к шуму ($r = 0.21; p < 0.01$) и недостоверная корреляция между средним значением баллов WNSS и реактивной тревожностью ($r = 0.08; p > 0.05$).

ОБСУЖДЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ

Ранее было установлено, что мы осуществили оценку психометрических свойств русскоязычной версии WNSS на основе результатов опроса

527 студентов, что превышает объем выборок, на основе которых ранее была осуществлена адаптация опросника для итальянского языка (413) [35], персидского языка (287) [3] и японского языка (301) [21]. Отличие нашей группы от приведенных выше заключается в том, что в нашем исследовании принимали участие студенты, что совпадает с нативной схемой разработки и валидизации теста [43]. При анализе корреляций между отдельными пунктами нами было установлено, что пункт 9 должен быть исключен из дальнейшего анализа, поскольку он слабо коррелирует с другими пунктами. Этому можно дать два объяснения: данный пункт не очень понятен респондентам и он единственный, который сформулирован в виде вопроса, а не утверждения.

Хотя WNSS изначально разрабатывался как одномомерный инструмент для оценки чувствительности к шуму, в ранее проведенных исследованиях были идентифицированы двух- и четырехфакторные структуры WNSS [3; 35]. Эксплораторный и конфирматорный факторные анализы показали, что двухфакторное решение является наиболее подходящей моделью для объяснения корреляции между элементами, и что второй фактор насыщен пунктами с обратным шкалированием ответов; анализ распределения ответов “согласен” и “не согласен” и разниц между ними также подтверждает валидность двухфакторной модели, поскольку наличие двух факторов нельзя объяснить артефактами.

Анализ надежности выявил хороший уровень этого α -Кронбаха для шкалы из 20 пунктов и инвариантность надежности для мужчин и женщин. Анализ инвариантности измерения с помощью программы lavaan показал, что матрицы дисперсии-ковариации одинаковы для обеих гендерных групп. Это подтвердило полную инвариантность измерения шкалы и тем самым исключило риск приписывания групповых различий возможным артефактам измерения [10]. Корреляционный анализ между шкалой и критериальными переменными подтвердил номологическую валидность шкалы, то есть чувствительность к шуму имела положительную связь с личностной тревожностью, что ранее уже было выявлено другими авторами [31], а также не было обнаружено существенной связи между уровнем чувствительности к шуму и реактивной тревожностью. В ранее проведенных исследованиях было показано, что уровень чувствительности к шуму у женщин выше, чем у мужчин [13; 35], но в нашем исследовании такая закономерность не была статистически значима.

Результаты проведенного нами исследования подтверждают, что русскоязычная версия WNSS надежна и валидна, она может быть использована при проведении психоакустических исследований и изучения физиологических реакций на воздействие звуков различной природы. Действительно, данный инструмент позволит исследователям отбирать однородные группы исследуемых и отделять роль внешнего звукового воздействия от вклада индивидуальной чувствительности к шуму.

Несмотря на то что мы приложили большие усилия, чтобы тщательно спланировать и осуществить исследование, необходимо упомянуть и о некоторых ограничениях, которые обуславливают необходимость проведения дополнительных исследований. Так, мы ограничились исследованием студентов, что отображает исторический аспект создания шкалы, а также наличием вопросов, которые явно предназначены для учащихся (вопрос 6 — “Если шум возникает в месте, где я учусь, я пытаюсь закрыть дверь, окно или ухожу куда-нибудь”, вопрос 15 — “Когда я занимаюсь в библиотеке, мне не мешают люди беседующие тихо”). В известной нам литературе для тестирования больших групп людей, чей возраст и характер деятельности существенно отличаются от таковых для учащейся молодежи, используются укороченные версии WNSS [7; 21; 46], так что возникает необходимость разработки валидного, более универсального и лучше подходящего для проведения больших популяционных исследований укороченного варианта шкалы WNSS.

ВЫВОДЫ

Шкала чувствительности к шуму WNSS успешно прошла проверку психометрических показателей надежности, валидности, инвариантности и может использоваться в качестве диагностического и исследовательского метода для оценки характера потенциальной реакции индивидуума на воздействие звуков различной природы, а также в качестве смешивающего фактора при оценке эмоциональной и физиологической реакции на звуковую экспозицию.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ханин Ю.Л. Краткое руководство к применению шкалы реактивной и личностной тревожности Ч.Д. Спилбергера. Л. ЛНИИТЕК, 1976. 40 с.
2. Aasvang G.M., Moum T., Engdahl B. Self-reported sleep disturbances due to railway noise: Exposure-response

- relationships for nighttime equivalent and maximum noise levels // *The Journal of the Acoustical Society of America*. 2008. V. 124. № 1. P. 257–268.
3. *Alimohammadi I. et al.* Reliability and validity of the Persian translation of the Weinstein Noise Sensitivity Scale // *Psychological research*. 2006. V. 9. № 1–2. P. 74–87.
 4. *Arjunan A., Rajan R.* Noise and brain // *Physiology & Behavior*. 2020. V. 227. P. 113136.
 5. *Basner M. et al.* Aviation noise impacts: state of the science // *Noise and health*. 2017. V. 19. № 87. P. 41.
 6. *Belojevic G.* Noise and mental performance: Personality attributes and noise sensitivity // *Noise and Health*. 2003. V. 6. № 21. P. 77.
 7. *Benfield J.A., et al.* Testing noise in the field: A brief measure of individual noise sensitivity // *Environment and Behavior*. 2014. V. 46. № 3. P. 353–372.
 8. *Bentler P.M.* Comparative fit indexes in structural models // *Psychological bulletin*. 1990. V. 107. № 2. P. 238.
 9. *Brislin R.W.* Back-translation for cross-cultural research // *Journal of Cross-Cultural Psychology*. 1970. V. 1. № 3. P. 185–216.
 10. *Chan D.* Detection of differential item functioning on the Kirton Adaption-Innovation Inventory using multiple-group mean and covariance structure analyses // *Multivariate Behavioral Research*. 2000. V. 35. № 2. P. 169–199.
 11. *Cheung G.W., Rensvold R.B.* Evaluating goodness-of-fit indexes for testing measurement invariance // *Structural equation modeling*. 2002. V. 9. № 2. P. 233–255.
 12. *Clark L.A., Watson D.* Constructing validity: Basic issues in objective scale development. 2016.
 13. *Dratva J. et al.* Impact of road traffic noise annoyance on health-related quality of life: Results from a population-based study // *Quality of life research*. 2010. V. 19. № 1. P. 37–46.
 14. *Ekehammar B., Dornic S.* Weinstein's noise sensitivity scale: reliability and construct validity // *Perceptual and Motor Skills*. 1990. V. 70. № 1. P. 129–130.
 15. *Eze I.C., et al.* Transportation noise exposure, noise annoyance and respiratory health in adults: a repeated-measures study // *Environ Int*. 2018. V. 121. P. 741–50.
 16. *Fyhri A., Klæboe R.* Road traffic noise, sensitivity, annoyance and self-reported health — A structural equation model exercise // *Environment International*. 2009. V. 35. № 1. P. 91–97.
 17. *Guski R., Schreckenberg D., Schuemer R.* WHO environmental noise guidelines for the European region: a systematic review on environmental noise and annoyance // *Int J Environ Res Public Health*. 2017. V. 14. P. E1539.
 18. *Heinonen-Guzejev M., et al.* The association of noise sensitivity with coronary heart and cardiovascular mortality among Finnish adult // *Science of the Total Environment*. 2007. V. 372. № 2–3. P. 406–412.
 19. *Hu L., Bentler P.M.* Fit indices in covariance structure modeling: Sensitivity to under parameterized model misspecification // *Psychological methods*. 1998. V. 3. № 4. P. 424.
 20. *Jensen H.A.R., Rasmussen B., Ekholm O.* Neighbour noise annoyance is associated with various mental and physical health symptoms: Results from a nationwide study among individuals living in multi-storey housing // *BMC Public Health*. 2019. V. 19. № 1. P. 1–10.
 21. *Kishikawa H., et al.* Noise sensitivity and subjective health: questionnaire study conducted along trunk roads in Kusatsu, Japan // *Noise and health*. 2009. V. 11. № 43. P. 111.
 22. *Kline R.B.* Principles and practice of structural equation modeling // Guilford publications, 2015. P. 14–21.
 23. *Marks A., Griefahn B.* Associations between noise sensitivity and sleep, subjectively evaluated sleep quality, annoyance, and performance after exposure to nocturnal traffic noise // *Noise Health*. 2007. V. 9. P. 1–7.
 24. *Maschke C., Niemann H.* Health effects of annoyance induced by neighbour noise // *Noise Control Eng J*. 2007. V. 55. P. 348–356.
 25. *Michaud D.S., et al.* Self-reported and measured stress related responses associated with exposure to wind turbine noise // *J Acoust Soc Am*. 2016. V. 139. P. 1467–1479.
 26. *Miller Z.D. et al.* A Cross-cultural Examination of the Noise-sensitivity Scale-short Form: Measurement Invariance Testing between the US and Chinese Samples // *Biomedical and Environmental Sciences*. 2018. V. 31. № 11. P. 851–854.
 27. *Münzel T., Gori T., Babisch W., Basner M.* Cardiovascular effects of environmental noise exposure // *Eur Heart J*. 2014. V. 35. P. 829–836.
 28. *Nitschke M., et al.* The link between noise perception and quality of life in South Australia // *Noise Health*. 2014. V. 16. P. 137–142.
 29. *Okokon E.O., et al.* Road-traffic noise: annoyance, risk perception, and noise sensitivity in the Finnish adult population // *Int J Env Res Public Health*. 2015. V. 12. P. 5712–5734.
 30. *Park J., et al.* Noise sensitivity, rather than noise level, predicts the non-auditory effects of noise in community samples: a population-based survey // *BMC Public Health*. 2017. V. 17. P. 315.
 31. *Persson R., et al.* Trait anxiety and modeled exposure as determinants of self-reported annoyance to sound, air pollution and other environmental factors in the home // *Int Arch Occup Environ Health*. 2007. V. 81. № 2. P. 179–191.
 32. *Piedmont, R.L.* Inter-item Correlations. In: Michalos, A.C. (eds) *Encyclopedia of Quality of Life and Well-Being Research*. Springer, Dordrecht. 2014. P. 3303–3304.
 33. *Rosseel Y.* lavaan: An R Package for Structural Equation Modeling // *Journal of Statistical Software*. 2012. V. 48. № 2. P. 1–36.

34. *Sandrock S., Schütte M., Griefahn B.* Impairing effects of noise in high and low noise sensitive persons working on different mental tasks // *International archives of occupational and environmental health*. 2009. V. 82. № 6. P. 779–785.
35. *Senese V.P. et al.* The Italian version of the Weinstein Noise Sensitivity Scale: Measurement in-variance across age, sex, and context // *European Journal of Psychological Assessment*. 2012. V. 28. № 2. P. 118.
36. *Spector P.E., Katwyk P.T.V., Brannick M.T., Chen P.Y.* When two factors don't reflect two constructs: How item characteristics can produce artifactual factors // *J Manag.* 1997. V. 23. P. 659–677.
37. *Stansfeld S. et al.* Road traffic noise, noise sensitivity, noise annoyance, psychological and physical health and mortality // *Environmental Health*. 2021. V. 20. № 1. P. 1–15.
38. *Steiger J.H.* Structural model evaluation and modification: An interval estimation approach // *Multivariate behavioral research*. 1990. V. 25. № 2. P. 173–180.
39. *Steinke A., Kopp B.* RELEX: An Excel-based software tool for sampling split-half reliability coefficients // *Methods in Psychology*. 2020. V. 1. № 2. P. 100023.
40. *Sung J.H., et al.* Influence of transportation noise and noise sensitivity on annoyance: a cross-sectional study in South Korea // *Int J Env Res Public Health*. 2017. V. 14. № 3. P. 322.
41. *Wang, J., Norbäck D.* Home environment and noise disturbance in a national sample of multi-family buildings in Sweden-associations with medical symptoms // *BMC public health*, 2021. V. 21. № 1. P. 1–18.
42. *Weinstein N.D.* Individual differences in reactions to noise: a longitudinal study in a college dormitory // *Journal of applied psychology*. 1978. V. 63. № 4. P. 458.
43. *Worthington D.L.* Weinstein Noise Sensitivity Scale (WNSS) (Weinstein, 1978) // *The sourcebook of listening research: methodology and measures*. 2017. P. 475–481.
44. *Yildiz M.K. et al.* Validating the Turkish version of the Weinstein noise sensitivity scale: effects of age, sex, and education level // *Turkish journal of medical sciences*. 2020. V. 50. № 4. P. 894–901.
45. *Zare Sakhvidi M.J., et al.* Association between noise exposure and diabetes: a systematic review and meta-analysis // *Environ Res*. 2018. V. 166. P. 647–57.
46. *Zhong T., Chung P.K., Liu J.D.* Short form of weinstein noise sensitivity scale (NSS-SF): reliability, validity and gender invariance among Chinese individuals // *Biomedical and environmental sciences*. 2018. V. 31. № 2. P. 97–105.
47. *Zimmer K., Ellermeier W.* Psychometric properties of four measures of noise sensitivity: A comparison // *Journal of Environmental Psychology*. 1999. V. 19. № 3. P. 295–302.

NOISE SENSITIVITY SCALE: PSYCHOMETRIC CHARACTERISTICS OF THE RUSSIAN VERSION

D. A. Dimitriev*, E. A. Baranova, O. S. Indeykina***, N. Yu. Shugaeva******

*I. Yakovlev Chuvash State Pedagogical University;
428000, Cheboksary, st. K. Marksa, 38, Russia.*

**ScD (Medicine), Professor of the Department of Biology and Fundamentals of Medical Knowledge.
E-mail: rothman68@mail.ru*

***ScD (Psychology), Head of the Department of Preschool Pedagogy and Educational Psychology.
E-mail: baranova-ea@yandex.ru*

****PhD (Biology), Associate Professor of the Department of Biology and Fundamentals of Medical Knowledge.
E-mail: indeykinaolga@mail.ru*

*****PhD (Philology), Head of the Department of English Philology and Translation Studies.
E-mail: nat-shugaeva@yandex.ru*

Received 24.01.2023

Abstract. Sensitivity to noise can significantly affect the nature and severity of the psychological and physiological response to sound exposure. The Weinstein Noise Sensitivity Scale (WNSS) is the most widely used questionnaire, but is not available in the Russian version. This study is aimed at assessing the psychometric properties of the Russian version of the PANSS scale. 527 students aged 18 to 25 participated in the survey using Google forms. Factor analysis showed the presence of two factors saturated with points with alternative scaling methods. The Russian version of the WNS scale demonstrated reliability, metric invariance and validity.

Keywords: noise sensitivity, psychometric properties, factor analysis.

REFERENCES

1. *Khanin Yu.L.* Kratkoye rukovodstvo k primeneniyu shkaly reaktivnoy i lichnostnoy trevozhnosti CH.D. Spilbergera. L. LNIITEK, 1976. 40 p. (In Russian)
2. *Aasvang G.M., Moum T., Engdahl B.* Self-reported sleep disturbances due to railway noise: Exposure-response relationships for nighttime equivalent and maximum noise levels. *The Journal of the Acoustical Society of America*. 2008. V. 124. № 1. P. 257–268.
3. *Alimohammadi I. et al.* Reliability and validity of the Persian translation of the Weinstein Noise Sensitivity Scale. *Psychological research*. 2006. V. 9. № 1–2. P. 74–87.
4. *Arjunan A., Rajan R.* Noise and brain. *Physiology & Behavior*. 2020. V. 227. P. 113–136.
5. *Basner M. et al.* Aviation noise impacts: state of the science. *Noise and health*. 2017. V. 19. № 87. P. 41.
6. *Belojevic G.* Noise and mental performance: Personality attributes and noise sensitivity. *Noise and Health*. 2003. V. 6. № 21. P. 77.
7. *Benfield J.A., et al.* Testing noise in the field: A brief measure of individual noise sensitivity. *Environment and Behavior*. 2014. V. 46. № 3. P. 353–372.
8. *Bentler P.M.* Comparative fit indexes in structural models. *Psychological bulletin*. 1990. V. 107. № 2. P. 238.
9. *Brislin R.W.* Back-translation for cross-cultural research. *Journal of Cross-Cultural Psychology*. 1970. V. 1. № 3. P. 185–216.
10. *Chan D.* Detection of differential item functioning on the Kirton Adaption-Innovation Inventory using multiple-group mean and covariance structure analyses. *Multivariate Behavioral Research*. 2000. V. 35. № 2. P. 169–199.
11. *Cheung G.W., Rensvold R.B.* Evaluating goodness-of-fit indexes for testing measurement invariance. *Structural equation modeling*. 2002. V. 9. № 2. P. 233–255.
12. *Clark L.A., Watson D.* Constructing validity: Basic issues in objective scale development. 2016.
13. *Dratva J. et al.* Impact of road traffic noise annoyance on health-related quality of life: Results from a population-based study. *Quality of life research*. 2010. V. 19. № 1. P. 37–46.
14. *Ekehammar B., Dornic S.* Weinstein's noise sensitivity scale: reliability and construct validity. *Perceptual and Motor Skills*. 1990. V. 70. № 1. P. 129–130.
15. *Eze I.C., et al.* Transportation noise exposure, noise annoyance and respiratory health in adults: a repeated-measures study. *Environ Int*. 2018. V. 121. P. 741–50.
16. *Fyhri A., Klæboe R.* Road traffic noise, sensitivity, annoyance and self-reported health — A structural equation model exercise. *Environment International*. 2009. V. 35. № 1. P. 91–97.
17. *Guski R., Schreckenberg D., Schuemer R.* WHO environmental noise guidelines for the European region: a systematic review on environmental noise and annoyance. *Int J Environ Res Public Health*. 2017. V. 14. P. E1539.
18. *Heinonen-Guzejev M., et al.* The association of noise sensitivity with coronary heart and cardiovascular mortality among Finnish adult. *Science of the Total Environment*. 2007. V. 372. № 2–3. P. 406–412.
19. *Hu L., Bentler P.M.* Fit indices in covariance structure modeling: Sensitivity to under parameterized model misspecification. *Psychological methods*. 1998. V. 3. № 4. P. 424.
20. *Jensen H.A.R., Rasmussen B., Ekholm O.* Neighbour noise annoyance is associated with various mental and physical health symptoms: Results from a nationwide study among individuals living in multi-storey housing. *BMC Public Health*. 2019. V. 19. № 1. P. 1–10.
21. *Kishikawa H., et al.* Noise sensitivity and subjective health: questionnaire study conducted along trunk roads in Kusatsu, Japan. *Noise and health*. 2009. V. 11. № 43. P. 111.
22. *Kline R.B.* Principles and practice of structural equation modeling. Guilford publications, 2015. P. 14–21.
23. *Marks A., Griefahn B.* Associations between noise sensitivity and sleep, subjectively evaluated sleep quality, annoyance, and performance after exposure to nocturnal traffic noise. *Noise Health*. 2007. V. 9. P. 1–7.
24. *Maschke C., Niemann H.* Health effects of annoyance induced by neighbour noise. *Noise Control Eng J*. 2007. V. 55. P. 348–56.
25. *Michaud D.S., et al.* Self-reported and measured stress related responses associated with exposure to wind turbine noise. *J Acoust Soc Am*. 2016. V. 139. P. 1467–1479.
26. *Miller Z.D. et al.* A Cross-cultural Examination of the Noise-sensitivity Scale-short Form: Measurement Invariance Testing between the US and Chinese Samples. *Biomedical and Environmental Sciences*. 2018. V. 31. № 11. P. 851–854.
27. *Münzel T., Gori T., Babisch W., Basner M.* Cardiovascular effects of environmental noise exposure. *Eur Heart J*. 2014. V. 35. P. 829–836.
28. *Nitschke M., et al.* The link between noise perception and quality of life in South Australia // *Noise Health*. 2014. V. 16. P. 137–42.
29. *Okokon E.O., et al.* Road-traffic noise: annoyance, risk perception, and noise sensitivity in the Finnish adult population. *Int J Env Res Public Health*. 2015. V. 12. P. 5712–34.
30. *Park J., et al.* Noise sensitivity, rather than noise level, predicts the non-auditory effects of noise in community samples: a population-based survey. *BMC Public Health*. 2017. V. 17. P. 315.
31. *Persson R., et al.* Trait anxiety and modeled exposure as determinants of self-reported annoyance to sound, air pollution and other environmental factors in the home.

- Int Arch Occup Environ Health. 2007. V. 81. № 2. P. 179–191.
32. *Piedmont, R.L.* Inter-item Correlations. In: Michalos, A.C. (eds) Encyclopedia of Quality of Life and Well-Being Research. Springer, Dordrecht. 2014. P. 3303–3304.
33. *Rosseel Y.* lavaan: An R Package for Structural Equation Modeling. Journal of Statistical Software. 2012. V. 48. № 2. P. 1–36.
34. *Sandrock S., Schütte M., Griefahn B.* Impairing effects of noise in high and low noise sensitive persons working on different mental tasks. International archives of occupational and environmental health. 2009. V. 82. № 6. P. 779–785.
35. *Senese V.P. et al.* The Italian version of the Weinstein Noise Sensitivity Scale: Measurement in-variance across age, sex, and context. European Journal of Psychological Assessment. 2012. V. 28. № 2. P. 118.
36. *Spector P.E., et al.* When two factors don't reflect two constructs: How item characteristics can produce artifactual factors. J Manage. 1997. V. 23. P. 659–77.
37. *Stansfeld S. et al.* Road traffic noise, noise sensitivity, noise annoyance, psychological and physical health and mortality. Environmental Health. 2021. V. 20. № 1. P. 1–15.
38. *Steiger J.H.* Structural model evaluation and modification: An interval estimation approach. Multivariate behavioral research. 1990. V. 25. № 2. P. 173–180.
39. *Steinke A., Kopp B.* RELEX: An Excel-based software tool for sampling split-half reliability coefficients. Methods in Psychology. 2020. V. 1. № 2. P. 100023.
40. *Sung J.H., et al.* Influence of transportation noise and noise sensitivity on annoyance: a cross-sectional study in South Korea. Int J Env Res Public Health. 2017. V. 14. № 3. P. 322.
41. *Wang, J., Norbäck D.* Home environment and noise disturbance in a national sample of multi-family buildings in Sweden—associations with medical symptoms. BMC public health, 2021. V. 21. № 1. P. 1–18.
42. *Weinstein N.D.* Individual differences in reactions to noise: a longitudinal study in a college dormitory. Journal of applied psychology. 1978. V. 63. № 4. P. 458.
43. *Worthington D.L.* Weinstein Noise Sensitivity Scale (WNSS) (Weinstein, 1978). The sourcebook of listening research: methodology and measures. 2017. P. 475–481.
44. *Yildiz M.K. et al.* Validating the Turkish version of the Weinstein noise sensitivity scale: effects of age, sex, and education level. Turkish journal of medical sciences. 2020. V. 50. № 4. P. 894–901.
45. *Zare Sakhvidi M.J., et al.* Association between noise exposure and diabetes: a systematic review and meta-analysis. Environ Res. 2018. V. 166. P. 647–657.
46. *Zhong T., Chung P.K., Liu J.D.* Short form of weinstein noise sensitivity scale (NSS-SF): reliability, validity and gender invariance among Chinese individuals. Biomedical and environmental sciences. 2018. V. 31. № 2. P. 97–105.
47. *Zimmer K., Ellermeier W.* Psychometric properties of four measures of noise sensitivity: A comparison. Journal of Environmental Psychology. 1999. V. 19. № 3. P. 295–302.

УДК 159.9

“СВЕТЛАЯ ТРИАДА”: АДАПТАЦИЯ И ПСИХОМЕТРИЧЕСКИЕ ПОКАЗАТЕЛИ

© 2023 г. Д. С. Корниенко^{1,*}, В. К. Вязовкина^{1,**}, А. Н. Неврюев^{1,2,***}

¹Институт общественных наук РАНХиГС;

119602, проспект Вернадского, д. 82, стр. 3, Москва, Россия.

²ФГБОУ ВО “Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации”;

125167, Ленинградский проспект, д. 49/2, Москва, Россия.

*Доктор психологических наук, профессор кафедры общей психологии.

E-mail: kornienko-ds@ranepa.ru

**Менеджер научно-исследовательской лаборатории когнитивных исследований.

E-mail: vyazovkina-vk@ranepa.ru

***Аспирант факультета психологии Института общественных наук РАНХиГС;

Старший преподаватель департамента психологии и развития человеческого капитала факультета социальных наук и массовых коммуникаций Финансового университета.

E-mail: annevryuev@fa.ru

Поступила 01.03.2023

Аннотация. Исследование направлено на адаптацию и анализ психометрических показателей опросника, измеряющего черты модели Светлой триады. Конструкт Светлой триады объединяет в себе черты: Веру в человечество, Гуманизм и Кантианизм. Модель Светлой триады была создана как противопоставление модели Темной триады и с целью придания значимости исследованию положительных или просоциальных черт личности в противовес негативным характеристикам. Участники исследования: 576 человек в возрасте от 17 до 25 лет, среди которых 437 женщин. Респонденты заполняли три методики: адаптированный опросник “Светлая триада”, “Короткий опросник темной тетрады” и “Краткий опросник Большой пятерки”. На основе конфирматорного анализа была подтверждена трехфакторная структура опросника, которая имеет индексы пригодности сравнимые с индексами оригинального опросника и других адаптаций. Надежность шкал опросника “Светлая триада” является удовлетворительной, согласуется с другими адаптациями опросника. Конвергентная и дискриминантная валидность шкал опросника являются приемлемыми. Однако шкалы Веры в человечество и Гуманизма близки по содержанию, в отличие от шкалы Кантианизм. Черты Светлой триады отрицательно связаны (силы связи слабые или умеренные) с чертами Темной тетрады, что позволяет говорить о конструктивной валидности. Между чертами Светлой триады и Большой пятерки обнаружены положительные, но слабые корреляции. Связи с чертой Доброжелательность позволяют рассматривать модель Светлой триады близкой по содержанию к данной черте. Адаптированный опросник может использоваться в исследовательских целях при учете его ограничений, а его психометрические показатели требуют дальнейшего исследования.

Ключевые слова: черты личности, светлая триада, темная триада, темная тетрада, кантианизм, гуманизм, вера в человечество, макиавеллизм, нарциссизм, психопатия, садизм.

DOI: 10.31857/S020595920027725-3

Наравне с известными моделями личности (например, Большая пятерка) стали появляться такие, которые описывают ее неклинические черты. Например, Темная тетрада включает наряду с Макиавеллизмом, Психопатией, Нарциссизмом и Садизмом [3; 19]. Однако не так давно исследователи начали описывать и светлые стороны личности. В основном подобные исследования проводились

в контексте позитивной психологии, которая описывает сильные стороны и ценности людей [8]. Исследования показали, что эти черты связаны с просоциальным поведением [21].

Одна из недавних попыток определить ключевые просоциальные черты и объединить их в единую модель принадлежит Л. Джонсон [12]. Ее модель Светлой триады включает Эмпатию (Empathy),

Сострадание (Compassion) и Альтруизм (Altruism), объединенные в общий фактор — просоциальную ориентацию. Автор опиралась на гипотезу эмпатии—альтруизма [5], согласно которой просоциальные черты связаны с подобным поведением. Эта модель была протестирована в ряде исследований [6; 15; 17; 24].

Тем не менее популярность получила модель Светлой триады (Light Triad) С. Кауфмана и коллег [13], в которую вошли 3 черты:

— Кантианизм (Kantianism) — отношение к другим людям как к самоцели, а не как к средству для достижения цели. Название связано с подходом к изучению морали Канта.

— Гуманизм (Humanism) — оценка достоинства и ценности каждого человека.

— Вера в человечество (Faith in humanity) — убеждение в фундаментальной доброте людей.

Целью данной работы является адаптация русскоязычной версии опросника “Светлая триада” [13], проверка факторной структуры опросника, надежности его шкал, валидности, а также связей с базовыми личностными чертами.

Задачи исследования:

1. Соотнести факторную структуру русской версии опросника “Светлая триада” со структурой оригинальной методики.
2. Оценить надежность опросника “Светлая триада” и входящих в него шкал.
3. Оценить конструктивную, конвергентную и дискриминантную валидность шкал опросника “Светлая триада”.

Теоретическая гипотеза: конструкт Светлой триады является объединением трех черт (Вера в человечество, Гуманизм и Кантианизм), характеризует диспозицию к положительному отношению к другим, их принятию, понимание достоинства и ценности каждого человека, а также убеждение в фундаментальной доброте людей.

Исследовательская гипотеза — психометрические показатели и факторная структура опросника “Светлая триада”, полученные на российской выборке, являются достаточными для использования опросника как исследовательского метода и согласуются с ранее проведенными исследованиями по адаптации.

Объект — модель Светлой триады. Предмет — психометрические характеристики опросника “Светлой триады”.

Появление новых конструктов в психологии личности приводит к постановке вопросов

о воспроизводимости и психометрической состоятельности методов, в частности, измеряющих новые черты личности. На момент написания статьи адаптированной версии опросника “Светлая триада” С. Кауфмана и коллег [13] на русском языке не было обнаружено, что делает актуальными ее русскоязычную адаптацию и исследование психометрических характеристик. К тому же развитие исследований в позитивной психологии подчеркивает значимость просоциальных характеристик для психологического благополучия человека. В отдельных исследованиях черты Светлой триады были рассмотрены в рамках модели ментального здоровья [14] и отнесены к характеристикам психологического благополучия в отличие от черт Темной триады. В аспекте практической значимости это позволяет нивелировать негативные и развивать позитивные черты [25].

МЕТОДИКА

Участники исследования. Набор осуществлялся через почтовую рассылку по вузам и социальным сетям. Большинство респондентов — студенты московских вузов и ссузов. Всего приняли участие 576 человек в возрасте от 17 до 25 лет ($M = 19.7$; $SD = 1.78$; $Rng = 8$; $Me = 19$), среди которых 437 женщин (75.9%). Они заполнили методики на измерение выраженности черт Темной тетрады и Светлой триады. Из них 366 человек ($M = 19.97$; $SD = 1.85$; $Rng = 7$; $Me = 20$), среди которых 274 женщины (74.9%), дополнительно заполнили опросник на измерение выраженности черт Большой пятерки.

Процедура исследования. Исследование проводилось на онлайн-платформе 1КА в январе 2022 г. В начале участник давал информированное согласие на участие в нем. Далее ему предлагалось оценить утверждения с помощью различных шкал Ликерта. В конце он заполнял социально-демографическую анкету. Время процедуры — до 15 мин. Регистрация ответов происходила с помощью процедуры выбора (в соответствии со степенью согласия). Некоторые вопросы (возраст и город) требовали того, чтобы респондент самостоятельно вписал ответ.

Методики и аппаратура. В качестве методик были использованы:

Опросник “Светлой триады” С. Кауфмана и коллег [13] (12 утверждений). Включает в себя 3 шкалы: Кантианизм, Гуманизм и Вера в человечество. Использовалась 5-балльная шкала Ликерта (1 — полностью не согласен, 5 — полностью согласен).

В своей работе С. Кауфман и коллеги предложили конструкт и опросник “Светлой триады”,

а также привели результаты четырех исследований ($n = 1518$). Спектр показателей включал черты личности моделей Большая пятерка, *HEXACO*, Темная триада и характеристики психологического благополучия, самооценки, межличностных отношений, ценностей, особенностей развития, а также демографические показатели [13]. Было установлено, что светлые черты связаны с более старшим возрастом, женским полом, благополучным детством, высокой самооценкой, религиозностью, удовлетворенностью жизнью, эмпатией, сознательностью. Люди с выраженными светлыми чертами в большей степени удовлетворены отношениями с другими и стремятся к установлению романтических связей на основе взаимной любви и уважения. Однако у них менее выражены мотивы достижений и самоутверждения, а также храбрость и ассертивность, но выше аспекты межличностной вины.

Опросник Светлой триады С. Кауфмана и коллег [13] был адаптирован на нескольких языках: испанском [25], польском [9], турецком [20; 26], сербском [18], португальском [23] и бразильском португальском [6]. Наличие большого количества исследований с использованием этой методики позволит провести более детальное сравнение психометрических показателей русской адаптации с предшествующими ей зарубежными.

Перевод методики на русский язык осуществлялся независимо авторами статьи. В процессе совместного обсуждения переводов устранены расхождения в формулировках. Перевод был согласован с тремя специалистами с профильным филологическим образованием. Следует отметить, что некоторые пункты могут иметь разное понимание респондентами, например, утверждение “*I prefer honesty over charm*” (в данной статье используется перевод “Я предпочитаю быть честным, чем обаятельным”) может быть понято как в межличностном, так и как во внутриличностном аспекте, описывая соответственно взаимодействие с другими или восприятие себя, что отмечается, в частности авторами польской версии опросника [9].

Опросник представлен в Приложении, психометрические показатели — в разделе “Результаты”. Для опросника были рассчитаны показатели каждой шкалы и общий (суммарный) показатель.

Для оценки конвергентной и конструктивной валидности были использованы:

“Краткий опросник Большой пятерки” [3], представляющий собой адаптацию “Десятипунктного опросника личности” С. Гослинга и коллег (*Ten Item Personality Measure; TIPI*) (10 утверждений) [10]. Методика использовалась для оценки 5

базовых черт личности: Экстраверсии ($\alpha = 0.62$), Согласия ($\alpha = 0.32$), Добросовестности ($\alpha = 0.81$), Эмоциональной стабильности ($\alpha = 0.70$) и Открытости новому опыту ($\alpha = 0.45$). Использовалась 7-балльная шкала Ликерта (1 — полностью не согласен, 7 — полностью согласен).

“Короткий опросник темной тетрады” [2], представляющий собой адаптацию короткого опросника “Темная тетрада” Д. Полхуса и коллег (*Short Dark Tetrad; SD4*) (28 утверждений) [19]. Опросник направлен на оценку выраженности 4 черт личности: Макиавеллизма ($\alpha = 0.61$), Нарциссизма ($\alpha = 0.72$), Психопатии ($\alpha = 0.67$) и Садизма ($\alpha = 0.74$). Была использована 5-балльная шкала Ликерта (1 — полностью не согласен, 5 — полностью согласен). Отдельно был рассчитан общий показатель Темной тетрады.

Статистические критерии. Для анализа результатов применялись методы корреляционного, эксплораторного и конфирматорного факторного анализа. Расчеты проводились в среде статистического анализа *R* с использованием пакетов *psych*, *lavaan* и *sem*.

РЕЗУЛЬТАТЫ

Описательная статистика. Использование критерия Шапиро-Уилка показало отклонение от нормального распределения исследуемых показателей (табл. 1). Анализ асимметрии и эксцесса продемонстрировал достаточную симметричность и допустимость ($As < 2$, $Ex < 7$) для дальнейшего анализа [7; 16].

Структура опросника “Светлая триада”. Конфирматорный факторный анализ (метод максимального правдоподобия) был проведен для тестирования нескольких моделей (табл. 2):

- однофакторной (все пункты опросника образовывали один фактор),
- трехфакторной (модель авторов опросника),
- двухфакторной (модель, основанная на результатах [9] и исключающая фактор Кантианизм),
- модель, которая включала общий фактор (Вера в человечность и Гуманизм), а также фактор Кантианизм [18].

Однофакторная модель показала наименьшую пригодность среди всех моделей, трехфакторная (модель авторов опросника) показала достаточную пригодность после добавления индексов модификации между пунктами шкалы Кантианизм. Аналогичные результаты повышения пригодности трехфакторной модели авторов опросника после

Таблица 1. Описательная статистика исследуемых показателей

Показатели	M	SD	Me	min	max	As	Ex	W*
Вера в человечество	3.36	0.69	3.50	1.00	5.00	−0.35	0.16	0.981
Гуманизм	3.64	0.62	3.75	1.50	5.00	−0.24	0.24	0.979
Кантианизм	3.47	0.68	3.50	1.25	5.00	−0.37	0.17	0.979
Макиавеллизм	2.40	0.66	2.43	1.00	4.86	0.56	0.36	0.974
Нарциссизм	2.30	0.74	2.29	1.00	4.71	0.58	−0.05	0.970
Психопатия	3.49	0.52	3.50	1.75	5.00	−0.25	0.65	0.988
Садизм	3.07	0.35	3.05	1.94	4.48	0.33	0.79	0.991
Суммарный показатель Светлой триады	3.36	0.69	3.50	1.00	5.00	−0.35	0.16	0.981
Суммарный показатель Темной тетрады	3.64	0.62	3.75	1.50	5.00	−0.24	0.24	0.979

Примечание. *M* — среднее значение, *SD* — стандартное отклонение, *Me* — медиана, *min* — минимум, *max* — максимум, *As* — асимметрия, *Ex* — эксцесс, *W* — значения критерия Шапиро-Уилка. * — указанные значения критерий Шапиро-Уилка являются значимыми при $p < 0.001$.

Таблица 2. Индексы пригодности для модели Светлой триады (диады), полученные в различных исследованиях

Модель	χ^2 (df)*	CFI	TLI	RMSEA [90% CI]	SRMR
Однофакторная модель	234.475 (54)	0.811	0.770	0.087 [0.076; 0.099]	0.065
Двухфакторная модель 1 (два фактора: Вера в человечество, Гуманизм)	65.326 (19)	0.938	0.909	0.06 [0.048; 0.083]	0.039
Двухфакторная модель 2 с индексами модификации (два фактора: Вера в человечество и Гуманизм, Кантианизм)	118.561 (49)	0.927	0.902	0.057 [0.044; 0.070]	0.044
Aruta, 2022 [4]: (два фактора: Вера в человечество и Гуманизм, Кантианизм)	241.50 (53)	0.85	0.81	0.09 [0.08; 1.00]	0.07
Kaufman et al., 2019 [13]	193.38 (51)	0.95	—	0.065 [0.055; 0.074]	0.05
Lukić & Živanović, 2021 [18]	143.26 (51)	0.92	0.90	0.05 [0.04; 0.06]	0.05
Трехфакторная авторская модель с индексами модификации	96.964 (44)	0.946	0.92	0.051 [0.037; 0.065]	0.040
Gerymski & Krok, 2019 [9]	112 (50)	0.933	0.911	0.056 [0.04; 0.07]	—
Stavraki et al., 2022 [25]	227.25 (51)	0.94	0.94	0.05 [—]	0.04
Tekeş & Biçaksız, 2021 [26]	120.85 (51)	0.91	—	0.06 [0.05; 0.07]	—
Aruta, 2022 [4]	105.88 (49)	0.95	0.93	0.05 [0.04; 0.06]	0.04

Примечание. χ^2 — критерий хи-квадрат, *df* — число степеней свободы, *CFI* — сравнительный индекс согласия Бентлера, *TLI* — ненормированный показатель соответствия Такера—Льюиса, *RMSEA* — корень среднеквадратической ошибки аппроксимации, *90% CI* — границы доверительного интервала для *RMSEA*, *SRMR* — стандартизованный среднеквадратический остаток. * — уровень значимости $p < 0.001$.

добавления индексов модификации были получены в польской адаптации опросника [9]. Двухфакторные модели и модель, включающая только факторы Вера в человечество и Гуманизм, оказались достаточно пригодными.

Полученные результаты тестирования моделей позволяют рассматривать их как соответствующие критериям пригодности как для двухфакторной, так и трехфакторной структуры [11]. Однако трехфакторная модель в данном исследовании ближе по значениям пригодности как исходной модели Кауфмана, так и результатам, полученными другими исследователями.

Надежность шкал опросника “Светлая триада”. Надежность (α Кронбаха и ω Макдональда) в целом оказалось приемлемой (табл. 3). Наибольшие

коэффициенты α Кронбаха демонстрирует суммарный показатель Светлой триады, затем по величине следуют Вера в человечество и Гуманизм, Кантианизм. Значения надежности, полученные в данном исследовании, согласуются с другими исследованиями.

Наибольший коэффициент надежности демонстрирует шкала Вера в человечество [13], затем идет шкала Гуманизм [9], а наименьшей надежностью обладает шкала Кантианизм.

Конвергентная валидность опросника “Светлая триада”. Корреляция шкал опросника между собой (табл. 4). Коэффициенты конвергентной валидности для пунктов шкал опросника Светлой триады получены следующие: Вера в человечество (0.79), Гуманизм (0.77), Кантианизм (0.77). Это

Таблица 3. Показатели надежности для шкал опросника “Светлая триада” в различных исследованиях

Работы		Вера в человечество	Гуманизм	Кантианизм	Суммарный показатель трехфакторной модели
Настоящее исследование	α	0.64	0.60	0.59	0.77
	ω	0.66	0.62	0.67	0.80
Kaufman et al., 2019 [13]	α	0.80	0.76	0.67	0.84
Lukić & Živanović, 2021 [18]	α	0.70	0.59	0.53	—
Gerymski & Krok, 2019 [9]	α	0.73	0.65	0.54	0.73
	ω	0.75	0.67	0.54	0.77
Stavraki et al., 2022 [25]	α	0.72	0.69	0.50	0.77
Tekeş & Biçaksız, 2021 [26]	α	0.64	0.58	0.49	—
Ucar G. K. et al., 2023 [27]	α	0.74	0.40	0.37	—

Примечание. α — альфа Кронбаха, ω — омега Макдональда.

позволяет говорить о том, что шкалы измеряют различные конструкты. Шкалы Светлой триады имеют значимые положительные корреляции друг с другом, причем наиболее высокий коэффициент у связи Веры в человечество и Гуманизма ($r = 0.51$, $p < 0.01$), а наименьший — для связей Кантианизма и Гуманизма ($r = 0.32$, $p < 0.01$). Корреляция шкал Вера в человечество и Кантианизм — $r = 0.42$, $p < 0.01$. Полученные значения свидетельствуют в пользу того, что данные шкалы измеряют близкие, но не сводимые друг к другу характеристики. Общий показатель Светлой триады обнаруживает высокие значения корреляций с отдельными шкалами (от $r = 0.75$ до $r = 0.92$, $p < 0.01$). Полученные взаимосвязи воспроизводят результаты в аналогичных исследованиях [4; 13; 25].

Дискриминантная валидность шкал опросника “Светлая триада”. Коэффициенты дискриминации между шкалами опросника Вера в человечество и Кантианизм (0.62) и Гуманизм и Кантианизм (0.54) оказались ниже пороговых [22], но для шкалы Вера в человечество и Гуманизм — выше (0.87).

Конструктивная валидность опросника “Светлая триада”. Корреляции шкал Светлой триады и Темной тетрады, шкалой Доброжелательность модели Большая пятерка. В связи с тем, что стремление С. Кауфмана и коллег [13] создать конструкт, который можно прямо противопоставить Темной триаде, стало основой для появления Светлой триады [13], то проверка конструктивной валидности на основании черт Темной триады или тетрады возможна. Выбор других характеристик, измеряющих положительные личностные черты, на наш взгляд, не будет оптимальным, в силу отсутствия прямых аналогий с чертами Светлой триады за исключением черты Доброжелательность модели Большая пятерка или Честность — шестифакторной модели. Кроме того, авторы адаптаций на других языках (например, [9; 18; 25]) проводят для оценки

конструктивной валидности сопоставление черт Светлой триады именно с чертами Темной триады, что позволяет сравнивать полученные нами результаты с имеющимися и говорить о воспроизводимости не только самого конструкта Светлая триада, но и связей, которые его составляющие обнаруживают с другими чертами.

На основании корреляционного анализа были установлены взаимосвязи между шкалами Светлой триады и Темной тетрады (табл. 4). Получены отрицательные коэффициенты корреляций, которые являются низкими и средними. Шкалы Светлой триады отрицательно связаны с Макиавеллизмом. Наименьшее число взаимосвязей и низкие значения коэффициентов корреляции шкалы Светлой триады обнаруживают с Нарциссизмом, взаимосвязи с Психопатией и Садизмом совпадают для большинства шкал. Корреляция между общим показателем Светлой триады и Темной тетрады невысока ($r = -0.33$; $p > 0.01$) и сопоставима с результатами других исследователей (например, [25; 27]).

Следующим этапом является выявление взаимосвязей черт Светлой триады и черт Большой пятерки ($n = 366$) (табл. 4). Корреляционные связи шкал Светлой триады и Большой пятерки показывают, что Вера в человечество и Гуманизм имеют связи с Экстраверсией так же, как и общий показатель Светлой триады. Установлено, что шкала Вера в человечество положительно связана с Нейротизмом, а Гуманизм с Сознательностью. Связей с Открытостью опыту не обнаруживается. Все связи положительные, но коэффициенты корреляции низкие. Результаты корреляционного анализа шкал опросника Светлой триады и шкалы Доброжелательность модели Большая пятерка показали наличие положительных связей как для отдельных шкал, так и для суммарного показателя Светлой триады (см. табл. 4).

Полученные связи в целом подтверждают идею о том, что шкалы Вера в человечество, Гуманизм

Таблица 4. Результаты корреляционного анализа для шкал опросников “Светлая триада”, “Короткий опросник темной тетрады”, “Краткого опросника Большой пятерки”

Показатели	Суммарный показатель Светлой триады	Вера в человечество	Гуманизм	Кантианизм
Макиавеллизм	–0.30**	–0.25**	–0.09*	–0.35**
Нарциссизм	–0.03	–0.02	0.09*	–0.14**
Психопатия	–0.23**	–0.18**	–0.14**	–0.22**
Садизм	–0.38**	–0.33**	–0.21**	–0.32**
Экстраверсия	0.11*	0.11*	0.16**	–0.02
Доброжелательность	0.35**	0.26**	0.30**	0.25**
Сознательность	0.10	0.03	0.12*	0.09
Нейротизм	0.06	0.14**	0.00	–0.02
Открытость опыту	–0.06	–0.06	–0.05	–0.03

Примечание. * — $p < 0.05$; ** — $p < 0.01$; *** — $p < 0.001$.

и Кантианизм диагностируют содержательно разные характеристики, чем черты Темной триады/тетрады, однако могут быть близки по содержанию к черте Доброжелательность модели Большая пятерка.

ОБСУЖДЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ

Несмотря на то что изначально конструкт Светлой триады был создан как противоположный Темной триаде, вопрос о содержании составляющих его черт и структуре является предметом дискуссий. Недостаточная теоретическая проработанность конструкта приводит к тому, что в исследованиях рассматривается разное количество черт, входящих в структуру Светлой триады [9; 18]. Черты, составляющие Светлую триаду, являются очень широкими с точки зрения содержания и одновременно достаточно узкими при измерении просоциального поведения, что приводит к трудности разграничения характеристик, связанных с верой в положительную природу человека, и гуманистического восприятия других, что выражается в альтернативных моделях.

Как и в оригинальной работе С. Кауфмана [13] было получено, что именно трехфакторная структура обладает наибольшим уровнем пригодности, т.е. в структуре Светлой триады выделяются три фактора (шкалы): Вера в человечество, Гуманизм и Кантианизм.

Надежность шкал опросника “Светлая триада” является в целом приемлемой, достаточной для использования опросника в исследовательских целях. Суммарный показатель Светлой триады, шкалы Вера в человечество и Гуманизм демонстрируют большие значения показателя надежности, чем для шкалы Кантианизм, по которой обнаружен больший разброс показателя надежности. Эти данные согласуются с результатами предыдущих

исследований (от минимума — для турецкой версии [27] и максимума — в оригинальном исследовании [13]). Ряд исследователей (например, [18]) указывают на то, что шкала Кантианизм состоит из четырех пунктов и не охватывает всего многообразия (в отличие от других характеристик). Однако несмотря на полученные показатели надежности, шкалы Светлой триады исследуются, например, при изучении экологических установок [27] или веры в конспирологические теории [18].

Результаты анализа конвергентной и дискриминантной валидности показывают, что шкалы опросника “Светлая триада” измеряют отдельные конструкты. Стоит отметить, что шкалы Вера в человечество и Гуманизм скорее сходны, на что указывают индексы пригодности двухфакторной модели: 1) общий фактор Вера в человечество и Гуманизм, 2) фактор Кантианизм в данном исследовании и в работе Дж. Арута [4], и корреляции между шкалами. Корреляционный анализ демонстрирует разнонаправленность шкал Светлой триады и Темной тетрады. Макиавеллизм, Психопатия и Садизм обнаруживают отрицательные связи со всеми шкалами Светлой триады, тогда как Нарциссизм обнаруживает только положительную, хотя и низкую связь с Гуманизмом, что может объясняться тем, что респонденты с высоким уровнем Нарциссизма понимают пункты опросника как характеристики, которые направлены на формирование позитивного впечатления о них [1]. Также обнаружена отрицательная связь Нарциссизма с Кантианизмом. Отрицательные величины корреляций между Светлой триадой и Темной тетрадой указывают на разнонаправленность измеряемых шкал (конструктная валидность), что согласуется с исходной идеей С. Кауфмана и коллег об их противопоставлении [13]. По результатам других исследований обнаруживается сходный паттерн взаимосвязей — негативные корреляции между шкалами Светлой триады и Темной триады/тетрады при отсутствии [26] или

единичных и минимальных корреляциях шкал Светлой триады с Нарциссизмом [9; 13; 18; 25].

Учитывая величины коэффициентов корреляции для шкалы Доброжелательность и шкал Темной триады, можно предположить, что черты Светлой триады более схожи с проявлениями Доброжелательности и, возможно, являются фасетками — более частными характеристиками данной черты. Полученные результаты говорят о критериальной валидности и согласуются с результатами аналогичных исследований [9]. В исходной работе по разработке опросника “Светлая триада” и одноименного конструкта [13] были обнаружены высокие корреляции черт Светлой триады с Доброжелательностью и ее фасетками. Однако в более поздних работах [18] связи выражены в меньшей степени. Такая нестабильная связь может объясняться тем, что в ряде работ низкий уровень Доброжелательности описывается как характеристика ядра Темной триады [1], соответственно высокий уровень этой характеристики будет также иметь значение для Светлой триады.

Ограничения исследования. Во-первых, распределение полученных данных отличается от нормального, хотя данная ситуация наблюдается в большинстве исследований Светлой триады. Во-вторых, психометрические характеристики шкал Светлой триады требуют дополнительного исследования. В-третьих, выборка состояла из молодых людей, преимущественно — женщин. Следующие исследования конструкта Светлой триады должны будут содержать большую методологическую обоснованность модели. Среди других направлений исследований — более детальное изучение психометрических показателей опросника “Светлая триада”.

ВЫВОДЫ

1. Структура адаптированного опросника “Светлой триады” на русском языке включает три черты — Вера в человечество, Гуманизм и Кантианизм. Вера в человечество описывает склонность относиться к другим как хорошим людям, обладающим положительными характеристиками, и готовность прощать. Гуманизм описывает готовность переживать положительные эмоции за других, Кантианизм — отказ от манипулирования другими и поиска выгод от взаимодействия, а также искренность и честность в общении.

2. Надежность шкал опросника “Светлая триада”, а также суммарного показателя имеет приемлемое значение. Результаты оценки надежности согласуются с иностранными адаптациями

опросника, но относительно оригинального исследования коэффициенты надежности всех шкал — ниже.

3. Конвергентная валидность: шкалы опросника “Светлая триада” диагностируют различные черты. Черты Светлой триады умеренно положительно связаны между собой.

4. Дискриминантная валидность: коэффициенты дискриминантности шкал опросника показывают пороговые значения ниже средних.

5. Конструктивная валидность: предположительно, темные и светлые черты прямо нельзя противопоставить друг другу. Модели Темной триады/тетрады и Светлой триады скорее являются независимыми. Полученные в данном исследовании факты скорее указывают на имеющееся пересечение черт Светлой триады с Доброжелательностью в пятифакторной модели черт, однако этот вопрос требует дополнительного исследования.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Егорова М.С., Ситникова М.А. Темная триада // Психологические исследования. 2014. Т. 7. № 38.
2. Корниенко Д.С., Вязовкина В.К., Горностаев И.С. Адаптация и психометрическая проверка методики “Короткий опросник темной тетрады” // Психологический журнал. 2022. Т. 43. № 5. С. 87–98.
3. Корнилова Т.В., Чумакова М.А. Апробация краткого опросника Большой пятерки (TIPI, КОБТ) // Психологические исследования. 2016. Т. 9. № 46.
4. Aruta J.J.B.R. Psychometric validation and environmental psychological correlates of the Light Triad traits: Evidence from a non-Western country // Journal of Individual Differences. 2022. V. 44. № 3. P. 163–172.
5. Batson C.D., Shaw L.L. Evidence for altruism: Toward a pluralism of prosocial motives // Psychological inquiry. 1991. V. 2. № 2. P. 107–122.
6. Barros L.O., Bonfá-Araujo B., Noronha A.P.P. Light Triad Scale: Propriedades psicométricas da versão portuguesa-brasileira e a relação com aspectos positivos // Revista Psicologia em Pesquisa. 2022. V. 16. № 1. P. 1–21.
7. Finney S.J., DiStefano C. Non-normal and categorical data in structural equation modeling // Structural equation modeling: A second course. 2006. V. 10. № 6. P. 269–314.
8. Gable S.L., Haidt J. What (and why) is positive psychology? // Review of general psychology. 2005. V. 9. № 2. P. 103–110.
9. Gerymski R., Krok D. Psychometric properties and validation of the Polish adaptation of the Light Triad Scale // Current Issues in Personality Psychology. 2019. V. 7. № 4. P. 341–354.

10. *Gosling S.D., Rentfrow P.J., Swann W.B.* A very brief measure of the Big-Five personality domains // *Journal of Research in Personality*. 2003. V. 37. № 6. P. 504–528.
11. *Jackson D.L., Gillaspay A., Purc-Stephenson R.* Reporting practices in confirmatory factor analysis: an overview and some recommendations // *Psychological Methods*. 2009. V. 14. № 1. P. 6–23.
12. *Johnson L.K.D.* The Light Triad Scale: Developing and validating a preliminary measure of prosocial orientation: Thesis... Master of Science degree in Psychology. London, 2018.
13. *Kaufman S.B., Yaden D.B., Hyde E., Tsukayama E.* The Light vs. Dark Triad of personality: Contrasting two very different profiles of human nature // *Frontiers in psychology*. 2019. V. 10. № 467.
14. *Keyes C.L.M.* Mental illness and/or mental health? Investigating axioms of the complete state model of health // *Journal of consulting and clinical psychology*. 2005. V. 73. № 3. P. 539–548.
15. *Khan I.U., Safdar U.K., Durrani M.Z.* The Light Triad traits, psychological empowerment, creative self-efficacy, self-resilience and innovative performance in ict of Pakistan // *Gomal University Journal of Research*. 2021. V. 37. № 3. P. 297–310.
16. *Kim H.Y.* Statistical notes for clinical researchers: assessing normal distribution (2) using skewness and kurtosis // *Restorative Dentistry & Endodontics*. 2013. V. 38. № 1. P. 52–54.
17. *Lisá E., Valachová M.* Dispositional employability and self-regulation in antisocial and prosocial personalities: different contributions to employability // *BMC psychology*. 2023. V. 11. № 7.
18. *Lukić P., Živanović M.* Shedding light on the Light Triad: Further evidence on structural, construct, and predictive validity of the Light Triad // *Personality and Individual Differences*. 2021. V. 178. P. 110876.
19. *Paulhus D.L., Buckels E.E., Trapnell P.D., Jones D.N.* Screening for dark personalities // *European Journal of Psychological Assessment*. 2020. V. 37. № 3. P. 208–222.
20. *Pektaş S., Durmuş G.* Adaptation of the Light Triad Scale to Turkish: A validity and reliability study // *Akdeniz Spor Bilimleri Dergisi*. 2022. V. 5. № 3. P. 664–674.
21. *Penner L.A., Dovidio J.F., Piliavin J.A., Schroeder D.A.* Prosocial behavior: Multilevel perspectives // *Annual Review of Psychology*. 2005. V. 56. P. 365–392.
22. *Rönkkö M., Cho E.* An updated guideline for assessing discriminant validity // *Organizational Research Methods*. 2022. V. 25. № 1. P. 6–14.
23. *Samouqueiro J.F.L.* A Cara e a Coroa da Personalidade: Adaptação da Light Triad Scale Para a População Portuguesa: Thesis... Mestre na especialidade de Psicologia Social e das Organizações. Lisboa, 2020.
24. *Sevi B., Doğruyol B.* Looking from the bright side: The Light Triad predicts Tinder use for love // *Journal of Social and Personal Relationships*. 2020. V. 37. № 7. P. 2136–2144.
25. *Stavraki M., Artacho-Mata E., Bajo M., Díaz D.* The dark and light of human nature: Spanish adaptation of the Light Triad Scale and its relationship with psychological well-being // *Current Psychology*. 2022. P. 1–10.
26. *Tekes B., Bıçaksız P.* Aydınlık üçlü (Light Triad) ölçeğinin psikometrik özelliklerinin değerlendirilmesi // *AYNA Klinik Psikoloji Dergisi*. 2021. V. 8. № 3. P. 535–556.
27. *Ucar G.K., Malatyali M.K., Planalı G.Ö., Kanik B.* Personality and pro-environmental engagements: The role of the Dark Triad, the Light Triad, and value orientations // *Personality and Individual Differences*. 2023. V. 203. № 112036.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Опросник “Светлой триады”

Вам будет предложен ряд утверждений. Пожалуйста, оцените степень Вашего согласия с каждым утверждением по 5-балльной шкале, где: 1 — полностью не согласен, 2 — не согласен, 3 — нечто среднее, 4 — согласен, а 5 — полностью согласен.

1. Я стремлюсь видеть лучшее в людях.
2. Я склонен восхищаться другими.
3. Я предпочитаю быть честным, чем обаятельным.
4. Я склонен верить, что другие люди поступят со мной честно/справедливо.
5. Я склонен радоваться успехам других.
6. Мне неудобно открыто манипулировать людьми, чтобы они делали то, что я хочу.
7. Я думаю, что люди в большинстве своем хорошие.
8. Я склонен относиться к другим, как к ценным (для меня).

9. Я буду искренним и честным, даже если это может навредить моей репутации.
10. Я быстро прощаю людей, которые обидели меня.
11. Мне нравится общаться с людьми из всех слоев общества.
12. Когда я разговариваю с людьми, я редко думаю о том, что что-то хочу получить от них.

Ключи:

Вера в человечество — 1, 4, 7, 10.

Гуманизм — 2, 5, 8, 11.

Кантианизм — 3, 6, 9, 12.

THE LIGHT TRIAD QUESTIONNAIRE: ADAPTATION AND PSYCHOMETRIC PROPERTIES

D. S. Kornienko^{1,*}, V. K. Vyazovkina^{1,**}, A. N. Nevryuev^{1,2,***}

¹*Institute for Social Sciences, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration; 119602, Moscow, Vernadsky Avenue, 82/3, Russia.*

²*Financial University under the Government of the Russian Federation; 125167, Moscow, Leningradsky Avenue, 49/2, Russia.*

**ScD (Psychology), Professor of the Department of General Psychology. E-mail: kornienko-ds@ranepa.ru*

***Manager of the Cognitive Research Laboratory. E-mail: vyazovkina-vk@ranepa.ru*

****Postgraduate student of the Faculty of Psychology of the Institute of Social Sciences of the RANEPa; Senior Lecturer of the Department of Psychology and Human Capital Development of the Faculty of Social Sciences and Mass Communications of the Financial University. E-mail: annevryuev@fa.ru*

Received 01.03.2023

Abstract. The purpose of this study is to adapt and evaluate the psychometric properties of the questionnaire used to measure the characteristics of the Light Triad model. The Light Triad consists of three characteristics: Faith in humanity, Humanism and Kantianism. As a counterpoint to the Dark Triad model, the Light Triad model emphasizes the importance of studying positive or prosocial personality traits instead of focusing on negative characteristics. The study included 576 participants aged 17 to 25, with 437 of them being women. Respondents completed three questionnaires: the Light Triad Adapted Questionnaire, the Dark Tetrad Short Questionnaire, and the Big Five Short Questionnaire. The confirmatory factor analysis confirmed the three-factor structure of the Light Triad questionnaire, and the fit indices were comparable to those from the original study of the Light Triad questionnaire and other adaptations. The scales of the Light Triad questionnaire demonstrate sufficient reliability and align with the findings of other adaptation studies. The convergent and discriminant validity of the questionnaire is acceptable. In contrast to the scale of Kantianism, the scales of Faith in humanity and Humanism are similar in terms of content. The characteristics of the Light Triad have negative associations (mild or moderate correlations) with the scales of the Dark Tetrad, which enhances the reliability of the construct. There are positive correlations between the Light Triad and the Big Five traits. Positive associations between the Light Triad trait and the Agreeableness trait raise questions about a potential overlap between these characteristics. Taking into account its limitations, an adapted questionnaire can be used in research. However, further investigation is needed to assess its psychometric features.

Keywords: personality traits, light triad, dark triad, dark tetrad, kantianism, humanism, faith in humanity, machiavellianism, narcissism, psychopathy, sadism

REFERENCES

1. *Egorova M.S., Sitnikova M.A.* Temnaja triada. Psikhologicheskie issledovanija. 2014. V. 7. № 38. (In Russian)
2. *Kornienko D.S., Vyazovkina V.K., Gornostaev I.S.* Adaptacija i psikhometricheskaja proverka metodiki “Korotkij oprosnik temnoj tetrady”. Psikhologicheskii zhurnal. 2022. V. 43. № 5. С. 87–98. (In Russian)
3. *Kornilova T.V., Chumakova M.A.* Aprobacija kratkogo oprosnika Bol’shoj pjaterki (TIPI, KOBT). Psikhologicheskie issledovanija. 2016. V. 9. № 46. (In Russian)
4. *Aruta J.J.B.R.* Psychometric validation and environmental psychological correlates of the Light Triad traits: Evidence from a non-Western country. Journal of Individual Differences. 2022. V. 44. № 3. P. 163–172.
5. *Batson C.D., Shaw L.L.* Evidence for altruism: Toward a pluralism of prosocial motives. Psychological inquiry. 1991. V. 2. № 2. P. 107–122.
6. *Barros L.O., Bonfá-Araujo B., Noronha A.P.P.* Light Triad Scale: Propriedades psicométricas da versão portuguesa-brasileira e a relação com aspectos positivos. Revista Psicologia em Pesquisa. 2022. V. 16. № 1. P. 1–21.
7. *Finney S.J., DiStefano C.* Non-normal and categorical data in structural equation modeling. Structural equation modeling: A second course. 2006. V. 10. № 6. P. 269–314.
8. *Gable S.L., Haidt J.* What (and why) is positive psychology? Review of general psychology. 2005. V. 9. № 2. P. 103–110.
9. *Gerymski R., Krok D.* Psychometric properties and validation of the Polish adaptation of the Light Triad Scale. Current Issues in Personality Psychology. 2019. V. 7. № 4. P. 341–354.
10. *Gosling S.D., Rentfrow P.J., Swann W.B.* A very brief measure of the Big-Five personality domains. Journal of Research in Personality. 2003. V. 37. № 6. P. 504–528.
11. *Jackson D.L., Gillaspay A., Purc-Stephenson R.* Reporting practices in confirmatory factor analysis: an overview and some recommendations. Psychological Methods. 2009. V. 14. № 1. P. 6–23.
12. *Johnson L.K.D.* The Light Triad Scale: Developing and validating a preliminary measure of prosocial orientation: Thesis... Master of Science degree in Psychology. London, 2018.
13. *Kaufman S.B., Yaden D.B., Hyde E., Tsukayama E.* The Light vs. Dark Triad of personality: Contrasting two very different profiles of human nature. Frontiers in psychology. 2019. V. 10. № 467.
14. *Keyes C.L.M.* Mental illness and/or mental health? Investigating axioms of the complete state model of health. Journal of consulting and clinical psychology. 2005. V. 73. № 3. P. 539–548.
15. *Khan I.U., Safdar U.K., Durrani M.Z.* The Light Triad traits, psychological empowerment, creative self-efficacy, self-resilience and innovative performance in ict of Pakistan. Gomal University Journal of Research. 2021. V. 37. № 3. P. 297–310.
16. *Kim H.Y.* Statistical notes for clinical researchers: assessing normal distribution (2) using skewness and kurtosis. Restorative Dentistry & Endodontics. 2013. V. 38. № 1. P. 52–54.
17. *Lisá E., Valachová M.* Dispositional employability and self-regulation in antisocial and prosocial personalities: different contributions to employability. BMC psychology. 2023. V. 11. № 7.
18. *Lukić P., Živanović M.* Shedding light on the Light Triad: Further evidence on structural, construct, and predictive validity of the Light Triad. Personality and Individual Differences. 2021. V. 178. P. 110876.
19. *Paulhus D.L., Buckels E.E., Trapnell P.D., Jones D.N.* Screening for dark personalities. European Journal of Psychological Assessment. 2020. V. 37. № 3. P. 208–222.
20. *Pektaş S., Durmuş G.* Adaptation of the Light Triad Scale to Turkish: A validity and reliability study. Akdeniz Spor Bilimleri Dergisi. 2022. V. 5. № 3. P. 664–674.
21. *Penner L.A., Dovidio J.F., Piliavin J.A., Schroeder D.A.* Prosocial behavior: Multilevel perspectives. Annual Review of Psychology. 2005. V. 56. P. 365–392.
22. *Rönkkö M., Cho E.* An updated guideline for assessing discriminant validity. Organizational Research Methods. 2022. V. 25. № 1. P. 6–14.
23. *Samouqueiro J.F.L.* A Cara e a Coroa da Personalidade: Adaptação da Light Triad Scale Para a População Portuguesa: Thesis... Mestre na especialidade de Psicologia Social e das Organizações. Lisboa, 2020.
24. *Sevi B., Doğruyol B.* Looking from the bright side: The Light Triad predicts Tinder use for love. Journal of Social and Personal Relationships. 2020. V. 37. № 7. P. 2136–2144.
25. *Stavraki M., Artacho-Mata E., Bajo M., Díaz D.* The dark and light of human nature: Spanish adaptation of the Light Triad Scale and its relationship with psychological well-being. Current Psychology. 2022. P. 1–10.
26. *Tekeş B., Bıçaksız P.* Aydınlik üçlü (Light Triad) ölçeğinin psikometrik özelliklerinin değerlendirilmesi. AYNA Klinik Psikoloji Dergisi. 2021. V. 8. № 3. P. 535–556.
27. *Ucar G.K., Malatyahı M.K., Planalı G.Ö., Kanik B.* Personality and pro-environmental engagements: The role of the Dark Triad, the Light Triad, and value orientations. Personality and Individual Differences. 2023. V. 203. № 112036.

УДК 159.9

БАРЬЕРЫ ПРИ ДОСТИЖЕНИИ ЦЕЛЕЙ: ОСОБЕННОСТИ ВЗАИМОСВЯЗИ ШКАЛ GRIT И НЕЙРОТИЗМА¹

© 2023 г. Т. А. Чиркина^{1,2,*}, М. А. Чурикова^{1,3,**}, А. Ю. Кучина^{1,***}

¹АНО «Университет Национальной технологической инициативы 2035»;

121205, г. Москва, терр. Инновационного центра «Сколково», ул. Нобеля, д. 1, Россия.

²ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»;

101000, г. Москва, ул. Мясницкая, д. 20, Россия.

³Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова;

125009, г. Москва, ул. Моховая, д. 11, стр. 9. Россия.

* Психометрик сервиса Диагностики и социологических исследований, АНО «Университет Национальной технологической инициативы 2035», Научный сотрудник НИУ «Высшая школа экономики».

E-mail: chirkinata@gmail.com

** Руководитель сервиса Диагностики и социологических исследований, АНО «Университет Национальной технологической инициативы 2035», Учебный мастер Биологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова.

E-mail: m.a.churikova@gmail.com

*** Психометрик-аналитик сервиса Диагностики и социологических исследований/

E-mail: a.kuchina@2035.university

Поступила 22.12.2022

Аннотация. Результаты исследований шкалы Грит (настойчивость и упорство при достижении долгосрочных целей) показывают ее значимую связь с показателями успеваемости, карьерным успехом. Однако в ситуации слабой эмоциональной устойчивости эти характеристики могут ухудшаться. В работе исследуются особенности связи между конструктами Грит и Нейротизм (общая склонность к негативным эмоциональным реакциям). С помощью линейной регрессии анализируются данные опроса пользователей платформы «Университет НТИ 2035» (391 респондент). На общей выборке отличительной особенностью можно назвать следующие паттерны связи: высокие показатели по шкалам Депрессивность и Ранимость являются значимыми барьерами, уменьшающими настойчивость при достижении целей независимо от пола. При изучении взаимосвязей отдельно для мужчин и женщин мы обнаружили, что Тревожность может быть существенным препятствием для мужчин, тогда как для женщин этот показатель незначим.

Ключевые слова: Грит, Нейротизм, достижение долгосрочных целей, эмоциональная стабильность, гендерные различия.

DOI: 10.31857/S020595920027726-4

Работники в трудовой деятельности, учащиеся в школе и университете сталкиваются с различными задачами, решение которых требует большого количества времени и погружения в детали. В результате настойчивость и приверженность интересам являются важнейшими характеристиками для успешности в XXI веке [11]. Такие характеристики относятся к некогнитивным, и, в отличие от традиционных когнитивных черт, они могут меняться на протяжении всей жизни, а их стимулирование

представляется более осуществимым [17]. Самым популярным инструментом для измерения настойчивости при достижении долгосрочных целей является шкала Грит (Grit), которая включает в себя такие характеристики, как упорство и постоянство интереса [1; 9; 31]. Исследования во всем мире показывают, что Грит положительно связан с высокой успеваемостью, благополучием и достижением целей в разных сферах, таких как, например, учеба, спорт, рабочая деятельность [1; 31]. Изучение природы взаимосвязей между настойчивостью и личностными чертами позволит помочь педагогам и руководителям эффективно взаимодействовать

¹ Исследование осуществлено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ

с учащимися и подчиненными, создавать атмосферу и условия деятельности, в которых будут проявляться высокие показатели настойчивости [7]. Одной из таких личностных черт является показатель эмоциональной устойчивости.

Эмоциональная устойчивость, или Нейротизм, представляет собой комплексный конструкт, состоящий из 6 субшкал: Тревожность, Вспыльчивость, Депрессивность, Робость, Несдержанность, Ранимость, и является частью модели Большой пятерки. Показатели эмоциональной устойчивости также связаны с продуктивностью в разной деятельности. Например, при высоком стрессе и тревожности людям сложно успешно выполнять задачи и преследовать долгосрочные цели [21; 26]. И наоборот, при формировании условий, в которых дети не испытывают тревожность в классе и работники на предприятиях испытывают положительный климат, снижаются показатели Нейротизма [27; 35]. Кроме того, отличительной особенностью Нейротизма являются значимые различия в показателях у мужчин и женщин. Последние чаще имеют более высокие показатели, соответственно изучение природы связей Нейротизма с различными факторами будет более точным при учете этого факта [14; 22].

Таким образом, изучение связи отдельных субшкал Нейротизма с Грит позволит более точно определять эмоциональные барьеры, и, как следствие, в дальнейшем позволит развивать способы их преодоления. До настоящего момента в исследованиях настойчивости авторы в основном были сфокусированы на изучении связей между шкалой Грит и несколькими факторами Большой пятерки личностных черт [26]. Прицельных исследований предсказания Грит субшкалами отдельных факторов Большой пятерки не проводилось. Более того, в российском контексте до этого времени исследования проводились только на выборке учащихся общеобразовательных организаций, хотя оригинальная версия опросника предполагает измерение настойчивости и у взрослых респондентов [9].

В данной работе мы изучим, как показатели эмоциональной устойчивости связаны с настойчивостью при достижении долгосрочных целей. Используя данные опроса взрослого населения с образовательной онлайн платформы “Университет Национальной Технологической Инициативы 2035”, с помощью регрессионного анализа мы рассмотрим особенности взаимодействия шкалы Грит с шестью субшкалами: Тревожность, Вспыльчивость, Депрессивность, Робость, Несдержанность, Ранимость. Кроме того, мы рассмотрим, как

эффекты различаются в зависимости от пола респондента.

Начнем со знакомства со шкалой Грит, после этого обсудим особенности шкалы эмоциональной устойчивости. Затем перейдем к анализу и обсуждению результатов. В заключении обсудим содержательные выводы и рекомендации.

ШКАЛА ГРИТ

В 2007 году был разработан инструмент, который стал популярной метрикой в исследованиях образования, спорта и многих других сфер, в которых необходимо добиваться результата. Авторы назвали его Грит (англ. “Grit”), и целью этого инструмента обозначили измерение настойчивости и упорства при достижении долгосрочных целей [9]. Настойчивость предполагает упорную работу над решением задач, поддержание усилий и интереса на протяжении многих лет, несмотря на неудачи и невзгоды. Настойчивый человек подходит к достижению цели как к марафону: в то время как разочарование или скука побуждают других изменить траекторию и цели, упорный человек остается на своем пути.

Гипотеза авторов Грит о том, что настойчивость необходима для высоких достижений, возникла во время интервью с профессионалами в совершенно разных областях: инвестиционного банкинга, живописи, журналистики, научных кругов, медицины и права. На вопрос, какое качество отличает успешных профессионалов в своих областях, эти люди так же часто, как и талант, называли упорство или близкие по смыслу синонимы [9].

Первая версия шкалы состоит из двух субшкал: “Постоянство интересов” и “Настойчивость усилий”, которые отражают общий показатель по Грит как среднее по 12 суждениям. В ходе проведенного исследования валидности данного инструмента с помощью опроса 1545 респондентов возраста 25 лет и старше шкала Грит продемонстрировала высокую внутреннюю согласованность ($\alpha = .85$) для общей шкалы и для каждого фактора [Постоянство интересов: $\alpha = 0.84$, Настойчивость усилий: $\alpha = 0.78$] [9].

Позднее Дакворт и соавторы разработали краткую версию шкалы Грит-С (Grit-S). Краткая версия сохраняет двухфакторную структуру исходной шкалы Грит, но включает меньшее (на 4) количество суждений, чем полная версия [10]. Итоговый балл также считается как общий средний балл по всем 8 суждениям. В ходе исследований было показано, что высокие показатели Грит-С предсказывают

более высокий уровень образования и низкую частоту смены работы. Среди подростков шкала Грит-С связана со средним баллом успеваемости в школе, а также с вероятностью завершения курса. Таким образом, авторы показали, что краткая версия может успешно применяться как среди взрослых, так и среди подростков и студентов.

Версии Грит были переведены на многие языки и апробированы. В Китае Ли и соавторы в 2018 году продемонстрировали валидность краткой версии, Грит-С среди старшеклассников [20]. Такехаши с соавторами отметили, что японская адаптация полной шкалы Грит является надежным инструментом для измерения настойчивости при достижении долгосрочных целей, а также показали связи Грит с индикаторами жизненного успеха [41]. Сонг и Лим в 2020 году перевели шкалу Грит на корейский язык и подтвердили приемлемую валидность этой версии на студентах, обучающихся на медсестер [37].

Также шкала Грит была переведена и адаптирована на индонезийский [30], польский [46], немецкий [32], португальский [13], мексиканский [24], арабский [2] и многие другие языки.

Исследования Грит в России относительно малочисленны. Тюменева Ю. и соавторы адаптировали и проанализировали валидность шкалы Грит на российской выборке подростков-старшеклассников [42]. Авторы также выделили две субшкалы Грит, отражающие связанные, но независимые конструкты: постоянство интересов и настойчивость (или упорство усилий). Обе субшкалы одномерны и обладают удовлетворительными психометрическими свойствами [43]. Кратко можно обозначить содержание этих субшкал следующим образом:

— Настойчивости или упорство усилий — это способность продолжать работать над достижением своей цели, несмотря на неудачи. Субшкала характеризует стремление человека прикладывать усилия и достигать поставленных целей. Люди с высокими показателями продолжают добиваться цели, даже если встречаются серьезные трудности на своем пути.

— Постоянство интересов описывается как способность поддерживать одну и ту же цель в течение длительных периодов времени. Другими словами, она характеризует стабильность поставленных целей. Люди, которые имеют высокие показатели по данной субшкале, могут демонстрировать приверженность своим интересам и целям в течение многих лет.

Таким образом, шкала Грит, предназначенная для измерения настойчивости, предсказывает успех во многих важных жизненных сферах. Как результат, шкала представляется привлекательным инструментом, что привело к большой популярности шкалы в различных странах и ее адаптации на многие языки.

ШКАЛА НЕЙРОТИЗМ

Шкала Нейротизм была разработана как один из факторов модели “Большая пятерка личностных черт” [25], однако в исследованиях ее также изучают как отдельный независимый конструкт. В данной работе используется версия опросника Большой Пятерки (IPIP-NEO-120), разработанная Дж.А. Джонсоном [16]. На русский язык она была адаптирована в 2018 году Осиным Е.Н. [2]. Все шкалы опросника демонстрируют достаточно высокую надежность для индивидуальных интерпретаций, а также имеются доказательства валидности данной адаптированной версии. В данной работе для измерения Нейротизма мы воспользуемся частью этой адаптированной версии².

С содержательной точки зрения Нейротизм описывает общую склонность к негативным эмоциональным реакциям при столкновении с трудностями в противовес эмоциональной стабильности [38]. Люди с высоким уровнем по данной шкале эмоционально реактивны: они интенсивно реагируют на события, которые не затронут большинство людей. Они более склонны интерпретировать обычные ситуации как угрожающие, а мелкие проблемы — как безнадежные трудности. Их негативные эмоциональные реакции сохраняются в течение более долгого времени, и они чаще других людей находятся в плохом настроении. На другом конце шкалы люди с низкими показателями нейротизма: они, как правило, спокойны, эмоционально стабильны и свободны от стойких негативных чувств.

Данная шкала состоит из шести субшкал, каждая из которых измеряется четырьмя утверждениями. Кратко можно обозначить содержание этих субшкал следующим образом:

— Тревожность — ожидание того, что произойдет худшее из возможных событий, сопровождается напряженностью. Люди с высоким уровнем тревожности могут бояться определенных ситуаций

² Адаптированная версия диагностики является коммерческой тайной АНО “Университет Национальной технологической инициативы 2035”, отдельные характеристики диагностики доступны по запросу.

или вообще быть более чувствительными к потенциальным угрозам. Они чаще чувствуют себя напряженными и нервными. Люди с низким уровнем тревожности обычно спокойны и бесстрашны, однако им может быть сложнее заметить потенциальные опасности.

— Вспыльчивость — резкое чувство недовольства в случае проявления раздражителей, чувствительность к несправедливому обращению. Люди с высокими показателями вспыльчивости испытывают ярость, когда что-то идет не так, и чувствуют обиду и горечь, когда с ними обходятся несправедливо. Люди с низкими показателями не склонны злиться часто и легко.

— Депрессивность — склонность испытывать грусть и тоску. Людям с высокими показателями депрессивности не хватает энергии, им сложно инициировать действия, неудачи легко выбивают их из колеи. Люди с низкими показателями депрессивности обычно свободны от этих депрессивных чувств.

— Робость — высокая чувствительность к критике, мнению других людей. Люди с высоким уровнем робости чувствительны к тому, что о них думают другие, их беспокоит возможность критики, отвержения или насмешек. Их легко смутить, они чаще испытывают стыд или неловкость. У людей с низкими показателями робости не возникает ошибочного впечатления, будто все смотрят и осуждают их; они не нервничают в социальных ситуациях.

— Несдержанность — склонность поддаваться спонтанным желаниям и удовольствиям. Людям с высоким уровнем несдержанности сложно сопротивляться своим желаниям. Они, как правило, ориентированы на сиюминутные удовольствия и краткосрочные вознаграждения, а не на долгосрочные последствия. Люди с низкими показателями достаточно легко справляются со своими желаниями.

— Ранимость — склонность испытывать замешательство и беспомощность в стрессовых ситуациях. Люди с высокими показателями ранимости испытывают панику, замешательство и беспомощность, когда находятся под давлением или в условиях стресса. Люди с низкими показателями чувствуют себя уравновешенными, уверенными и спокойными в стрессовых ситуациях. [16]

БАРЬЕРЫ ПРИ ДОСТИЖЕНИИ ЦЕЛЕЙ

В то время как шкала Грит демонстрирует положительную связь с субъективным благополучием и удовлетворенностью жизнью [34], высокими

образовательными результатами [5; 39; 40], высоким уровнем саморегуляции [3; 45] и характеристиками успешности на работе, в учебе или в личной жизни [12], Нейротизм демонстрирует отрицательную связь со многими из этих показателей. Например, исследования показали, что Нейротизм отрицательно связан с субъективным благополучием, академической успеваемостью и позитивными эмоциями [6; 18; 28]. Кроме того, из всех черт Большой пятерки именно Нейротизм является наиболее сильным предиктором негативных жизненных событий [36; 44]. К примеру, люди с высоким уровнем Нейротизма хуже справляются с трудностями и стрессовыми ситуациями [33], чаще сталкиваются с эмоциональным выгоранием [4; 15], с трудом поддерживают хорошие отношения с окружающими [19; 23].

Кроме того, значения Нейротизма разнятся в зависимости от пола респондента. Исследования показывают, что женщины имеют более высокие средние баллы по показателям Нейротизма [8; 14; 22]. Например, масштабное исследование личностных черт мужчин и женщин, охватившее 37 стран, в том числе Россию, показало, что для всех 37 стран сохраняется тенденция к более высоким средним баллам у женщин в сравнении с выборкой мужчин [14]. Соответственно, при изучении Нейротизма необходимо учитывать разницу между мужчинами и женщинами. В противном случае эффекты индикаторов Нейротизма могут быть переоценены или наоборот недооценены из-за смещения по гендерному признаку.

Таким образом, несмотря на то что высокие показатели по субшкалам, измеряющим Нейротизм, препятствуют достижению целей, организация взаимодействия и установленные социальные нормы в коллективе могут изменять уровень эмоционального самочувствия людей. Например, создавая дружескую и поддерживающую атмосферу, можно уменьшить тревожность и ранимость у сотрудников [29]. В целом, изучив наиболее сильные предикторы Грит, можно определить ключевые барьеры для проявления настойчивости, и, следовательно, регулировать их.

МЕТОДИКА

Зависимая переменная. В качестве зависимой переменной в работе мы используем адаптированную на русский язык сокращенную версию опросника Грит [43], которая состоит из 10 суждений, степень согласия с которыми респонденты выражали по 5-балльной шкале Ликерта от “Полностью не согласен(-на)”, до “Полностью согласен(-на)”.

Среднее значение по 10 суждениям составляет итоговый балл по шкале для каждого респондента [9]. В приложении 1 представлена таблица с суждениями и распределением ответов респондентов.

Независимые переменные. Шкала Нейротизм состоит из 6 субшкал, каждая из которых, в свою очередь, состоит из 4 суждений. Респонденты оценивали, насколько суждения описывают их типичное поведение по 5-балльной шкале, где 1 — это “Со всем не похоже на меня”, 5 — “Очень похоже на меня”. Сумма баллов по суждениям каждой субшкалы составляет итоговое значение для каждого респондента [16].

Контрольные переменные. Кроме того, в анализе используется ряд контрольных переменных. В частности, в Моделях учитывался возраст респондента (количество полных лет), пол (0 — женский, 1 — мужской), а также размер населенного пункта (0 — села и малые города, 1 — города-миллионники).

Выборка. Выборка состояла из пользователей онлайн-платформы “Университет Национальной Технологической Инициативы 2035”, итоговое количество опрошенных — 391 человек. Исследование было добровольным, респонденты отвечали на суждения по шкалам Грит и Нейротизма, а также заполняли анкетные данные о социально-демографических характеристиках (табл. 1). Опрос проходил в 2022 году.

Стратегия анализа. В качестве метода анализа используется линейная регрессия, где зависимая переменная — результаты по шкале Грит. Независимые переменные добавлялись в модель в несколько этапов. Для начала последовательно добавлялись субшкалы Нейротизма, благодаря этому мы оценивали их эффекты без учета остальных переменных. После этого в модель были добавлены одновременно все субшкалы и контрольные переменные — характеристики респондентов (табл. 2). Кроме того, для корректной оценки и понимания взаимосвязей Нейротизма и Грит дополнительно был проведен анализ отдельно на выборках мужчин и женщин.

Таблица 1. Описательная статистика используемых переменных

	Среднее	Стд. откл	Минимум	Максимум	Надежность альфа-Кронбаха
Грит	3.75	0.54	1.40	4.90	0.77
Тревожность	2.42	0.92	1.00	5.00	0.83
Вспыльчивость	2.50	0.88	1.00	5.00	0.76
Депрессивность	2.26	0.94	1.00	5.00	0.86
Робость	2.68	0.93	1.00	5.00	0.79
Несдержанность	2.75	0.51	1.25	4.75	0.74
Ранимость	2.14	0.79	1.00	4.50	0.8
Возраст	24.99	8.67	16	64	

РЕЗУЛЬТАТЫ

Описательная статистика. Начнем с изучения данных респондентов по контрольным переменным. Выборка состоит из 223 женщин и 168 мужчин. Распределение представлено на рис. 1. Говоря о возрасте ответивших, можно заметить, что среднее значение составляет 25 лет. При этом самому молодому респонденту — 16 лет, самому старшему — 64 года. Кроме того, большинство респондентов (231 человек) ответили, что проживают в селах или небольших городах, тогда как 160 респондентов живут в городах-миллионниках. На рис. 2 представлено распределение ответивших по населенному пункту.

В табл. 1 представлена описательная статистика, а также показатели надежности по субшкалам Нейротизма и Грит. В среднем показатель Грит респондентов равен 3,75 (по 5-балльной шкале). При этом средние показатели Нейротизма значительно ниже показателя Грит. Самым низким является среднее значение субшкалы Ранимость.

Рассчитанные показатели альфа-Кронбаха имеют приемлемые значения, что говорит о высокой надежности используемых инструментов для данной выборки испытуемых.

Регрессионный анализ. В табл. 2 и 3 представлены результаты регрессионного анализа. В моделях с 1 по 6 субшкалы Нейротизма пошагово добавлялись в Модель без учета других показателей. В модели 7 все шкалы добавлены одновременно, а также были учтены контрольные переменные — социально-экономические характеристики респондента.

Коэффициенты при переменных, относящихся к субшкалам Нейротизма, оказались статистически значимо связаны с Грит во всех случаях (см. табл. 2). Отрицательные значения свидетельствуют об обратной связи. В частности, с увеличением чувства тревожности и депрессивности достижение долгосрочных целей становится более затруднительным. Кроме того, у респондентов с более высокой вспыльчивостью, несдержанностью более

Таблица 2. Результаты линейного регрессионного анализа на общей выборке

Модель	1	2	3	4	5	6	7
Коэф. регрессии	В	В	В	В	В	В	В
(Constant)	4.267 (0.071)	4.222 (0.078)	4.397 (0.061)	4.373 (0.079)	4.844 (0.1440)	4.515 (0.07)	5.241 (0.138)
Тревожность	-0,213*** (0.027)						0,076** (0.038)
Вспыльчивость		-0,189*** (0.029)					-0,068*** (0.030)
Депрессивность			-0,285*** (0.025)				-0,164*** (0.034)
Робость				-0,23*** (0.028)			-0,050 (0.030)
Несдержанность					-0,396*** (0.052)		-0,174*** (0.049)
Ранимость						-0,355*** (0.031)	-0,209*** (0.045)
Города-миллионники							-0,023 (0.047)
Мужчины							-0,152*** (0.049)
Возраст							0.000 (0.000)
R^2	0.133	0.096	0.251	0.153	0.136	0.264	0.386
Количество респондентов	391	391	391	376	376	376	376

Стандартная ошибка коэффициентов указана в скобках.

*** $p < 0.01$, ** $p < 0.05$, * $p < 0.1$.

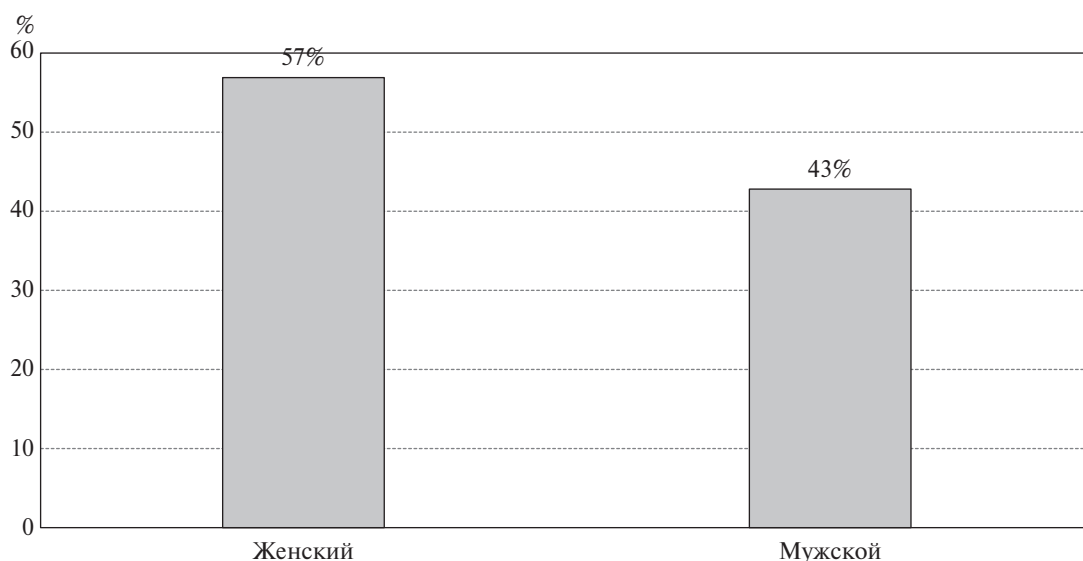

Рис. 1. Распределение респондентов по гендеру

низкие показатели Грит, так же как у более ранимых и робких респондентов.

При добавлении в модель контрольных переменных статистически незначимым оказался только коэффициент при переменной Робость (модель 7), тогда как остальные компоненты Нейротизма остались значимо связаны с Грит. Следовательно, субшкалы Тревожность, Вспыльчивость,

Депрессивность, Несдержанность и Ранимость отрицательно связаны с настойчивостью и упорством при достижении долгосрочных целей даже при контроле социально-демографических характеристик респондентов.

В дополнение к этому, коэффициенты при таких переменных, как возраст и размер населенного пункта, также оказались статически незначимыми.

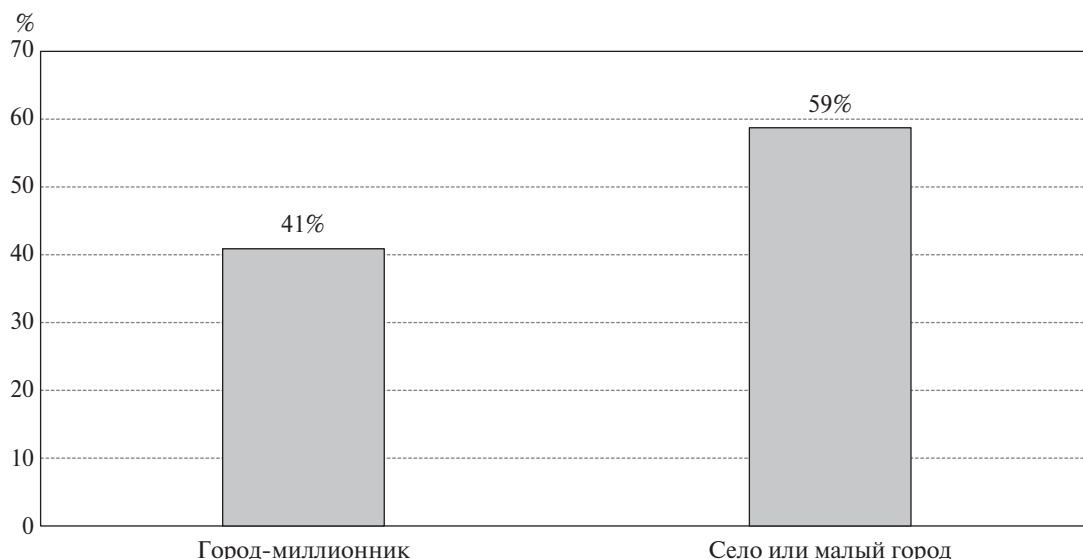

Рис. 2. Распределение респондентов по типу населенного пункта, в котором они проживают

Другими словами, представители малых и крупных городов, а также респонденты разных возрастов имеют примерно одинаковые показатели настойчивости при достижении долгосрочных целей. Однако значимым оказался коэффициент при переменной, обозначающей пол респондента: у мужчин настойчивость выражена в большей степени по сравнению с женщинами. В связи с этим рассмотрим подробно, как на отдельных выборках мужчин и женщин проявляется связь между показателями Нейротизма и Грит.

В табл. 3 представлены результаты анализа отдельно для мужчин и женщин. На этом этапе мы также добавляли субшкалы Нейротизма пошагово (модель 1–6), а затем вместе с учетом контрольных переменных.

В первых моделях (1–6) для мужчин и женщин паттерн сохраняется такой же, как и для полной выборки: коэффициенты при субшкалах статистически значимы и имеют отрицательный эффект на Грит. Иными словами, высокие показатели Нейротизма препятствуют следованию долгосрочным целям.

На этапе контроля переменных (модель 7) в женской выборке незначимыми оказались коэффициенты при переменных: Тревожность, Робость и Несдержанность. Тем не менее значение коэффициента при переменной Вспыльчивость крайне мало, что говорит о том, содержательно интерпретировать данную связь не следует. На выборке мужчин коэффициенты Робость, Несдержанность и Вспыльчивость также оказалась незначимо связаны с Грит.

Полученные показатели могут свидетельствовать о том, что Робость и Несдержанность не является

значимым препятствием при достижении долгосрочных целей. Результаты для полной выборки, где данные коэффициенты оказались значимы (табл. 3, модель 7), скорее говорит о том, что они разнятся в зависимости от пола, и, как результат, в общей Модели взаимодействуют с переменной Пола и оказываются значимыми. В то время как, при рассмотрении на подвыборках взаимодействие этих субшкал с переменной Пола нивелируется, и эффект их оказывается незначимым.

Кроме того, коэффициенты при переменных Депрессивность и Ранимость в моделях с контрольными переменными значимы для мужчин и женщин. Это означает, что высокая проявленность этих показатели может послужить существенным барьером при достижении долгосрочных целей независимо от пола.

В дополнение можно выделить особенности функционирования субшкал в зависимости от пола. Высокая Тревожность является существенным барьером для мужчин, однако для женщины этот параметр не существен.

ВЫВОДЫ

Исследования по всему миру показывают значимую связь Грит с показателями успеваемости, карьерным успехом и благополучием в жизни [5; 12]. Иными словами, люди с выраженной настойчивостью могут добиваться высоких результатов во всех сферах жизни. Тем не менее наличие эмоциональных барьеров может помешать этому. В частности, в ситуации слабой эмоциональной устойчивости эти характеристики могут ухудшаться [18; 28].

Таблица 3. Результаты линейного регрессионного анализа отдельно для мужчин и женщин

Модель	1	2	3	4	5	6	7
Козф. регрессии	B	B	B	B	B	B	B
<i>Женщины</i>							
(Constant)	4,36*** (0,094)	4,26*** (0,100)	4,42*** (0,081)	4,29*** (0,104)	4,69*** (0,185)	4,56*** (0,090)	5,58*** (0,429)
Тревожность	-0,22*** (0,034)						0,14 (0,101)
Вспыльчивость		-0,18*** (0,036)					-0,12* (0,072)
Депрессивность			-0,27*** (0,032)				-0,17** (0,083)
Робость				0,18*** (0,035)			-0,01 (0,072)
Несдержанность					-0,33*** (0,066)		-0,22 (0,143)
Ранимость						-0,35*** (0,038)	-0,29*** (0,104)
Города-миллионники							-0,01 (0,117)
Возраст							-0,01 (0,007)
R ²	0,161	0,104	0,245	0,109	0,103	0,276	0,416
<i>Мужчины</i>							
(Constant)	4,309*** (0,113)	4,233*** (0,123)	4,405*** (0,093)	4,532*** (0,122)	5,028*** (0,228)	4,534*** (0,108)	5,083*** (0,414)
Тревожность	-0,280*** (0,049)						0,242** (0,103)
Вспыльчивость		-0,223*** (0,049)					-0,029 (0,094)
Депрессивность			-0,323*** (0,040)				-0,161* (0,086)
Робость				-0,320*** (0,045)			-0,055 (0,075)
Несдержанность					-0,476*** (0,082)		-0,185 (0,134)
Ранимость						-0,415*** (0,051)	-0,471*** (0,119)
Города-миллионники							-0,006 (0,122)
Возраст							0,004 (0,005)
R ²	0,162	0,109	0,286	0,248	0,183	0,300	0,495

Стандартная ошибка коэффициентов указана в скобках.

*** $p < 0.01$, ** $p < 0.05$, * $p < 0.1$.

В настоящей работе мы изучили, в какой именно степени Нейротизм связан с Грит, и как эти паттерны связи разнятся в зависимости от пола.

Результаты показывают, что в целом, чем более выражены негативные реакции у респондентов на какие-либо события, тем в меньшей степени они склонны проявлять упорство и настойчивость при достижении долгосрочных целей. На общей выборке отличительной особенностью можно назвать следующие паттерны связи: высокие

показатели по шкалам Ранимость и Несдержанность являются наиболее сильными барьерами, уменьшающими настойчивость при достижении целей.

При изучении взаимосвязей отдельно для мужчин и женщин мы обнаружили некоторые особенности эффектов Нейротизма. С одной стороны, и для мужчин, и для женщин Депрессивность и Ранимость статистически значимы и имеют отрицательный эффект на Грит, то есть снижают

вероятность успеха для всех. Однако можно выделить отличие: в женской выборке незначимыми оказался коэффициент при переменной Тревожность, тогда как для мужчин он значим. Другими словами, именно для мужчин высокие значения по субшкале Тревожности являются ощутимым барьером при достижении долгосрочных целей.

Также мы обнаружили, что высокая Депрессивность и Ранимость являются существенными препятствиями при достижении целей независимо от пола: и для мужчин, и для женщин значения по этим шкалам отрицательно связаны с Грит. С другой стороны, высокие показатели по субшкалам Робость и Несдержанность, наоборот, не являются препятствием при достижении долгосрочных целей для обоих полов, однако сами по себе существенно отличаются у мужчин и женщин.

Принимая во внимание специфику связей шкал Нейротизма и Грит, руководителям коллективов, учителям и преподавателям, и другим заинтересованным лицам можно выстраивать взаимодействие таким образом, чтобы предотвращать проявление эмоциональных реакций, препятствующих достижению целей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ [REFERENCES]

1. *Abu Hasan H.E., Munawar K., Abdul Khaiyom J.H.* Psychometric properties of developed and transadapted grit measures across cultures: a systematic review // *Current Psychology*. 2020. P. 1–19.
2. *Areepattamannil S., Khine M.S.* Evaluating the psychometric properties of the original grit scale using Rasch analysis in an Arab adolescent sample // *Journal of Psychoeducational Assessment*. 2018. V. 36. № 8. P. 856–862.
3. *Arslan S., Akin A., Çitemel N.* The predictive role of grit on metacognition in Turkish university students // *Studia Psychologica*. 2013. V. 55. № 4. P. 311.
4. *Bianchi R.* Burnout is more strongly linked to neuroticism than to work-contextualized factors // *Psychiatry Research*. 2018. V. 270. P. 901–905.
5. *Bowman N.A., Hill P.L., Denson N., Bronkema R.* Keep on truckin' or stay the course? Exploring grit dimensions as differential predictors of educational achievement, satisfaction, and intentions // *Social Psychological and Personality Science*. 2015. V. 6. № 6. P. 639–645.
6. *Chamorro-Premuzic T., Furnham A.* Personality predicts academic performance: Evidence from two longitudinal university samples // *Journal of research in personality*. 2003. V. 37. № 4. P. 319–338.
7. *Christopoulou M. et al.* The role of grit in education: A systematic review // *Psychology*. 2018. V. 9. № 15. P. 2951–2971.
8. *Costa Jr.P.T., McCrae R.R.* Four ways five factors are basic // *Personality and individual differences*. 1992. V. 13. № 6. P. 653–665.
9. *Duckworth A.L., Peterson C., Matthews M.D., Kelly D.R.* Grit: perseverance and passion for long-term goals // *Journal of personality and social psychology*. 2007. V. 92. № 6. P. 1087.
10. *Duckworth A.L., Quinn P.D.* Development and validation of the Short Grit Scale (GRIT-S) // *Journal of personality assessment*. 2009. V. 91. № 2. P. 166–174.
11. *Duncan A.* Statement from US Secretary of Education Arne Duncan on results of NAEP Arts 2008 assessment // Washington, DC: US Department of Education. Retrieved November. 2009. V. 10. P. 2013.
12. *Eskreis-Winkler L., Shulman E.P., Beal S.A., Duckworth A.L.* The grit effect: Predicting retention in the military, the workplace, school and marriage // *Frontiers in psychology*. 2014. V. 5. P. 36.
13. *Frontini R. et al.* Adapting the Short Grit Scale with Exploratory Structural Equation Modeling for Portuguese College Students // *Perceptual and Motor Skills*. 2022. P. 00315125221107140.
14. *Furnham A., Buchanan T.* Personality, gender and self-perceived intelligence // *Personality and individual differences*. 2005. V. 39. № 3. P. 543–555.
15. *Goddard R., Patton W., Creed P.* The importance and place of neuroticism in predicting burnout in employment service case managers // *Journal of Applied Social Psychology*. 2004. V. 34. № 2. P. 282–296.
16. *Johnson J.A.* Measuring thirty facets of the Five Factor Model with a 120-item public domain inventory: Development of the IPIP-NEO-120 // *Journal of Research in Personality*. 2014. V. 51. P. 78–89.
17. *Kautz T., et al.* Fostering and measuring skills: Improving cognitive and non-cognitive skills to promote lifetime success. 2014.
18. *Laidra K., Pullmann H., Allik J.* Personality and intelligence as predictors of academic achievement: A cross-sectional study from elementary to secondary school // *Personality and individual differences*. 2007. V. 42. № 3. P. 441–451.
19. *Lang F.R., Staudinger U.M., Carstensen L.L.* Perspectives on socioemotional selectivity in late life: How personality and social context do (and do not) make a difference // *The Journals of Gerontology Series B: Psychological Sciences and Social Sciences*. 1998. V. 53. № 1. P. 21–30.
20. *Li J., et al.* Psychometric assessment of the short grit scale among Chinese adolescents // *Journal of Psychoeducational Assessment*. 2018. V. 36. № 3. P. 291–296.
21. *Lin C.L.S., Chang C.Y.* Personality and family context in explaining grit of Taiwanese high school

- students // Eurasia Journal of Mathematics, Science and Technology Education. 2017. V. 13. № 6. P. 2197–2213.
22. *Lynn R., Martin T.* Gender differences in extraversion, neuroticism, and psychoticism in 37 nations // The Journal of social psychology. 1997. V. 137. № 3. P. 369–373.
23. *Malouff J.M., et al.* The five-factor model of personality and relationship satisfaction of intimate partners: A meta-analysis // Journal of Research in Personality. 2010. V. 44. № 1. P. 124–127.
24. *Marentes-Castillo M., Zamarripa J., Castillo I.* Validation of the grit Scale and the Treatment Self-Regulation Questionnaire (TSRQ) in the Mexican context // Revista Latinoamericana de Psicología. 2019. V. 51. № 1. P. 9–18.
25. *McCrae R.R., Costa Jr.P.T., Martin T.A.* The NEO-PI-3: A more readable revised NEO personality inventory // Journal of personality assessment. 2005. V. 84. № 3. P. 261–270.
26. *Moen F., Olsen M.* Grit: A unique protective factor of coaches well-being and burnout? // New Ideas in Psychology. 2020. V. 59. P. 100794.
27. *Nasurdin A.M., Ramayah T., Kumaresan S.* Organizational stressors and job stress among managers: The moderating role of neuroticism // Singapore Management Review. 2005. V. 27. № 2. P. 63–79.
28. *Ng W.* Clarifying the relation between neuroticism and positive emotions // Personality and Individual Differences. 2009. V. 47. № 1. P. 69–72.
29. *Plaisier I. et al.* The contribution of working conditions and social support to the onset of depressive and anxiety disorders among male and female employees // Social science & medicine. 2007. V. 64. № 2. P. 401–410.
30. *Priyohadi N.D., Suhariadi F., Fajrianthi F.* Validity Test for Short Grit Scale (Grit-S) Duckworth on Indonesian Millennials // Journal of Educational, Health and Community Psychology. 2019. V. 8. № 3. P. 375.
31. *Schimschal S.E. et al.* Grit: A concept analysis // Issues in Mental Health Nursing. 2021. V. 42. № 5. P. 495–505.
32. *Schmidt F.T., et al.* Measuring grit: a German validation and a domain-specific approach to grit // European Journal of Psychological Assessment. 2019. V. 35. № 3. P. 436.
33. *Schneider T.R.* The role of neuroticism on psychological and physiological stress responses // Journal of Experimental Social Psychology. 2004. V. 40. № 6. P. 795–804.
34. *Singh K., Jha S.D.* Positive and negative affect, and grit as predictors of happiness and life satisfaction // Journal of the Indian Academy of Applied Psychology. 2008. V. 34. № 2. P. 40–45.
35. *Smillie L.D., Yeo G.B., Furnham A.F., Jackson C.J.* Benefits of all work and no play: The relationship between neuroticism and performance as a function of resource allocation // Journal of Applied Psychology. 2006. V. 91. № 1. P. 139.
36. *Sobol-Kwapinska M.* Calm down — It's only neuroticism. Time perspectives as moderators and mediators of the relationship between neuroticism and well-being // Personality and Individual Differences. 2016. V. 94. P. 64–71.
37. *Song H.S., Lim S.H.* Validity and reliability of Korean version of the Grit Scale for Korean nursing students // The Journal of Korean Academic Society of Nursing Education. 2020. V. 26. № 3. P. 322–331.
38. *Soto C.J., John O.P., Gosling S.D., Potter J.* The developmental psychometrics of big five self-reports: acquiescence, factor structure, coherence, and differentiation from ages 10 to 20 // Journal of personality and social psychology. 2008. V. 94. № 4. P. 718.
39. *Strayhorn T.L.* What role does grit play in the academic success of black male collegians at predominantly white institutions? // Journal of African American Studies. 2014. V. 18. № 1. P. 1–10.
40. *Sunbul Z.A.* How grit mediates the relations between personality and GPA in university students? // Kibrisli Eğitim Bilimleri Dergisi. 2019. V. 14. № 2. P. 257–265.
41. *Takehashi H., et al.* Reliability and validity of the Japanese version of the Grit Scale // Japanese Journal of Psychology. 2018.
42. *Tyumeneva Y. et al.* IRT analysis and validation of the Grit Scale: A Russian investigation // National Research University of Higher School Higher School. 2014. V. 24. P. 33.
43. *Tyumeneva Y., Kardanova E., Kuzmina J.* Grit: Two related but independent constructs instead of one. Evidence from item response theory // European Journal of Psychological Assessment. 2019. V. 35. № 4. P. 469.
44. *Widiger T.A.* Neuroticism. 2009.
45. *Wolters C.A., Hussain M.* Investigating grit and its relations with college students' self-regulated learning and academic achievement // Metacognition and Learning. 2015. V. 10. № 3. P. 293–311.
46. *Wyszyńska P., et al.* Psychometric properties of the Polish version of the short grit scale // Polish Psychological Bulletin. 2017. № 2.

ПРИЛОЖЕНИЕ 1

Таблица 1. Распределение ответов респондентов на суждения шкалы Грит (количество чел и процент).

	Полностью не согласен	Скорее не согласен	Нечто среднее	Скорее согласен	Полностью согласен
Как правило, я старательно выполняю все, чем мне приходится заниматься	4 (1%)	10 (3%)	44 (11%)	169 (43%)	162 (42%)
Я могу без иронии назвать себя “тружеником”	9 (2%)	47 (12%)	96 (24%)	131 (34%)	106 (27%)
Новые идеи и новые проекты иногда уводят меня в сторону от прежних	22 (6%)	82 (22%)	154 (39%)	99 (25%)	32 (8%)
Я добивался(ась) целей, ради которых работал(а) много месяцев	3 (1%)	15 (4%)	55 (14%)	156 (40%)	160 (41%)
Каждые несколько месяцев я начинаю интересоваться какими-то новыми делами	8 (2%)	67 (17%)	111 (28%)	132 (34%)	71 (19%)
Обычно я продолжал(а) решать стоящую задачу после неудачных попыток	2 (1%)	23 (6%)	61 (16%)	184 (47%)	119 (31%)
Как правило, обо мне отзываются как о целеустремленном человеке	7 (2%)	16 (4%)	74 (19%)	162 (41%)	130 (34%)
Я заканчиваю все, что начинаю	12 (3%)	38 (10%)	101 (26%)	155 (40%)	83 (22%)
У меня есть увлечения (хобби, занятие), которыми я занимаюсь годами	11 (3%)	39 (10%)	45 (11%)	104 (27%)	190 (49%)
В работе я упорен (упорна)	6 (2%)	10 (3%)	48 (12%)	163 (42%)	162 (42%)

BARRIERS TO ACHIEVING GOALS: FEATURES OF THE RELATIONSHIP BETWEEN GRIT AND NEUROTICISM SCALES³T. A. Chirkina^{1,2,*}, M. A. Churikova^{1,3,**}, A. Yu. Kuchina^{1,***}¹ANO “University of the National Technology Initiative 2035”;
121205, Moscow, ter. Innovation Center “Skolkovo”, st. Nobelya, 1, Russia.²National Research University “Higher School of Economics”;
101000, Moscow, st. Myasnitskaya, 20, Russia.³Lomonosov Moscow State University;
125009, Moscow, st. Mokhovaya, 11/9. Russia.*Psychometrician of the Diagnostics and Sociological Research Service, ANO “University of the National Technological Initiative 2035”, Researcher at the National Research University “Higher School of Economics”.
E-mail: t.chirkina@2035.university tchirkina@hse.ru**Head of the Diagnostics and Sociological Research Service, ANO “University of the National Technological Initiative 2035”, Educational Master of the Biological Faculty of Moscow State University. M.V. Lomonosov.
E-mail: m.churikova@2035.university m.a.churikova@gmail.com***Psychometrician-analyst at the Diagnostics and Sociological Research service/
E-mail: a.kuchina@2035.university

Received 22.12.2022

Abstract. The results of studies of the Grit scale (perseverance and perseverance in achieving long-term goals) show its significant relationship with academic performance and career success. However, emotional³ The research was carried out within the framework of the Basic Research Program of the National Research University Higher School of Economics

instability can reduce the chances of achieving these goals. The paper examines the features of the correlation between the Grit scale and the Neuroticism scale (a general tendency to negative emotional reactions). Using linear regression, we analyze data from the survey of the NTI University 2035 platform users (391 respondents). The data from the whole sample reveals the following patterns: high indicators on the Depressiveness and Vulnerability scales are negatively effect Grit and, hence, reduce perseverance in achieving goals regardless of gender. When studying the relationships separately for men and women, we found that Anxiety can be a significant obstacle for men, whereas for women, this indicator is insignificant.

Keywords: Grit, Neuroticism, achievement of long-term goals, emotional stability, gender differences.

УДК 159.9

ИСТОРИЯ ПСИХОЛОГИИ КАК СФЕРА ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ ИНТЕРЕСОВ А.Л. ЖУРАВЛЕВА (К 75-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ). ЧАСТЬ I. НАУКОМЕТРИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПУБЛИКАЦИЙ

© 2023 г. Ю. Н. Олейник

*АНО ВО “Московский гуманитарный университет”;
111395, г. Москва, ул. Юности, 5, Россия.*

*Кандидат психологических наук, заведующий кафедрой общей,
социальной психологии и истории психологии.*

E-mail: yurii03@mail.ru

Поступила 07.08.2023

Аннотация. В статье дан анализ творчества академика РАН А.Л. Журавлева в области истории психологии на основе его публикационной активности. Рассмотрены наукометрические и библиометрические показатели публикаций ученого, которые представлены в eLibrary и РИНЦ. Показан значительный профессиональный интерес ученого к историко-психологической тематике в структуре его научных интересов в целом. Обоснована несколько более высокая востребованность научным сообществом в настоящее время работ ученого по истории психологии, чем по направлениям психологической науки, с которыми чаще всего ассоциируется научное творчество А.Л. Журавлева. На основе изучения историко-психологических публикаций ученого показано, что именно с 2016 г. происходит существенный прирост публикаций историко-психологической направленности. Отмечен высокий публикационный статус этих публикаций и их междисциплинарная востребованность. Выявлены самые цитируемые работы исследователя по истории психологии. Показана заинтересованность в историко-психологических публикациях А.Л. Журавлева исследователей не только в столичных, но и в региональных образовательных центрах и научных организациях. Обозначена своеобразная черта стиля научной работы ученого — ориентация на групповой, а не индивидуалистический формат научного творчества. Предложена наукометрическая методика поэтапного анализа научных интересов и вклада ученого в разработку истории психологии. В ее рамках обоснован и рассчитан коэффициент концентрации цитирований ученого по журналам, показана конструктивность выделения двух категории публикаций — характеризующих внешнюю профессиональную идентификацию (со стороны сообщества) ученого и внутреннюю (самоидентификацию).

Ключевые слова: история психологии, психология, А.Л. Журавлев, наукометрия, публикация, профессиональная идентификация, публикационная активность, историко-психологическая направленность.

DOI: 10.31857/S020595920027727-5

ВВЕДЕНИЕ

В современной психологии в последнее время достаточно актуальным стал вопрос о профессиональной идентификации специалиста и, как следствие, — связи этой идентификации с уровнем его профессионального мастерства. В качестве примера приведем достаточно острую полемику в психологическом сообществе, возникшую в процессе обсуждения законопроекта “О психологической помощи” и которая была широко представлена на страницах “Психологической газеты” [28]. Суть дискуссии была связана в основном с решением

вопроса — каким критериям должен соответствовать психолог, чтобы получать право на практическую, в первую очередь консультационную и психотерапевтическую, деятельность. Вопрос о профессиональной идентификации оказывается важным и в некоторых других ситуациях, например, при вступлении в те или иные научно-профессиональные объединения или при сертификации деятельности.

Вместе с тем, отметим, что проблема идентификации имеет не только практическое измерение (например, кого можно допускать до проведения психоконсультационной работы), но и важное

теоретическое значение. В частности, остается не до конца проясненным ряд вопросов: факторы, влияющие на идентификацию профессиональным сообществом специализации исследователя; причины и показатели несовпадения индивидуальной и групповой профессиональной идентификации ученого; динамический аспект процессов идентификации и др. Вероятно, это связано с тем, что чаще всего профессиональная идентификация осуществляется по формальным основаниям и соотносится с наличием дипломов о базовом или дополнительном образовании, свидетельств о переподготовке или наличием научных степеней и званий по соответствующей номенклатуре специализаций. Однако такая идентификация, объективная в своей основе, не всегда является адекватной реальному положению дел в силу разных причин. Поэтому следует иметь в виду, что есть *формальная профессиональная идентификация*, которая действительно фиксируется документально — дипломы о высшем образовании, научные степени и звания и т.д. и *неформальная* как со стороны самого исследователя (внутренняя или самоидентификация), так и со стороны научного сообщества (внешняя). И если вопрос о профессиональной идентификации в пространстве научных областей решается без особых проблем, то внутри этих областей ситуация оказывается не такой уже прозрачной и ясной. В первую очередь, это осложняется за счет динамики научных интересов исследователя, которая может сказываться и на внешней профессиональной идентификации. Между тем фиксация конкретной сферы профессиональной деятельности, т.е. узко-профильной, внутрипсихологической специализации, доминирующей проблематики научных интересов ученого — это важные показатели для структурирования профессионального сообщества, инструмент определения профессионально-статусных позиций исследователя. Недаром же говорят о специалисте в какой-то области или о сфере научных интересов ученого как идентификационных показателях его вклада в соответствующие направления науки.

Представляется, что исследовать вопрос о неформальной идентификации удобнее всего на примере историко-психологического анализа творчества конкретного ученого. В качестве такой персоналии в нашем исследовании выступает научная деятельность академика РАН, академика РАО, профессора, А.Л. Журавлева — одного из самых известных и авторитетных современных российских психологов. Несмотря на то что он является нашим современником, активно работающим и публикующимся ученым, считаем, что этот выбор является вполне адекватным, несмотря на существующую

в истории психологии проблему допустимых временных границ в изучении творческого наследия ученого.

Общей позицией, на которую ориентируются многие историки психологии, является положение, что оценивать вклад ученого в разработку интересующей его тематики можно, спустя некоторое время после завершения им активной научной жизни или после его ухода из жизни. При этом какой-то четкой временной границы не существует, а эмпирически приемлемой считается период в 10—15 лет. С изложенной позицией вполне можно согласиться, особенно если речь действительно идет об оценке *вклада или влияния* идей ученого на конкретную область и направление развития психологии. Вместе с тем, если исследование посвящено изучению *научных интересов и приоритетов* ученого, особенностей его творческого стиля или характеристик публикационной активности, то представляется что соблюдение такого временного лага совсем необязательно. Более того, все более широко используемые в истории психологии наукометрические методы и библиометрические показатели позволяют избежать субъективизма в получаемых результатах и пристрастности в оценках (см., например: [10; 20]). Тем более что сегодня требование соблюдения в истории психологии позиции “временной отстраненности оценки” творчества ученого подвергается корректировке и по ряду других обстоятельств. Отмечается, например, парадоксальность ситуации, когда “история обогащается синхронно с печальным календарем” и вместе с тем “значение деятельности... здравствующих современников... ускользает от внимания историков и остается принадлежностью юбилейно-поздравительного жанра” [32, с. 56].

ПРОБЛЕМА ИССЛЕДОВАНИЯ

Основной проблемой, решаемой в нашем исследовании, является ответ на составной вопрос: “Какое место в системе научных интересов А.Л. Журавлева занимает историко-психологическая тематика, какова структура публикаций по этой тематике, что характерно для публикационной активности ученого в области истории отечественной психологии?”. Обоснованный ответ на этот вопрос позволит прояснить ситуацию с тем, в какой мере профессиональная идентификация психологическим сообществом А.Л. Журавлева сегодня является полной, адекватной и соответствующей реальному положению дел?

Рассмотрим, как идентифицирует А.Л. Журавлева современное психологическое сообщество. Для

этого проведем анализ того, с какими областями психологической науки соотносят его творчество основные современные психологические средства научной и массовой информации и медиаресурсы. Акцент при этом сделаем на тех интернет-ресурсах организаций, учреждений и обществ, с которыми непосредственно связана деятельность А.Л. Журавлева. В силу этого, как нам представляется, они должны наиболее точно определять области его научных интересов и направления психологии, в которые он внес значимый вклад.

Автор статьи об ученом А.В. Юревич в издании “История психологии в лицах. Персоналии” — одном из самых полных и авторитетных персонологических словарей психологов характеризует А.Л. Журавлева так: “российский психолог, специалист в области социальной, организационной и экономической психологии”, подчеркивая его вклад именно в эти области психологии [13, с. 178]. На официальном сайте Российской академии наук приводится следующая информация об академике РАН А.Л. Журавлеве: “Научные интересы и сферы научной деятельности традиционно концентрируются в социальной, организационной и экономической психологии, психологии личности, труда и управления. В последние годы научные интересы смещаются в область методологии и теории психологии, в сферу изучения закономерностей развития современных психологических исследований” [24]. Официальный сайт Российской академии образования, действительным членом которой является А.Л. Журавлев, так представляет сферу научных интересов ученого: социальная психология, экономическая психология, психология управления, психология труда [25]. На двух сайтах Института психологии РАН, а также в информационном справочнике “Кто есть кто в российской психологии”, размещенном на одном из этих сайтов, содержатся идентичные формулировки: А.Л. Журавлев — “специалист в области социальной, организационной и экономической психологии” [21–23]. Официальный сайт Российского психологического общества, членом Президиума которого является А.Л. Журавлев, и сайт Государственного академического университета гуманитарных наук, с которым он сотрудничает в качестве члена ученого совета и декана факультета психологии, дословно повторяют формулировки, представленные на сайтах Института психологии РАН: “...специалист в области социальной, организационной и экономической психологии” [26–27]. Такие же три области психологии связывают с творчеством А.Л. Журавлева “Энциклопедический словарь по психологии и педагогике (сводный)” [33], Википедия [30], информационная система “Архивы

Российской академии наук” [31]. Наиболее развернутый перечень областей исследований ученого указывает профессиональное интернет-издание “Психологическая газета”: “социальная психология, экономическая психология, психология управления, психология труда, психологические особенности личности и деятельности различных категорий руководителей, психологические методы и стиль руководства, управление социально-психологическими явлениями” [29].

Таким образом, несомненным является вывод о том, что подавляющее количество источников связывает творческую деятельность А.Л. Журавлева, и соответственно, идентифицирует его как специалиста, в первую очередь с социальной, организационной и экономической психологией. Отдельные источники добавляют к этому списку такие области как психология личности, психология труда, психология управления, методология и теория психологии. При этом выявлен лишь один источник из изученных нами, в котором указывается, что ученый “в последние годы посвятил множество трудов истории психологии”, но как специалист в этой области психологии он и в этом источнике не указывается [27]. Между тем представители российского историко-психологического сообщества знают активную и продуктивную деятельность А.Л. Журавлева в области истории психологии. В этом случае правомерно поставить вопросы: “В какой мере в творчестве А.Л. Журавлева представлена историко-психологическая проблематика? Каковы особенности его публикаций по истории психологии? Можно ли рассматривать его как историка психологии, который внес вклад в эту важную отрасль психологии?”. Наше исследование должно дать ответы на эти вопросы.

ИСТОЧНИКИ И МЕТОДИКА ПРОВЕДЕНИЯ НАУКОМЕТРИЧЕСКОГО АНАЛИЗА

Для рассмотрения профессиональных интересов ученого в области истории психологии, их характеристики и особенностей публикационной активности в разработке историко-психологической проблематики была использована электронная библиотека eLibrary.ru — главная и самая масштабная российская информационная база публикаций русскоязычных авторов, интегрированная с Российским индексом научного цитирования (РИНЦ). Использование библиотеки eLibrary и электронной базы РИНЦ обусловлено тем, что они 1) включают наиболее полный библиографический список публикаций А.Л. Журавлева; 2) позволяют на основе

общих статистических показателей и статистических отчетов анализировать работы ученого по широкому спектру индикаторов его публикационной активности; 3) обеспечивают возможность верификации полученных данных независимыми исследователями.

Надо отметить, что в связи с юбилеем (75-летием) ученого вышло несколько работ, посвященных разным аспектам его творческого пути, в том числе статья Д.А. Китовой, в которой был дан анализ индивидуальных публикационных индексов А.Л. Журавлева [14]. В данном случае рассматривался весь массив публикаций ученого без тематической дифференциации. При всей ценности представленного материала и полученных выводов, проблема профессиональной идентификации в ней не ставилась, так же как и вопрос об интересе ученого к историко-психологической тематике. Поэтому было спланировано и проведено исследование публикационной активности ученого в контексте именно его историко-психологических интересов. Представленные в статье данные получены по состоянию на 22 июля 2023 г.

Исследование проводилось в *три этапа*. На первом этапе по всей совокупности материалов А.Л. Журавлева, включенных в РИНЦ, на основе вычисления двух статистических показателей (распределение всех публикаций и цитирующих их работ по *ключевым* словам) выявлялась представленность в этих работах историко-психологической тематики и ее соотношение с другими темами. На втором этапе была сформирована подборка публикаций автора историко-психологической направленности из их общего массива. И уже на основе статистических показателей только по этой подборке была дана характеристика этих публикаций по широкому спектру показателей. На третьем этапе проводился сопоставительный анализ работ по истории психологии и публикаций историко-психологической направленности. К первым относились публикации, в ключевых словах которых использовалось словосочетание “история психологии”, ко вторым — посвященные историко-психологической проблематике, даже если в них не было этого ключевого слова. Кроме этого осуществлялся качественный проблемно-тематический анализ всех публикаций по истории психологии и историко-психологической направленности. Были обозначены направления исследований, в которые внес вклад А.Л. Журавлев своими публикациями и деятельностью, а также дана характеристика форм реализации его научного интереса к истории психологии. В данной статье (часть 1) представлены результаты первого и второго этапов выполненного

исследования, остальные результаты, полученные нами, будут изложены во второй части статьи.

НАУКОМЕТРИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПУБЛИКАЦИОННОГО ПРОФИЛЯ А.Л. ЖУРАВЛЕВА В КОНТЕКСТЕ ЕГО ИСТОРИКО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ РАБОТ

На *первом* этапе, как уже отмечалось, решалась задача выявления интереса ученого к истории психологии в структуре его научных интересов в целом. С этой целью был осуществлен анализ публикационной активности автора. По состоянию на 22 июля 2023 г. было выявлено, что в системе eLibrary в профиле А.Л. Журавлева представлено 1210 публикаций с общим числом цитирования 34869 и индексом Хирша — 104, а в системе РИНЦ — 990 публикаций с числом цитирования — 24142 и индексом Хирша — 83. Первая публикация, индексируемая в этих системах датируется 1975 годом. Уже изучение всего массива публикаций ученого, представленных в eLibrary, показало неочевидные и важные для нашего исследования результаты.

Проведенный анализ распределения публикаций *по ключевым словам*, который должен был показать самоидентификацию автором своих публикаций, свидетельствовал о том, что самым частотным ключевым словом в публикациях А.Л. Журавлева является понятие “история психологии” (44 публикации). Кроме него в десятку самых частотных слов вошли: “психология” (38), “history of psychology” (38), “социальная психология” (32), “личность” (24), “social psychology” (21), “взаимодействие” (16), “совместная деятельность” (16), “personality” (15), “общение” (15) и “экономическая психология” (15). Кстати, подобный анализ на основе публикаций в РИНЦ дал точно такие же результаты.

Представленные статистические данные свидетельствуют, что количество публикаций, которые сам автор на основе ключевых слов идентифицировал как историко-психологические, превосходит все другие публикации — и по социальной психологии, и по психологии управления, и по экономической психологии. Безусловно, при анализе наукометрических показателей по любым научным направлениям (на основе изучения публикаций с ключевыми словами) надо учитывать то обстоятельство, что некоторые публикации, несмотря на вполне академический формат, большой объем и содержательную важность этих работ, могут не иметь ключевых слов, например, предисловия

к сборникам работ или главы в коллективных монографиях. То же самое имеет отношение и к сборникам или книгам по историко-психологической проблематике (см., например: [8; 10–11; 20]). Надо иметь в виду и тот факт, что не всегда в журнальных статьях указывались аннотации и ключевые слова. Например, в “Психологическом журнале” они стали указываться, только начиная с 1987 г. К сожалению, система РИНЦ не позволяет выявить отсутствие ключевых слов в публикации — она просто не учитывает такую публикацию в соответствующих показателях. Впрочем, это ограничение носит универсальный характер, т.е. в равной мере распространяется на все публикации вне зависимости от их тематики. Поэтому использование статистических показателей “Распределение публикаций по ключевым словам” и “Распределение цитирующих публикаций по ключевым словам” в системе РИНЦ можно иметь в виду только с учетом указанных ограничений. Следовательно, целесообразно руководствоваться лишь той информацией, которая может быть однозначно проверена и подтверждена, т.е. которая представлена статистическими данными, даже если они не совсем полные. Соответственно, это обстоятельство учитывалось и в нашей работе при анализе и интерпретации научных интересов А.Л. Журавлева на основе используемых в публикациях ключевых слов.

Таким образом, можно констатировать, что публикации А.Л. Журавлева с ключевым словом “история психологии” доминируют, по его собственной оценке (очевидно, что ключевые слова указываются самим автором), над публикациями с другими ключевыми словами, характерными для других направлений психологических исследований, что и подтверждает данный статистический показатель.

Интересным статистическим показателем, свидетельствующим уже не о самоидентификации автором своих публикаций по ключевым словам (предыдущий показатель), но о востребованности коллегами публикаций А.Л. Журавлева является *распределение цитирующих публикаций по ключевым словам*. Он дает информацию о том, кто из ученых (с точки зрения доминирования ключевых слов в их публикациях) цитирует работы автора. Полученные данные свидетельствуют, что чаще всего цитируются работы ученого в материалах, в которых наиболее частотным ключевым словом является слово “личность” (598 публикаций), далее идут “психология” (519 публикаций), “доверие” (461), “personality” (410), “социальная психология” (370), “trust” (313), “история психологии” (231). Следовательно, востребованность публикаций ученого авторами материалов по историко-психологической

тематике оказывается достаточно высокой (седьмое место из более тысячи возможных). Подчеркнем, что она выше востребованности публикаций А.Л. Журавлева специалистами, публикующими статьи с ключевыми словами “взаимодействие” (157 публикаций 16-е место); “совместная деятельность” (148/22); “психология личности” (128/33); “экономическая психология” (127/34); “социальные представления” (118/39); “управление” (109/47); “межличностные отношения” (106/51); “психология труда” (83/75); “коллективный субъект” (82/76); “предпринимательство” (71/97); “экономическое поведение” (69/105). Все эти понятия, характеризуют те отрасли психологии, с которыми А.Л. Журавлева идентифицирует психологическое сообщество и в которые, как считается, он внес существенный вклад. Конечно, при интерпретации данного показателя следует иметь в виду еще встречающееся достаточно небрежное указание авторами ключевых слов к своим публикациям, однако в любом случае можно засвидетельствовать более высокую востребованность публикаций А.Л. Журавлева историко-психологической направленности историками психологии, чем авторами материалов по психологии совместной деятельности, экономической психологии, психологии труда или психологии предпринимательства.

Следовательно, можно сделать вывод о более существенной востребованности научным сообществом *в настоящее время* работ ученого по истории психологии, чем по направлениям психологической науки, с которыми чаще всего ассоциируется научное творчество А.Л. Журавлева.

НАУКОМЕТРИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ИСТОРИКО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ПУБЛИКАЦИЙ А.Л. ЖУРАВЛЕВА — ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА

Как отмечалось выше, на *втором* этапе нашего исследования была проведена работа по формированию из всего массива публикаций А.Л. Журавлева специализированной подборки работ только историко-психологической направленности. Отбор источников проводился на основе тематического анализа названий публикаций, непосредственного прочтения самих работ, экспертных оценок, а также консультирования с автором / одним из авторов этих материалов А.Л. Журавлевым для уточнения цели и авторского замысла конкретной работы. К историко-психологическим публикациям относились работы по изучению творческого наследия отдельных ученых, истории развития научных центров, организаций и их подразделений,

анализу важных событий в истории отечественной психологии, разработке методов историко-психологического анализа, а также наукометрические статьи, выполненные на материалах истории психологии, источниковедческие материалы для проведения изучения истории психологии в будущих исследованиях.

Сформированная подборка историко-психологических публикаций А.Л. Журавлева составила 180 работ с суммарным числом цитирований 1627. Из них 99 статей в журналах (55% от всех историко-психологических работ), а оставшийся 81 материал (45%) представлен в формате других публикаций: статья в сборнике или глава в книге (45), статья в сборнике трудов конференции (35), книга или сборник статей (1).

Первая работа по истории психологии была опубликована А.Л. Журавлевым в 1991 г. [2], вторая — спустя 6 лет, в 1997 г. [3], третья — еще через 5 лет в 2002 г. [6]. Если учесть, что вообще первая публикация А.Л. Журавлева, представленная в РИНЦ, датируется 1975 г. [4], то можно сказать, что интерес к публикации работ по истории психологии проявился в творчестве ученого только спустя 16 лет после начала его публикационной активности в области психологии и носил при этом нестабильный характер. Однако в последующем активность и стабильность публикаций историко-психологической направленности существенно возрастает (табл. 1).

Выделяются два временных периода по количеству опубликованных материалов историко-психологической направленности. Один из них с 1991 по 2015 г. (57 материалов за 15 лет), а второй — начиная с 2016 г. (включительно) по настоящее время (123 материала за 8 лет). Границей между ними служит то, что именно в 2016 г. происходит существенный, по сравнению с предыдущим периодом, прирост публикаций историко-психологической направленности, который сохраняется на высоком уровне все последующие годы. В первый период издавалось в среднем в год 4 публикации (два пика отмечаются в 2007 и 2010 годах), а во второй — в среднем 15 материалов (два пика отмечаются в 2021 и 2022 годах).

Сравнение достаточно значимого для А.Л. Журавлева (с точки зрения роста числа публикаций историко-психологической направленности) 2016 года с фактами его биографии показывает, что в октябре 2016 года ученый стал академиком РАН (первым из психологов) и одновременно академиком РАО. Тем самым можно предположить, что, достигнув этих высоких научных званий и являясь, как отмечается, самым титулованным российским

Таблица 1. Распределение публикаций А.Л. Журавлева по истории психологии по годам его научной деятельности

Год	Количество статей
2023	4
2022	21
2021	23
2020	20
2019	12
2018	13
2017	18
2016	12
2015	5
2014	2
2012	5
2011	6
2010	7
2009	4
2008	4
2007	8
2006	6
2005	2
2003	3
2002	2
1999	1
1997	1
1991	1

психологом [15, с. 5], А.Л. Журавлев заметно переключился с научно-организационной деятельности (которая, несомненно, играла важную роль в таком профессиональном продвижении) на научно-исследовательскую работу. Стремление к творчеству не позволяло “почивать на лаврах”, но и возвращаться к тем областям психологии, где уже многое было сделано и его вклад был оценен психологическим сообществом, тоже было малопродуктивно. Как он отмечал в одном из своих интервью: “В научном творчестве наиболее ценным для меня является, конечно же, движение мысли. Это особое состояние, лежащее в основе производства нового знания, в частности, психологического. Это состояние лежит в основе творчества, которое мне приходится регулярно испытывать и переживать” [19, с. 404]. Поисковая активность привела ученого к сосредоточению на той отрасли психологии, которая давно привлекала А.Л. Журавлева, но концентрироваться на которой не было возможности — напомним, что практически ежегодно, за редким исключением (с 1992 по 1996 гг., 1998, 2000, 2001, 2004, 2013 гг.), выходили его публикации по истории психологии. Поэтому ученый стал значительно больше интересоваться историко-психологической проблематикой. Не исключено, что

важным являлось и такое обстоятельство, уже отмечаемое историками психологии, как наступление определенного этапа в жизни, когда исследователь, размышляя над своим вкладом в науку, невольно должен погружаться в работу своих предшественников, даже непроизвольно пытаюсь соотнести свое творчество с творчеством других ученых.

Вместе с тем, если рассмотреть долю работ по истории психологии по отношению к общему числу публикаций ученого, можно констатировать, что в структуре научных публикаций этот интерес проявлялся неравномерно. Максимальной эта доля являлась в 2021 году и составляла 70%, а в том же 2016 году — 22%¹. Минимальной эта доля была в 1999, 2002 и 2009 гг. и составила всего лишь 6%. Отметим, что начиная с 2019 г. доля работ ученого историко-психологической направленности в общем массиве публикаций оказывается относительно высокой по сравнению с предыдущими годами и отличается стабильностью: в 2019 и 2020 гг. — 38%, в 2021 — 70%, в 2022 — 62%.

В связи с этим напомним, что именно в 2018 г., 8 ноября ушла из жизни известный историк психологии, заведующая лабораторией истории психологии и исторической психологии ИП РАН, д.п.н., профессор В.А. Кольцова. А.Л. Журавлев принял на себя сначала руководство историко-психологическим направлением исследований в Институте, а затем и возглавил эту лабораторию. Кроме этого в 2018 г. А.Л. Журавлев стал научным руководителем ИП РАН и поэтому чувство ответственности за так называемые “уставные” направления исследований в институте (т.е. важнейшие направления, которые были обозначены в его уставе), вызвало беспокойство за сохранение и переживание необходимости поддержки историко-психологических исследований в Институте после смерти ведущего специалиста в этой области. Предполагаем, что значимым для роста числа публикаций историко-психологической направленности в этот период явился имевший место латентный интерес ученого к истории психологии, который, конечно же, проявлялся в неявном виде в предшествующие годы его творческой деятельности. Все это, вероятно, и привело к стабилизации на высоком уровне его интереса к исследованиям и публикациям

работ по истории психологии — начиная с 2019 г. по настоящее время.

Исследовательский интерес представляет и перечень самых цитируемых публикаций А.Л. Журавлева историко-психологической направленности. Выделим первые пять из них с фиксацией количества цитирований:

1. Журавлев А.Л. Основные тенденции развития психологических исследований в Институте психологии РАН — *89 цитирований* [5];
2. Журавлев А.Л., Харламенкова Н.Е. Психология личности как открытой и развивающейся системы (к юбилею Л.И. Анцыферовой) — *86 цитирований* [12];
3. Журавлев А.Л., Кольцова В.А. К 40-летию Института психологии РАН и 85-летию со дня рождения Б.Ф. Ломова — *47 цитирований* [7];
4. Галкина Т.В., Журавлев А.Л. Развитие научного творчества Я.А. Пономарева — *39 цитирований* [1];
5. Журавлев А.Л., Купрейченко А.Б. Развитие идей С.Л. Рубинштейна о самоопределении субъекта в современной социальной психологии — *39 цитирований* [9].

Относительно указанных публикаций необходимо отметить несколько важных моментов.

Во-первых, несомненный интерес со стороны цитирующих авторов вызывает деятельность Института психологии РАН и творческое наследие его сотрудников. Это может свидетельствовать о том, что ИП РАН продолжает играть важную роль авторитетного научного центра (как минимум, по истории психологии) для российского психологического сообщества.

Во-вторых, востребованность историко-психологических работ, публикуемых именно в “Психологическом журнале” (4 из 5 указанных публикаций — статьи, изданные в этом журнале). Тем самым уточняется вывод о том, что “ПЖ” является рейтинговым изданием не только в информационном пространстве мировых научных изданий [18], но и востребованным журналом в отечественном сообществе историков психологии.

В-третьих, следует подчеркнуть актуальность и востребованность историко-психологических публикаций, даже вышедших в свет достаточно давно, для современных исследователей. Так, за последние четыре года первая по давности работа из приведенного выше списка (2007) цитировалась 8 раз, вторая (2009) — 18 раз, третья (2011) — 15 раз, четвертая (2012) — 5 раз, пятая (2016) — 10 раз. Этот вывод подтверждается и анализом распределения

¹ Надо отметить интересный факт, что в 1991 г. процент историко-психологических публикаций ученого по отношению к общему числу публикаций составил 50%, однако это следует рассматривать как артефакт, поскольку в этом году у А.Л. Журавлева было всего две публикации и одна из них — по истории психологии.

цитирования по всей подборке историко-психологических работ А.Л. Журавлева (табл. 2).

Таблица 2. Распределение цитирований историко-психологических работ А.Л. Журавлева по годам цитируемых публикаций

Год	Кол-во цитирований
2023	1
2022	19
2021	71
2020	94
2019	44
2018	86
2017	101
2016	142
2015	82
2014	44
2012	118
2011	49
2010	58
2009	89
2008	37
2007	220
2006	105
2005	15
2003	306
2002	5
1999	5
1997	2
1991	3

НАУКОМЕТРИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ИСТОРИКО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ПУБЛИКАЦИЙ А.Л. ЖУРАВЛЕВА — СПЕЦИАЛЬНЫЕ ПОКАЗАТЕЛИ

Что же характеризует публикации, вошедшие в эту подборку работ историко-психологической направленности, с учетом общих статистических показателей и статистических отчетов, которые позволяет получить система РИНЦ?

Во-первых, *высокий публикационный статус этих публикаций*. Это подтверждается тем, что треть этих работ — 62 публикации (34%) входят в “ядро” РИНЦ и в RSCI, а также тем, что статьи, вошедшие в подборку, опубликованы в рейтинговых журналах (средневзвешенный импакт-фактор журналов, в которых были опубликованы статьи составляет 1.301). Приведем перечень журналов, в которых было опубликовано более одной статьи: “Психологический журнал” (58 публикаций), “Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология” (23), “Ярославский педагогический вестник” (4), “Институт

психологии Российской академии наук. Организационная психология и психология труда” (2), “Национальный психологический журнал” (2), “Научные труды Московского гуманитарного университета” (2).

Отметим три обстоятельства в связи с приведенными данными: 1) один журнал из этого списка индексируется в зарубежных библиографических базах; 2) пять из шести журналов включены в список журналов ВАК, в которых рекомендуется публикация материалов диссертационных исследований; 3) восемьдесят три публикации (46%) из 180 вошедших в анализируемую выборку представлены в журналах, имеющих самое непосредственное отношение к ИП РАН. Последнее обстоятельство вполне объяснимо фундаментальностью и глубиной содержания статей, интересом читателей к этим публикациям (любой издатель, в данном случае ИП РАН, не будет публиковать материалы, которые не востребованы исследователями), а также высоким научным авторитетом в психологическом сообществе и статусом А.Л. Журавлева — директор, затем научный руководитель Института, главный редактор “Психологического журнала” (с 2003 г.) и журнала “Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология” (с 2016 г.). Кроме указанного, следует принимать во внимание то обстоятельство, что “влиятельность (импактность) мультидисциплинарных психологических журналов в системе РИНЦ тесно связана со вкладом импактности авторских публикаций по отрасли “история психологии”” [17]. Другими словами, журналы заинтересованы, с целью повышения своей влиятельности, публиковать материалы по истории психологии авторов, имеющих высокую цитируемость.

Во-вторых, *высокая степень востребованности этих публикаций* исследователями. В частности, каждая статья цитируется в среднем девять раз, а число статей, процитированных хотя бы один раз, составляет 133 работы или 74% от общего числа публикаций, вошедших в данную подборку. Отметим, что чаще всего их цитируют авторы работ с ключевыми словами “история психологии” (97 публикаций) и “history of psychology” (85) (табл. 3), т.е. специалисты по историко-психологической тематике.

Однако статьи А.Л. Журавлева по истории психологии востребованы не только исследователями, публикующими статьи по психологической тематике (к тематической области “Психология” относятся 819 цитирующих статей), но и специалистами из других тематических областей (табл. 4). К ним относятся: “Народное образование. Педагогика”

Таблица 3. Распределение цитирующих публикаций по используемым в них ключевым словам (первые 10 позиций)

№	Ключевое слово или словосочетание	Количество публикаций
1	История психологии	97
2	History of psychology	85
3	Личность	67
4	Personality	55
5	Психология	46
6	Социальная психология	37
7	Psychology	32
8	Development	27
9	Развитие	27
10	Методология	24

Таблица 4. Распределение цитирующих публикаций по тематическим областям (первые 10 позиций)

№	Тематическая рубрика	Количество статей
1	Психология	819
2	Народное образование. Педагогика	68
3	Языкознание	11
4	Философия	5
5	Медицина и здравоохранение	4
6	Социология	3
7	Физическая культура и спорт	2
8	Экономика. Экономические науки	2
9	Государство и право. Юридические науки	2
10	История. Исторические науки	1

(68 цитирующих статей), “Языкознание” (11), “Философия” (5), “Медицина и здравоохранение” (4), “Социология” (3), “Физическая культура и спорт” (2), “Экономика. Экономические науки” (2), “Государство и право. Юридические науки” (2), “История. Исторические науки” (1), “Культура. Культурология” (1), “Политика. Политические науки” (1).

Удивляют в этом списке два факта: 1) слабая цитируемость работ по истории психологии А.Л. Журавлева из тематической области “История. Исторические науки”. Можно предположить, что коммуникационные связи между психологами и историками чаще концентрируются в области *исторической психологии* (а они не включались в данную подборку), чем в истории психологии; 2) высокая востребованность публикаций по историко-психологической тематике специалистами в области языкознания, которая выше даже чем у философов и медиков. Можно предположить, что это связано с двумя обстоятельствами. Во-первых, с тем, что часть работ А.Л. Журавлева по истории психологии посвящена исследованию трансформации научных

понятий и терминов; истории междисциплинарных и комплексных исследований в отечественной психологии; библиометрическим и наукометрическим методам анализа научных текстов (известно, что сегодня активно развиваются такие направления языкознания, как корпусная и квантитативная лингвистика, для которых эти работы могут представлять интерес). Во-вторых, это может объясняться достаточно широкими междисциплинарными связями между языкознанием/лингвистикой и психологией — возникновением таких областей знания на стыке этих наук как психо- и этнолингвистика, когнитивная лингвистика, а понятие “языковая личность” по сути сегодня рассматривается как одно из важных понятий в психологии.

Отметим и журналы, статьи которых чаще всего цитируют историко-психологические публикации А.Л. Журавлева (табл. 5) (приведены журналы, в которых не менее 10 статей имеют цитирование работ, вошедших в подборку): “Психологический журнал” (94 статьи, 159 цитирований), “Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология” (63, 143), “Человеческий фактор: проблемы психологии и эргономики” (24, 42), “Институт психологии Российской академии наук. Организационная психология и психология труда” (15, 24), “Наука. Культура. Общество” (12, 15), “Прикладная юридическая психология” (10, 17). Представленные данные достаточно понятны и свидетельствуют о том, что чаще всего цитируют работы ученого авторы тех журналов, в которых он сам активно публикуется

Таблица 5. Распределение цитирований по журналам (первые 10 позиций)

№	Название журнала	Количество цитирований
1	Психологический журнал	159
2	Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология	143
3	Человеческий фактор: проблемы психологии и эргономики	42
4	Ярославский педагогический вестник	25
5	Институт психологии Российской академии наук. Организационная психология и психология труда	24
6	Прикладная юридическая психология	17
7	Наука. Культура. Общество	15
8	Научные труды Московского гуманитарного университета	9
9	Методология современной психологии	8
10	Рефлексивные процессы и управление	6

(например, первые две позиции представленного списка). Это можно рассматривать как элемент корпоративной культуры журнала.

Кроме этого интерес представляет рассчитанный нами *коэффициент концентрации цитирований по журналам* (КЦЖ). Он вычислялся как соотношение числа цитирований публикаций (табл. 5) к количеству цитирующих работ в отдельном журнале (табл. 6). Оказалось, например, что для “Психологического журнала” (в этом журнале самое большое число цитирующих статей и самое высокое число цитирований) среднее цитирование на одну работу составляет 1.7 цитирования ($159:94 = 1.7$), а вот для журнала “Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология” КЦЖ составляет уже 2.3 цитирования. В то же время для журнала “Научные труды Московского гуманитарного университета” (две цитирующие статьи и 9 цитирований) этот коэффициент составляет 4.5 (это один из самых высоких коэффициентов концентрации цитирований в рассматриваемых журналах).

Таблица 6. Распределение цитирующих публикаций по журналам (первые 10 позиций)

№	Название журнала	Количество статей
1	Психологический журнал	94
2	Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология	63
3	Человеческий фактор: проблемы психологии и эргономики	24
4	Институт психологии Российской академии наук. Организационная психология и психология труда	15
5	Наука. Культура. Общество	12
6	Прикладная юридическая психология	10
7	Ярославский педагогический вестник	7
8	Человеческий капитал	6
9	Актуальные вопросы современной науки	5
10	Методология и история психологии	4

Таким образом, предлагаемый коэффициент (КЦЖ) позволяет существенным образом уточнить роль журналов в публикационном профиле ученого и более детально анализировать востребованность его работ в зависимости от выбранного показателя — количество ссылок на конкретную работу или концентрация ее цитирований.

Относительно распределения цитирующих публикаций по организациям, с которыми аффилированы их авторы, получены следующие данные

(указаны только организации, с которыми соотносятся как минимум 20 работ) — Институт психологии РАН (387 статей), Санкт-Петербургский государственный университет (51), Государственный академический университет гуманитарных наук (40), Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского (31), Московский гуманитарный университет (26), Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского (26).

Обращает на себя внимание достаточно обширная региональная представленность цитирующих организаций (50% из них не связаны с Москвой). С нашей точки зрения, это свидетельствует о знании и востребованности работ А.Л. Журавлева по историко-психологической тематике исследователями не только в столичных, но и в региональных центрах и научных организациях.

Если вернуться к выделению основных характеристик публикаций А.Л. Журавлева, предпринятого в начале данного раздела статьи, то, в-третьих, можно отметить *сотворческий, коллективный их характер*. Число соавторов его публикаций историко-психологической направленности составляет 88 исследователей. В число десяти самых активных соавторов А.Л. Журавлева входят: Т.В. Галкина (19 публикаций), В.А. Кольцова (17), А.А. Костригин (16), Ю.Н. Олейник (13), В.П. Позняков (13), И.А. Мироненко (10), Т.В. Дробышева (9), В.И. Белополюский (8), Л.Г. Почебут (8), Д.В. Ушаков (6). В то же время из работ А.Л. Журавлева историко-психологической направленности без соавторства выявлено всего 33 материала из 180. Вероятно, в связи с этим можно говорить о своеобразной черте стиля научной работы ученого — ориентация на коллективистический, групповой, а не индивидуалистический формат научного творчества.

Между прочим, эта особенность была выявлена и при анализе специфики научной коммуникации в информационном пространстве “Психологического журнала” — полученные данные свидетельствуют, что А.Л. Журавлев относится к той группе авторов, которая обеспечивает “широкий тематический спектр публикаций с множеством соавторов” [16, с. 41]. Поэтому, действительно, в данном случае можно говорить о стиле публикационной активности ученого без соотнесения с тематикой публикаций.

Результаты *третьего* этапа проведенного исследования будут представлены во второй части статьи.

ВЫВОДЫ

Представленные в статье материалы и данные, с нашей точки зрения, убедительно свидетельствуют о том, что, начиная примерно со второй половины 2000-х годов, сфера научных интересов академика РАН А.Л. Журавлева концентрируется в области истории психологии. Более того, его публикационная активность по этой тематике не только представляется значимой для всего его творчества, но и оказывается востребованной историко-психологическим сообществом. Поэтому вполне правомерно говорить об истории психологии как еще одной области в психологии (наряду с социальной, организационной и экономической психологией, психологией личности, труда и управления), в которую А.Л. Журавлев внес и продолжает вносить серьезный научный вклад.

Публикационная активность А.Л. Журавлева в области подготовки материалов историко-психологической направленности является значимым направлением его творческой деятельности, отличается стабильностью (начиная с 2000-х годов) и ростом количества статей (начиная с 2016 г.), а работы историко-психологической направленности выступают существенной составляющей в совокупности всех его психологических публикаций.

Работы А.Л. Журавлева по историко-психологической тематике отличаются высокой внутрипсихологической и междисциплинарной востребованностью, несколько превосходящей в настоящее время востребованность его публикаций по другим темам и направлениям психологических исследований.

В качестве важной характеристики научного стиля деятельности А.Л. Журавлева выделена ориентация на сотворчество и коллективный характер проведения исследований и подготовки публикаций по историко-психологической проблематике, готовность вовлекать в пространство истории психологии своих коллег и учеников.

Профессиональная идентификация А.Л. Журавлева в пространстве направлений и областей психологической науки должна соотноситься, помимо прочих, с историей психологии, поскольку интерес и вклад ученого в разработку и изучение историко-психологической проблематики является достаточно важным как в его научном творчестве, так и в совокупности достижений отечественной истории психологии.

При анализе публикационной активности ученого, особенно в контексте рассмотрения его вклада в определенную область знания, целесообразно

выделять две категории публикаций — характеризующих его внешнюю профессиональную идентификацию (со стороны сообщества) и внутреннюю (самоидентификацию).

Предложенная поэтапная наукометрическая методика анализа научных интересов и вклада ученого в разработку истории психологии позволила обеспечить объективность и проверяемость полученных данных, целостность проведенного исследования. Представляется, что она может быть использована для изучения творческого наследия и других исследователей, как наших современников, так и ушедших от нас, в том числе и для сопоставительного анализа публикационной активности разных исследователей в рамках одной тематической области.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Галкина Т.В., Журавлев А.Л. Развитие научного творчества Я.А. Пономарева // Психологический журнал. 2016. Т. 37. № 1. С. 16–25.
2. Журавлев А.Л. Вклад Б.Ф. Ломова в разработку психологической концепции совместной деятельности // Первые Международные научные Ломовские чтения. Тезисы докладов. / Отв. ред. А.В. Брушлинский М.: Институт психологии Академии наук СССР, 1991. С. 219–222.
3. Журавлев А.Л. Б.Ф. Ломов как руководитель глазами его ученика // Труды Института Психологии РАН / Отв. ред. А.В. Брушлинский, В.А. Бодров. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 1997. С. 326–332.
4. Журавлев А.Л. К методике групповой оценки качеств личности // Теоретические и прикладные проблемы психологии познания людьми друг друга: Материалы конференции / Под ред. А.А. Бодалева. Краснодар, 1975. С. 27–29.
5. Журавлев А.Л. Основные тенденции развития психологических исследований в Институте психологии РАН // Психологический журнал. 2007. Т. 28. № 6. С. 5–18.
6. Журавлев А.Л. Сотрудничество с А.В. Брушлинским: шаги навстречу // Современная психология: состояние и перспективы исследований. Юбилейная научная конференция, посвященная 30-летию Института психологии РАН и 75-летию со дня рождения Б.Ф. Ломова / Отв. ред. К.А. Абульханова, М.И. Воловикова, А.Л. Журавлев. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 2002. С. 16–27.
7. Журавлев А.Л., Кольцова В.А. К 40-летию Института психологии РАН и 85-летию со дня рождения Б.Ф. Ломова // Психологический журнал. 2012. Т. 33. № 1. С. 4–6.
8. Журавлев А.Л., Кольцова В.А. Ломов Борис Федорович. Новатор в психологии: научная и научно-орга-

- низационная деятельность // Выдающиеся ученые Института психологии РАН. Биографические очерки. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 2020. С. 9–44.
9. Журавлев А.Л., Купрейченко А.Б. Развитие идей С.Л. Рубинштейна о самоопределении субъекта в современной социальной психологии // Философско-психологическое наследие С.Л. Рубинштейна / Под ред. К.А. Абульхановой. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 2011. С. 216–233.
 10. Журавлев А.Л., Олейник Ю.Н., Тихонова Э.В. Развитие истории психологии в России: интеграция деятельности столичных и провинциальных научных центров (к истории Арзамасских чтений) // Развитие российской психологии накануне и после русской революции 1917 года: тенденции, научные школы, персоналии. Сборник статей участников Всероссийской научной конференции с международным участием. Сер. “Арзамасские чтения по истории психологии” / Отв. ред. А.Л. Журавлев, Ю.Н. Олейник, Э.В. Тихонова. Арзамас, 2019. С. 7–16.
 11. Журавлев А.Л., Почебут Л.Г. Предисловие. О творческом пути Е.С. Кузьмина // Е.С. Кузьмин. Основы социальной психологии. Избранные труды / Сост. и отв. ред. А.Л. Журавлев, Л.Г. Почебут. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 2021. С. 7–28.
 12. Журавлев А.Л., Харламенкова Н.Е. Психология личности как открытой и развивающейся системы (к юбилею Л.И. Анцыферовой) // Психологический журнал. 2009. Т. 30. № 6. С. 30–39.
 13. История психологии в лицах. Персоналии // Психологический лексикон. Энциклопедический словарь в шести томах / Ред.-сост. Л.А. Карпенко; Под общ. ред. А.В. Петровского. М.: ПЕР СЭ, 2005.
 14. Китова Д.А. Публикационное пространство российской науки: опыт анализа индивидуальных индексов (к юбилею А.Л. Журавлева) // Психологическая газета. 2023. URL: <https://psy.su/feed/11375/> (дата обращения 22.07.2023).
 15. Козлов В.В. Предисловие // Вестник интегративной психологии: Журнал для психологов. 2023. Вып. 28. С. 4–5. URL: https://uniwork.buxdu.uz/resurs/12714_1_3D5CEE8CD4D24BDFD8BC524652688ECA529B7724.pdf (дата обращения: 22.07.2023).
 16. Моргун А.Н., Олейник Ю.Н., Журавлев А.Л. Авторское сотрудничество в информационном пространстве “Психологического журнала”: сообщества и научные темы в профессиональной коммуникации // Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология. 2022. Т. 7. № 3 (27). С. 6–66.
 17. Моргун А.Н., Олейник Ю.Н., Журавлев А.Л. Институциональные факторы развития отечественной истории психологии (на материале РИНЦ) // Психологический журнал. 2021. Т. 42. № 1. С. 111–121.
 18. Моргун А.Н., Олейник Ю.Н., Журавлев А.Л. Цитируемость “Психологического журнала” в информационном пространстве ведущих мировых научных изданий // Психологический журнал. 2022. Т. 43. № 6. С. 105–118.
 19. О профессиональном отношении к науке и творчеству (интервью Ю.М. Резника с проф. А.Л. Журавлевым, июль–август 2010 г.) // Личность. Культура. Общество. 2010. Т. XII. 4 (№№ 59–60). С. 398–411.
 20. Олейник Ю.Н., Журавлев А.Л. История отечественной психологии: коммуникативно-организационные и содержательно-тематические аспекты развития (вместо введения) // История отечественной и мировой психологической мысли: знать прошлое, анализировать настоящее, прогнозировать будущее: Материалы международной конференции по истории психологии “VII Московские встречи”, 01 июня–03 июня 2021 г. / Отв. ред. А.Л. Журавлев, Ю.В. Ковалева, Ю.Н. Олейник. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 2023. С. 11–31.
 21. Сайт ФГБУН “Институт психологии РАН” (а). URL: http://www.ipras.ru/cntnt/rus/dop_dokume/minisajty/zhuravlev.html (дата обращения: 22.07.2023).
 22. Сайт ФГБУН “Институт психологии РАН” (б). URL: http://www.ipras.ru/cntnt/rus/media/rus_whois/zh.html#Guravl (дата обращения: 22.07.2023).
 23. Сайт ИП РАН. <https://ipran.ru/profile/журавлёв-анатолий-лактионович/> (дата обращения: 22.07.2023).
 24. Сайт РАН. URL: https://www.ras.ru/win/db/show_per.asp?P=id-57882.ln-ru.dl-pr-inf.uk-11 (дата обращения: 22.07.2023).
 25. Сайт Российской академии образования. URL: <http://rao.rusacademedu.ru/akademiya/akademiki-rao/?p=%D0%96> (дата обращения: 22.07.2023).
 26. Сайт РПО. URL: <http://www.xn-n1abc.xn-plai/psychologists/rpopsych/psychologist/270/> (дата обращения: 22.07.2023).
 27. Сайт ГАУГН. URL: <https://gaugn.ru/company/personal/user/3885/> (дата обращения: 22.07.2023).
 28. Сайт Психологической газеты (а). URL: <https://psy.su/feed/10402/> (дата обращения: 22.07.2023).
 29. Сайт Психологической газеты (б). URL: https://psy.su/persons/100_psihologov_rossii/psy/6727/ (дата обращения: 22.07.2023).
 30. Сайт “Википедии”. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Журавлёв,_Анатолий_Лактионович (дата обращения: 22.07.2023).
 31. Сайт ИСА РАН. URL: <https://isaran.ru/?q=ru/person&guid=07007AB1-8D02-6050-4505-08B3CF00010F&str=Журавлев%20А.Л> (дата обращения: 22.07.2023).

32. *Шукина М.А.* Историография советского периода отечественной психологии: к постановке проблемы // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2022. № 1. С. 51–64.
33. Энциклопедический словарь по психологии и педагогике (сводный). URL: <http://med.niv.ru/doc/dictionary/psychology-and-pedagogy/articles/1031/zhuravlev.htm> (дата обращения: 22.07.2023).

THE HISTORY OF PSYCHOLOGY AS A SPHERE OF PROFESSIONAL INTERESTS OF A.L. ZHURAVLEV (TO THE 75TH ANNIVERSARY OF HIS BIRTH). PART I. SCIENTOMETRIC ANALYSIS OF PUBLICATIONS

Yu. N. Oleinik

*ANO VO "Moscow Humanitarian University";
111395, Moscow, Yunosti str., 5, Russia.*

*PhD (Psychology), Head of the Department of General, Social Psychology and History of Psychology.
Email: yurii03@mail.ru*

Received 07.08.2023

Abstract. The article analyzes the work of Academician of the Russian Academy of Sciences A.L. Zhuravlev in the field of the history of psychology based on his publication activity. The scientometric and bibliometric indicators of the scientist's publications, which are presented in eLibrary and RSCI, are considered. The significant professional interest of the scientist to the historical and psychological topics in the structure of his scientific interests as a whole is shown. A slightly higher demand by the scientific community at the present time for the works of the scientist in the history of psychology than in the areas of psychological science, with which the scientific work of A.L. Zhuravlev. Based on the study of the historical and psychological publications of the scientist, it is shown that since 2016 there has been a significant increase in publications of a historical and psychological orientation. The high publication status of these publications and their interdisciplinary relevance are noted. The most cited works of the researcher on the history of psychology have been identified. The interest in the historical and psychological publications of A.L. Zhuravlev researchers not only in the capital, but also in regional educational centers and scientific organizations. A peculiar feature of the style of scientific work of a scientist is indicated — an orientation towards a group, rather than an individualistic format of scientific creativity. A scientometric method for a phased analysis of the scientific interests and contribution of a scientist to the development of the history of psychology is proposed. Within its framework, the coefficient of concentration of citations of a scientist in journals is substantiated and calculated, and the constructiveness of distinguishing two categories of publications is shown — characterizing the external professional identification (by the community) of a scientist and internal (self-identification).

Keywords: history of psychology, psychology, A.L. Zhuravlev, scientometrics, publication, professional identification, publication activity, historical and psychological focus.

REFERENCES

1. *Galkina T.V., Zhuravlev A.L.* Razvitie nauchnogo tvorchestva Ya.A. Ponomareva. *Psikhologicheskii zhurnal*. 2016. V. 37. № 1. P. 16–25. (In Russian)
2. *Zhuravlev A.L.* Vklad B.F. Lomova v razrabotku psikhologicheskoy koncepcii sovmestnoj deyatel'nosti. *Pervye Mezhdunarodnye nauchnye Lomovskie chteniya. Tezisy dokladov*. Ed. A.V. Brushlinskij. Moscow: Institut psikhologii Akademii nauk SSSR, 1991. P. 219–222. (In Russian)
3. *Zhuravlev A.L.* B.F. Lomov kak rukovoditel' glazami ego uchenika. *Trudy Instituta Psixologii RAN*. Eds. A.V. Brushlinskij, V.A. Bodrov. Moscow: Izd-vo "Institut psikhologii RAN", 1997. P. 326–332. (In Russian)
4. *Zhuravlev A.L.* K metodike gruppovoj ocenki kachestv lichnosti. *Teoreticheskie i prikladnye problemy psikhologii poznaniya lyudmi drug druga. Materialy konferencii*. Ed. A.A. Bodalev. Krasnodar, 1975. P. 27–29. (In Russian)
5. *Zhuravlev A.L.* Osnovnye tendencii razvitiya psikhologicheskix issledovanij v Institute psikhologii RAN. *Psikhologicheskii zhurnal*. 2007. V. 28. № 6. P. 5–18. (In Russian)
6. *Zhuravlev A.L.* Sotrudnichestvo s A.V. Brushlinskim: shagi navstrechu. *Sovremennaya psikhologiya: sostoyanie i perspektivy issledovanij. Yubilejnaya nauchaya*

- konferenciya, posvyashhennaya 30-letiyu Instituta psikhologii RAN i 75-letiyu so dnya rozhdeniya B.F. Lomova. Eds. K.A. Abulhanova, M.I. Volovikova, A.L. Zhuravlev. Moscow: Izd-vo "Institut psikhologii RAN", 2002. P. 16–27. (In Russian)
7. Zhuravlev A.L., Kolczova V.A. K 40-letiyu Instituta psikhologii RAN i 85-letiyu so dnya rozhdeniya B.F. Lomova. *Psikhologicheskii zhurnal*. 2012. V. 33. № 1. P. 4–6. (In Russian)
 8. Zhuravlev A.L., Kolczova V.A. Lomov Boris Fedorovich. Novator v psikhologii: nauchnaya i nauchno-organizatsionnaya deyatel'nost'. *Vydayushchiesya uchenye Instituta psikhologii RAN. Biograficheskie ocherki*. Moscow: Izd-vo "Institut psikhologii RAN", 2020. P. 9–44. (In Russian)
 9. Zhuravlev A.L., Kuprejchenko A.B. Razvitie idej S.L. Rubinshtejna o samoopredelenii subekta v sovremennoj socialnoj psikhologii. *Filosofsko-psikhologicheskoe nasledie S.L. Rubinshtejna*. Ed. K.A. Abulhanova. Moscow: Izd-vo "Institut psikhologii RAN", 2011. P. 216–233. (In Russian)
 10. Zhuravlev A.L., Meleshko T.K. A.V. Brushlinskij — uchenyj i organizator nauki. A.V. Brushlinskij. *Izbrannye psikhologicheskie trudy*. Ed. A.L. Zhuravlev. Moscow: Izd-vo "Institut psikhologii RAN", 2006. P. 5–21. (In Russian)
 11. Zhuravlev A.L., Olejnik Yu.N., Tixonova E.V. Razvitie istorii psikhologii v Rossii: integraciya deyatel'nosti stolichnyh i provincialnyh nauchnyh centrov (k istorii Arzamasskix chtenij). *Razvitie rossijskoj psikhologii nakanune i posle russkoj revolyucii 1917 goda: tendencii, nauchnye shkoly, personalii*. *Sbornik statej uchastnikov Vserossijskoj nauchnoj konferencii s mezhdunarodnym uchastiem*. Ser. "Arzamasskie chteniya po istorii psikhologii". Eds. A.L. Zhuravlev, Yu.N. Olejnik, E.V. Tixonova. Arzamas, 2019. P. 7–16. (In Russian)
 12. Zhuravlev A.L., Pochebut L.G. Predislovie. O tvorchestvom puti E.P. Kuzmina. E.P. Kuzmin. *Osnovy socialnoj psikhologii*. *Izbrannye trudy*. Sost. i otv. red. A.L. Zhuravlev, L.G. Pochebut. Moscow: Izd-vo "Institut psikhologii RAN", 2021. P. 7–28. (In Russian)
 13. Zhuravlev A.L., Xarlamenkova N.E. Psixologiya lichnosti kak otkrytoj i razvivayushhejsya sistemy (k yubileyu L.I. Ancyferovoj). *Psikhologicheskii zhurnal*. 2009. V. 30. № 6. P. 30–39. (In Russian)
 14. Istoriya psikhologii v liczax. Personalii. *Psikhologicheskii leksikon*. *Enciklopedicheskij slovar v шести tomakh*. Eds. L.A. Karpenko, A.V. Petrovskiy. Moscow: PER SE, 2005. (In Russian)
 15. Kitova D.A. Publikatsionnoe prostranstvo rossijskoj nauki: opyt analiza individualnyh indeksov (k yubileyu A.L. Zhuravleva). *Psikhologicheskaya gazeta*, 2023. URL: <https://psy.su/feed/11375/> (date of access: 22.07.2023). (In Russian)
 16. Kozlov V.V. Predislovie. *Vestnik integrativnoj psikhologii: Zhurnal dlya psikhologov*. Vyp. 28. Eds. V.V. Kozlov, Sh.R. Baratov, M.N. Usmanova. 2023. P. 4–5. URL: https://uniwork.buxdu.uz/resurs/12714_1_3D5CEE8CD4D24BDFD8BC524652688ECA529B7724.pdf (date of access: 22.07.2023). (In Russian)
 17. Morgun A.N., Olejnik Yu.N., Zhuravlev A.L. Avtorskoe sotrudnichestvo v informacionnom prostranstve "Psikhologicheskogo zhurnala": soobshhestva i nauchnye temy v professionalnoj kommunikacii. *Institut psikhologii Rossijskoj akademii nauk. Socialnaya i ekonomicheskaya psixologiya*. 2022. V. 7. № 3 (27). P. 6–66. (In Russian)
 18. Morgun A.N., Olejnik Yu.N., Zhuravlev A.L. Institucionalnye faktory razvitiya otechestvennoj istorii psikhologii (na materiale RINCz). *Psikhologicheskii zhurnal*. 2021. V. 42. № 1. P. 111–121. (In Russian)
 19. Morgun A.N., Olejnik Yu.N., Zhuravlev A.L. Citiruemost "Psixologicheskogo zhurnala" v informacionnom prostranstve vedushhix mirovyh nauchnyh izdanij. *Psikhologicheskii zhurnal*. 2022. V. 43. № 6. P. 105–118. (In Russian)
 20. O professionalnom otnoshenii k nauke i tvorchestvu (intervyu Yu.M. Reznika s prof. A.L. Zhuravlevym, iyul–avgust 2010 g.). *Lichnost. Kultura. Obshchestvo*. 2010. V. XII. № 4 (№№ 59–60). P. 398–411. (In Russian)
 21. Olejnik Yu.N., Zhuravlev A.L. Istoriya otechestvennoj psikhologii: kommunikativno-organizatsionnye i sodержatel'no-tematicheskie aspekty razvitiya (vmesto vvedeniya). *Istoriya otechestvennoj i mirovoj psikhologicheskoy mysli: znat proshloe, analizirovat nastoyashhee, prognozirovat budushhee: Materialy mezhdunarodnoj konferencii po istorii psikhologii "VII Moskovskie vstrechi", 01 iyunya–03 iyunya 2021 g.* Eds. A.L. Zhuravlev, Yu.V. Koval'eva, Yu.N. Olejnik. Moscow: Izd-vo "Institut psikhologii RAN", 2023. P. 11–31. (In Russian)
 22. Sajt FGBUN "Institut psikhologii RAN" (a). URL: http://www.ipras.ru/cntnt/rus/dop_dokume/minisajty/zhuravlev.html (date of access: 22.07.2023). (In Russian)
 23. Sajt FGBUN "Institut psikhologii RAN" (b). URL: http://www.ipras.ru/cntnt/rus/media/rus_whois/zh.html#Guravl (date of access: 22.07.2023). (In Russian)
 24. Sajt IP RAN. URL: <https://ipran.ru/profile/%d0%b6%d1%83%d1%80%d0%b0%d0%b2%d0%bb%d1%91%d0%b2-%d0%b0%d0%bd%d0%b0%d1%82%d0%be%d0%bb%d0%b8%d0%b9-%d0%bb%d0%b0%d0%ba%d1%82%d0%b8%d0%be%d0%bd%d0%be%d0%b2%d0%b8%d1%87/> (date of access: 22.07.2023). (In Russian)
 25. Sajt RAN. URL: https://www.ras.ru/win/db/show_per.asp?P=id-57882.ln-ru.dl-pr-inf.uk-11 (date of access: 22.07.2023). (In Russian)
 26. Sajt Rossijskoj akademii obrazovaniya. URL: <http://rao.rusacademedu.ru/akademija/akademiki-rao/?p=D0%96> (date of access: 22.07.2023). (In Russian)
 27. Sajt RPO. URL: <http://www.xn-n1abc.xn-plai/psychologists/rpsych/psychologist/270/> (date of access: 22.07.2023). 28. Sajt GAUGN — <https://gaugn.ru/company/personal/user/3885/> (date of access: 22.07.2023). (In Russian)

28. Sajt Psihologicheskoy gazety (a). URL: <https://psy.su/feed/10402/> (date of access: 22.07.2023). (In Russian)
29. Sajt Psihologicheskoy gazety (b). URL: https://psy.su/persons/100_psihologov_rossii/psy/6727/ (date of access: 22.07.2023). (In Russian)
30. Sajt Vikipediya. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%96%D1%83%D1%80%D0%B0%D0%B2%D0%B%D1%91%D0%B2,%D0%90%D0%BD%D0%B0%D1%82%D0%BE%D0%BB%D0%B8%D0%B9_%D0%9B%D0%B0%D0%BA%D1%82%D0%B8%D0%BE%D0%BD%D0%BE%D0%B2%D0%B8%D1%87 (date of access: 22.07.2023). (In Russian)
31. Sajt ISA RAN. URL: <https://isaran.ru/?q=ru/person&guid=07007AB1-8D02-6050-4505-08B3CF00010F&str=%D0%96%D1%83%D1%80%D0%B0%D0%B2%D0%BB%D0%B5%D0%B2%20%D0%90.%D0%9B> (date of access: 22.07.2023). (In Russian)
32. *Shhukina M.A.* Istoriografiya sovetskogo perioda otechestvennoj psikhologii: k postanovke problemy. Vestnik Permskogo universiteta. Filosofiya. Psixologiya. Sociologiya. 2022. № 1. P. 51–64. (In Russian)
33. Enciklopedicheskij slovar po psikhologii i pedagogike (svodnyj). URL: <http://med.niv.ru/doc/dictionary/psychology-and-pedagogy/articles/1031/zhuravlev.htm> (date of access: 22.07.2023).

ПАМЯТНЫЕ ДАТЫ

УДК 159.9

НАУЧНОЕ НАСЛЕДИЕ ПРОФЕССОРА О.М. ТУТУНДЖЯНА (К 105-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ)

© 2023 г. Р. В. Агузумян

*Академия государственного управления республики Армения,
0028, г. Ереван, ул. Киевян, д. 8, Армения.
Кандидат психологических наук, профессор.
E-mail: rvaghuzumtsyan@list.ru*

Поступила 06.07.2023

Аннотация. Рассматривается многогранный научный вклад в психологическую науку известного армянского ученого О.М. Тутунджяна (1918–1994 гг.). Выделяются основные направления его исследований — история зарубежной и армянской психологии, педагогическая, детская и спортивная психология. Исследования по истории зарубежной психологии получили международное признание, в т.ч., избрание О.М. Тутунджяна почетным членом французского Общества психологов, Ученого совета Института психосоматики (г. Сан-Паулу, Бразилия), ряда других зарубежных Обществ психологов и Ученых советов.

Ключевые слова: Тутунджян О.М., история зарубежной психологии, педагогическая, детская и спортивная психология, историография психологии в Армении.

DOI: 10.31857/S020595920027728-6

Известный армянский психолог, доктор психологических наук, профессор Овсеп Мовсесович Тутунджян (1918–1994 гг.) родился в Египте, г. Александрия. После успешного окончания в 1937 году в Каире Национального Галустяновского колледжа, основанного в 1828 г. и существующего до настоящего времени, по совету родителей он продолжает учебу в Французском лицее на отделении торговли [3]. После своего возвращения в Египет Тутунджян в 1942 г. поступает на педагогический факультет Американского университета в Каире, где изучает научные труды ведущих психологов и культурологов того времени, чему способствует свободное владение арабским, английским и французским языками. Обучение в университете оказывает большое влияние на формирование последующих научных интересов Тутунджяна в области философии, психологии и педагогики. Одновременно с обучением в Американском университете он преподает в Галустяновском колледже в качестве педагога. В период 1941–1946 гг. в издающихся в Каире армяноязычных журналах “Солнце” и “Движение” печатаются его статьи, посвященные трудам Э.А. Бергсона, Б. Спинозы и Р. Декарта [5]. В 1946 г. Тутунджян знакомится с своей будущей супругой, оперной певицей Армине Закарян (Тутунджян), впоследствии удостоенной звания

Народной артистки Армении (1967 г.). В 1947 г. влюбленный Тутунджян издает в Каире сборник лирических стихов на армянском языке. В том же году супруги переезжают из Египта в советскую Армению. В 1948 г. Тутунджян поступает в аспирантуру Армянского государственного педагогического Института имени Х. Абовяна. После окончания аспирантуры в 1951 г. наступают десятилетия плодотворной научно-исследовательской, педагогической и научно-организационной работы О.М. Тутунджяна.

НАПРАВЛЕНИЯ НАУЧНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ О.М. ТУТУНДЖЯНА

В богатом научном наследии, которое оставил Тутунджян, можно выделить несколько основных направлений психологических исследований, которые рассматриваются в хронологическом порядке.

Исследования в области психологии спорта являются наиболее ранними и выполняются в 50-е годы XX в. В них изучаются проблемы выявления психологических трудностей и способов их преодоления учащимися спортивных школ. По оценке А.Ц. Пуни, одного из ведущих советских специалистов в области психологии спорта, Тутунджян

первым проводит исследования данных проблем. [4]. Он вводит понятия внешних и внутренних (психологических) трудностей учащихся спортивных школ, рассматривает недостаточно изученные к тому времени взаимосвязи психологических трудностей и волевых качеств начинающих спортсменов, влияние этих взаимосвязей на спортивные достижения. Полученные результаты Тутунджян обобщает в кандидатской диссертации “Формирование воли старших школьников в процессе занятий физическими упражнениями (на примере работы спортивной школы)”, которую защищает в 1956 г. [6], а также последующих научных публикациях [7; 9]. На основе проведенных исследований разрабатываются практические рекомендации, в которых спортивным тренерам и психологам рекомендуется соотносить планируемые соревновательные достижения с индивидуальными физическими возможностями, волевыми и другими личностными качествами учащихся, развивать у них мотивацию достижения, поощрять и хвалить за выполнение заданий, особенно скучных и трудных упражнений независимо от качества их выполнения и т.п. [7]. Сложившийся в исследованиях учащихся спортивных школ психолого-педагогический подход — акцент на выявление психологических трудностей, препятствующих овладению учащимися спортивными навыками, и последующее обоснование способов преодоления этих трудностей — получает продолжение в работах Тутунджяна по изучению психического развития учащихся общеобразовательных школ.

Исследования в области педагогической и детской психологии являются одними из центральных в научном творчестве Тутунджяна и проводятся с середины 50-х до начала 90-х годов XX века. В 1957–1976 гг. он осуществляет цикл многоплановых исследований психического развития младших школьников. Эти исследования выполняются в психологической лаборатории, созданной под руководством академика М.А. Мазмания при активном участии Тутунджяна и функционировавшей сначала при Министерстве просвещения Армении (1957–1959 гг.), а позже — Армянском педагогическом институте им. Х. Абовяна. В проведенных исследованиях Тутунджян рассматривает особенности психического развития младших школьников [11; 14], в том числе, их внимания [8], устной речи [10] и других психических процессов, а также связанные с этими особенностями психологические трудности школьного обучения. В соответствии с упомянутым выше психолого-педагогическим подходом, одновременно разрабатываются адресованные педагогам рекомендации по преодолению данных трудностей. Примером тому служат

исследования особенностей развития устной речи у младших школьников — ее конкретности, сжатости, эмоциональности, ограниченности словарного запаса, простоты грамматической структуры. Связанные с этими особенностями психологические трудности объясняются противоречиями между слуховыми, двигательными и ментальными представлениями младших школьников. С целью преодоления указанных трудностей разрабатываются специальные индивидуально ориентированные упражнения. Тем самым Тутунджян ставит проблему системной организации учебного и воспитательного процесса младших школьников в соответствии с особенностями их психики [10]. Среди научных трудов в области *детской психологии* следует выделить изданную в 1980 г. монографию “Психологические проблемы ребенка”. В ней Тутунджян соотносит научные воззрения ведущих французских психологов того времени, прежде всего, А. Валлона (H. Wallon) и Р. Заззо (R. Zazzo), с собственными взглядами на психическое развитие ребенка в условиях школьного образования. Эти взгляды начали формироваться еще в 40-е годы XX века в период обучения в Американском университете Каира под влиянием трудов европейских философов-материалистов. В монографии обосновывается важный вывод — независимо от государства, расы и политических взглядов школьное образование зиждется на теоретических положениях педагогической и детской психологии, основанных на принципах диалектического материализма [19].

Значительным научным и научно-методическим вкладом Тутунджяна в педагогическую психологию являются результаты его исследований в области *высшего профессионального образования*, которые ведутся с середины 70-х до начала 90-х годов XX века. Проведению этих исследований способствует, во многом благодаря усилиям Тутунджяна, открытие в 1976 г. кафедры психологии в Ереванском государственном университете. Несколько лет спустя (1979 г.) там же при его активном содействии открывается исследовательская лаборатория инженерной психологии (руководитель — канд. псих. наук Р.В. Агузумцян) и выполняются первые в Армении инженерно-психологические исследования, в которых Тутунджян принимает личное участие. Под научным руководством профессора Тутунджяна изучаются вопросы развития когнитивных способностей студентов с учетом их возраста на разных курсах обучения, проводятся теоретические и эмпирические исследования, связанные с психологической подготовкой преподавателей учреждений высшего профессионального образования Армении независимо от профиля учреждений.

Полученные результаты позволили обосновать ряд важных положений:

- разработанные психолого-педагогические принципы школьного образования сохраняют свою актуальность для организации обучения в учреждениях высшего профессионального образования;

- преподаватели учреждений высшего профессионального образования, подобно учителям средних школ, посредством развития познавательных возможностей студентов оказывают влияние на становление их личности, нравственных и духовных качеств;

- необходимо уделять постоянное внимание психологическому отбору, психологической подготовке и переподготовке преподавателей учреждений высшего профессионального образования и др. [17; 21].

Эти предложения получили практическое внедрение в учреждениях высшего профессионального образования в виде учебных курсов, ориентированных на формирование у будущих специалистов умений практического применения теоретических знаний, развитие профессионального мышления, совершенствование их психологической подготовки [17]. Кроме того, разрабатывается система психологического отбора преподавателей в учреждениях высшего профессионального образования, а также создается организационная структура для психологической подготовки преподавателей. Такой структурой становится открытая в 1991 г. при кафедре психологии Ереванского государственного университета специализация “Психология”, которая пользуется большой популярностью как у преподавателей, так и студентов. Следует особо отметить заслуги Тутунджяна в подготовке специалистов высшей квалификации — под его научным руководством были защищены целый ряд диссертационных работ [5].

Исследования по истории психологии проводятся Тутунджяном с 60-х до начала 90-х годов и приносят ему международную известность как признанному специалисту в этой области психологической науки. Обращение Тутунджяна к вопросам историографии отражает проявившуюся в 60-х годы прошлого столетия общую тенденцию мировой психологии — всплеск интереса исследователей к проблемам ее истории. Благодаря работам Э. Боринга (Boring E. 1963), Р.И. Уотсона (Watson R.I., 1960), М.Г. Ярошевского (1966) и других ученых формируется самостоятельное научное направление — история психологии, определяются ее задачи и разделы. С свойственными ему увлеченностью и одновременно научной строгостью

Тутунджян одним из первых выдвигает тезис о необходимости обоснования критериев для выделения этапов развития психологической науки. Он указывает на два подхода к становлению истории психологии как научного направления:

- теоретическое обоснование классификации научных фактов и их интерпретаций для преодоления существующих разногласий в зарубежной и отечественной истории психологии;

- использование положений исторического материализма для обоснования принципов построения истории психологии [20].

Обладая энциклопедическими знаниями истории и современном для того времени состоянии зарубежной психологии, Тутунджян в своих публикациях знакомит советских психологов с исследованиями ведущих зарубежных коллег, прежде всего французских психологов. Отметим его монографию “Психологическая концепция Анри Валлона”, вышедшую в свет в 1966 г. в Ереване на русском языке [12], а также работу, в которой рассматриваются труды Т. Рибо (T. Ribot) и А. Пьерона (H. Piéron) [16]. Результаты исследований Тутунджяна по истории развития психологической науки в Франции получают обобщение в докторской диссертации “Из истории научной психологии во Франции”, которую он успешно защищает в 1967 г. в Московском государственном университете им. М.В. Ломоносова [13]. Проведенный цикл работ по истории научной психологии в Франции получает высокие оценки французских коллег. В работах Тутунджяна рассматриваются также исследования ведущих представителей психологической науки других стран, в том числе США и Канады [15]. В своих публикациях по истории психологии Тутунджян не ограничивается изложением содержания работ зарубежных психологов и проводит их критический научный анализ.

Необходимо подчеркнуть огромный вклад Тутунджяна в разработку основ историографии психологических исследований в Армении, истоки которых обнаруживаются в далеком прошлом. Изучая труды армянского философа Давида Непобедимого (V-VI вв.), Тутунджян выделяет в них принципиальные положения, перекликающиеся с современным пониманием психики человека:

- постоянство и неразрывность психических явлений;

- психические процессы человека проявляются не только в состоянии бодрствования, но и сна;

- важная роль в процессе познания принадлежит ощущениям и воображению человека;

— влияние субъективных оценок человека на протекание его познавательных процессов [18].

Важное значение для историографии армянской психологии имеет сборник “Советская армянская психология (избранные страницы)” вышедшей в 1988 году на армянском языке. В нем впервые публикуются научные труды армянских психологов в разных областях психологии и обосновывается принципиальный вывод о создании армянской психологической школы [21].

Среди научных работ Тутунджяна особо следует отметить его заключительный прижизненно опубликованный труд — “Психологические этюды”, вышедший в свет в 1991 г. в издательстве Ереванского государственного университета. В нем излагаются воззрения автора на психологическую науку, рассматривается значение психологической теории и практики для жизни общества и личности, проводится анализ состояния армянской психологии и обсуждаются перспективы ее развития. Заключительный раздел посвящен встречам Тутунджяна на международных конференциях с ведущими учеными и психологами разных стран — Г. Селле, А. Валлоном, Р. Заззо и др. [22]. В этой книге он не только подводит итоги своей научной деятельности, но и ставит перед будущими поколениями психологов новые исследовательские проблемы.

Научное наследие Тутунджяна составляют 106 опубликованных научных работ, в том числе 5 монографий, 11 коллективных монографий и сборников под его научной редакций. Результаты исследований Тутунджяна упоминаются в 201 научных публикациях других авторов. При всей многоплановости исследований Тутунджяна можно указать две методологические линии их проведения. Теоретико-аналитическая линия реализуется в исследованиях по истории психологической науки, их конечная цель — создание научной картины развития психологических знаний в зарубежных странах и Армении. Теоретико-практическая линия реализуется в исследованиях по педагогической, детской и спортивной психологии. Их конечная цель — включение результатов психологических исследований в решение значимых для общества педагогических задач в сферах школьного и высшего профессионального образования. Выполнение этих задач не сводилось к традиционной разработке научно обоснованных рекомендаций и потребовало от Тутунджяна значительных усилий по решению ряда научно-организационных проблем, в том числе открытия в Ереванском государственном университете кафедры психологии и исследовательской лаборатории инженерной

психологии, введения в учебный процесс специализации “Психология” и др.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Профессор Овсеп Мовсесович Тутунджян сочетал и успешно реализовал свои незаурядные исследовательские, педагогические и организационные способности. В памяти его коллег, учеников и близких сформировался его образ как глубокого ученого, талантливого преподавателя, принципиального и доброжелательного человека [2]. В связи с 80-летием со дня рождения О.М. Тутунджяна в Ереванском государственном университете была проведена конференция, на которой обсуждалось значение его научного наследия для развития психологической науки [1]. Международное признание научных заслуг О.М. Тутунджяна проявилось в его избрании почетным членом французского Общества психологов (1979 г.), Ученого совета Института психосоматики (г. Сан-Паулу, Бразилия, 1978), а также ряда других зарубежных Обществ психологов и Ученых советов.

В 1956 г. за активную научную и педагогическую деятельность О.М. Тутунджяну присвоено почетное звание Заслуженного работника Республики Армения. Он награжден медалью “За доблестный труд” им. Х. Абовяна и медалью им. В. Вундта. В связи с 75-летием со дня рождения и 50-летием научно-педагогической деятельности О.М. Тутунджян был награжден Эчмиадзинским Патриаршеством почетной медалью “Святой Месроп и Святой Саак”.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Исторические и теоретические вопросы психологии. Сборник материалов конференции, посвященной 80-летию проф. О.М. Тутунджяна — Ереван: Издательство ЕГУ, 2001. 168 с. (на арм. яз.)
2. Катунян А.С. Овсеп Мовсесович Тутунджян, жизнь и деятельность — Ереван: Издательство Зангак, 2008. 95 с. (на арм. яз.)
3. Психология (лица и факты). Учебное пособие под редакцией Г.М. Аванесяна — Ереван: Издательство ЕГУ, 2010. 204 с. (на арм. яз.)
4. Пуни А.Ц. Воспитание воли спортсмена. — О-во по распространению полит. и научн. знаний РСФСР. Ленингр. отд-ние: Ленинград, 1958. 34 с.
5. Саргсян Д.Ю. История психологии — Ереван: Издательство ЕГУ, 2022. 271 с. (на арм. яз.)
6. Тутунджян О.М. Формирование воли старших школьников в процессе занятий физическими

- упражнениями (на примере работы спортивной школы) — автореф. дис. на соиск. уч. ст. канд. пед. наук (по психологии). М., 1956. 16 с.
7. Тутунджян О.М. Формирование уверенности в своих силах у школьников в спорте // Вопросы психологии, 1958. № 4. С. 128–135.
 8. Тутунджян О.М. Воспитание внимания младших школьников в процессе обучения — Ереван, Научно-исследовательский институт школ: Изд-во “Армгособразование”, 1959. 82 с. (на арм. яз.).
 9. Тутунджян О.М. Связь развития двигательного навыка и волевых качеств // Теория и практика физической культуры. 1959. № 4. С. 226–270.
 10. Тутунджян О.М. Основные особенности устной речи и младших школьников // Советский педагог. 1960. № 1. С. 100–102 (на арм. яз.).
 11. Тутунджян О.М. Психологические особенности младших школьников. Ереван: Издательство “Ай-пет”, 1962. 218 с. (на арм. яз.).
 12. Тутунджян О.М. Психологическая концепция Анри Валлона. Ереван: Изд-во Айстан, 1966. 211 с.
 13. Тутунджян О.М. Из истории научной психологии во Франции. дис. ... докт. пед. Наук. М., 1967.
 14. Тутунджян О.М. Исследовательская работа по детской и педагогической психологии в Армении // Вопросы психологии. 1971. № 3. С. 132–137.
 15. Тутунджян О.М. Изучение истории психологии в США. Материалы конференции по теории и истории психологии. Ереван: Издательство ЕГУ, 1976. С. 28–33.
 16. Тутунджян О.М. Историография французской психологии // Proceeding of XV international congress of the science. — Edinburg, 10–15 August, 1977. Published Edinburg University Press, Edinburg, 1978.
 17. Тутунджян О.М. Основные проблемы преподавания психологии в ВУЗе // Советский педагог, 1979. № 14. С. 61–68. (на арм. яз.)
 18. Тутунджян О.М. Психологические идеи Давида Анахта (Непобедимого). Ереван: Издательство АН Армянской ССР, 1980. 13 с.
 19. Тутунджян О.М. Психологические проблемы ребенка — Ереван: Издательство ЕГУ, 1980. 188 с. (на арм. яз.).
 20. Тутунджян О.М. Международный сборник о психологической историографии // Психологический журнал. 1981. № 2. С. 113–121.
 21. Тутунджян О.М. Советская армянская психология. Избранные страницы. Ереван: Издательство ЕГУ, 1988. 526 с. (на арм. яз.)
 22. Тутунджян О.М. Психологические этюды — Ереван: Издательство ЕГУ, 1991. 408 с. (на арм. яз.)

SCIENTIFIC HERITAGE OF PROFESSOR O. M. TUTUNJYAN (TO THE 105th ANNIVERSARY OF BIRTH)

R. V. Aguzumtsyan

*Academy of Public Administration of the Republic of Armenia,
0028, Yerevan, st. Kievyan, 8, Armenia.
Candidate of Psychological Sciences, Professor.
E-mail: rvaghuzumtsyan@list.ru*

Received 06.07.2023

Abstract. The multifaceted scientific contribution to psychological science of the famous Armenian scientist O.M. Tutunjan is considered (1918–1994). The main directions of his research are highlighted — the history of foreign and Armenian psychology, educational, child and sports psychology. Research on the history of foreign psychology has received international recognition, including the election of O.M. Tutunjan as an honorary member of the French Society of Psychologists, the Academic Council of the Institute of Psychosomatics (Sao Paulo, Brazil), and a number of other foreign Societies of Psychologists and Academic Councils.

Keywords: Tutunjan O.M., history of foreign psychology, pedagogical, child and sports psychology, historiography of psychology in Armenia.

REFERENCES

1. Istoricheskie i teoreticheskie voprosy psihologii. Sbornik materialov konferencii, posvjashhennoj 80-letiju prof. O.M. Tutundzhjana — Erevan: Izdatel'stvo EGU, 2001. 168 p. (In Armenian)
2. *Katunjan A.S.* Ovsep Movsesovich Tutundzhjan, zhizn' i dejatel'nost' — Erevan: Izdatel'stvo Zangak, 2008. 95 p. (In Armenian)
3. Psihologija (lica i fakty). Uchebnoe posobie pod redakciej G.M. Avanesjana — Erevan: Izdatel'stvo EGU, 2010. 204 p. (In Armenian)
4. *Puni A.C.* Vospitanie voli sportsmena. — O-vo po rasprostraneniu polit. i nauchn. znaniy RSFSR. Leningr. ot-dnie: Leningrad, 1958. 34 p.
5. *Sargsjan D. Ju.* Istorija psihologii — Erevan: Izdatel'stvo EGU, 2022. 271 p. (na arm. jaz.)
6. *Tutundzhjan O.M.* Formirovanie voli starshih shkol'nikov v processe zanjatij fizicheskimi uprazhnenijami (na primere raboty sportivnoj shkoly) — avtoref. dis.na soisk. uch. st. kand. ped. nauk (po psihologii). Moscow, 1956. 16 p.
7. *Tutundzhjan O.M.* Formirovanie uverenosti v svoih silah u shkol'nikov v sporte. Voprosy psihologii, 1958. № 4. P. 128–135.
8. *Tutundzhjan O.M.* Vospitanie vnimanija mladshih shkol'nikov v processe obuchenija — Erevan, Nauchno-issledovatel'skij institut shkol: Izd-vo "Armgosobra-zovanie", 1959. 82 p. (In Armenian)
9. *Tutundzhjan O.M.* Svjaz' razvitija dvigatel'nogo navyka i volevyh kachestv. Teorija i praktika fizicheskoy kul'tury. 1959. № 4. P. 226–270.
10. *Tutundzhjan O.M.* Osnovnye osobennosti ustnoj rechi i mladshih shkol'nikov. Sovetskij pedagog. 1960. № 1. P. 100–102 (In Armenian).
11. *Tutundzhjan O.M.* Psihologicheskie osobennosti mladshih shkol'nikov. Erevan: Izdatel'stvo "Ajpet", 1962. 218 p. (In Armenian).
12. *Tutundzhjan O.M.* Psihologicheskaja koncepcija Anri Val-lona. Erevan: Izd-vo Ajstan, 1966. 211s.
13. *Tutundzhjan O.M.* Iz istorii nauchnoj psihologii vo Fran-cii. Dis. ... dokt. ped. nauk. M., 1967.
14. *Tutundzhjan O.M.* Issledovatel'skaja rabota po detskoj i pedagogicheskoj psihologii v Armenii. Voprosy psiholo-gii. 1971. № 3. P. 132–137.
15. *Tutundzhjan O.M.* Izuchenie istorii psihologii v SShA. Materialy konferencii po teorii i istorii psihologii — Ere-van: Izdatel'stvo EGU, 1976. P. 28–33.
16. Tutundzhjan O.M. Istorigrafija francuzskoj psihologii. Proceeding of XV international congress of the science. — Edinburg, 10–15 August, 1977. Published Edinburgh University Press, Edinburgh, 1978.
17. *Tutundzhjan O.M.* Osnovnye problemy prepodavanija psi-hologii v VUZe. Sovetskij pedagog, 1979. № 14. P. 61–68. (In Armenian)
18. Tutundzhjan O.M. Psihologicheskie idei Davida Anahta (Nepobedimogo). Erevan: Izdatel'stvo AN Armjanskoj SSR, 1980. 13 p.
19. *Tutundzhjan O.M.* Psihologicheskie problemy rebenka — Erevan: Izdatel'stvo EGU, 1980. 188 p. (In Armenian).
20. *Tutundzhjan O.M.* Mezhdunarodnyj sbornik o psiho-logicheskoj istoriografii. Psikhologicheskii zhurnal. 1981. № 2. P. 113–121.
21. *Tutundzhjan O.M.* Sovetskaja armjanskaja psihologija. Iz-brannnye stranicy. Erevan: Izdatel'stvo EGU, 1988. 526 p. (In Armenian)
22. *Tutundzhjan O.M.* Psihologicheskie jetjudy. Erevan: Iizdatel'stvo EGU, 1991. 408 p. (In Armenian)

ПАМЯТНЫЕ ДАТЫ

УДК 159.9.01

О НАУЧНОМ ТВОРЧЕСТВЕ И ЛИЧНОСТИ АКАДЕМИКА РАО А.А. БОДАЛЕВА (К 100-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ)

© 2023 г. В. А. Лабунская^{1,*}, Т. П. Скрипкина^{2,**}

¹Южный федеральный университет, Академия психологии и педагогики;
344038, г. Ростов-на-Дону, пр. М. Нагибина, д. 13, оф. 219, Россия

²Государственный университет управления;
109542, г. Москва, Рязанский проспект, д. 99, Россия.

*Доктор психологических наук, профессор кафедры социальной психологии.

E-mail: vlab@aanet.ru

**Доктор психологических наук, профессор кафедры социологии, психологии управления и истории.

E-mail: skripkinaurao@mail.ru

Поступила 29.05.2023

Аннотация. Рассматривается научно-творческая деятельность А.А. Бодалева — создателя уникальной научной школы, направленной на исследование закономерностей, механизмов и феноменов, определяющих восприятие, познание и понимание людьми друг друга, общение, взаимодействие, взаимоотношения в разных социокультурных условиях, контекстах и ситуациях. Подчеркивается, что идеи, представленные в работах А.А. Бодалева, существенно повлияли на формирование предметного поля отечественной психологии. Предпринята попытка создать портрет личности А.А. Бодалева как выдающегося ученого, организатора отечественной науки и психологической практики и как субъекта общения.

Ключевые слова: академик А.А. Бодалев, общение, межличностное восприятие, личность, отношения, закономерности, феномены.

DOI: 10.31857/S020595920027729-7

“Человек есть тайна.

Ее надо разгадать,

и ежели будешь разгадывать ее всю жизнь,

то не говори, что потерял время:

я занимаюсь этой тайной, ибо хочу быть человеком”.

Ф.М. Достоевский

(эпиграф к книге А.А. Бодалева

“Вершина в развитии взрослого человека”)

13 октября 2023 года исполняется 100 лет со дня рождения А.А. Бодалева, одного из самых известных ученых-психологов в России. Его вклад в развитие советской и российской социальной психологии, психологии общения и психологии личности трудно переоценить. Жизненный путь А.А. Бодалева был богат на всевозможные события. Свои первые шаги в профессии он сделал, работая учителем логики и психологии, классным руководителем одной из ленинградских школ. Научную деятельность Алексей Александрович начал в Ленинградском университете, который закончил в 1950 году, а уже в 1953 защитил кандидатскую

диссертацию на тему “Формирование требовательности к себе у старшего школьника”. В 1966 году была защищена докторская диссертация на тему “Восприятие и понимание человека человеком”. В 1976 году он организовал и возглавил первую в стране лабораторию по изучению социальной перцепции. Открытие такой лаборатории, развитие социально-перцептивного подхода было обозначено известным отечественным психологом В.Н. Панферовым, как “поворот к человеку” [22]. В 1979 г. А.А. Бодалев организовал первую в стране службу психологического консультирования и оказания помощи родителям, испытывающим трудности в воспитании. По мнению А.Ф. Копьева, “...он понимал необходимость “помогающей психологии”, объективную нужду в психологической практике — в психотерапии и консультировании. ... он сыграл иницилирующую роль в становлении современной практической психологии” [29, с. 94–101]. А.А. Бодалев организовал коллектив ученых, практиков с целью разработки “Общей психодиагностики”, которую он рассматривал

в качестве раздела психологического знания, возникающего "... на стыке фундаментальных отраслей психологии с практическими запросами жизни" [4; 17, с. 3]. С целью развития проблематики личности, общения и межличностного восприятия А.А. Бодалев создает в 1982 г. на факультете психологии МГУ лабораторию "Психология общения".

Профессиональный творческий путь А.А. Бодалева с опорой на документы, в том числе архивные, представлен в коллективной монографии [25], он отражен в ряде статей, подводящих итоги работы всесоюзных, всероссийских конференций, посвященных общению и межличностному познанию [5–6; 8–9; 11; 15; 26; 34], представлен в материалах круглых столов, проведенных в связи с определенными этапами жизненного пути Алексея Александровича [10; 12–13; 23; 31], отражен в уникальной коллективной монографии "Психология общения: школа академика А.А. Бодалева" [29]. За годы научно-творческой деятельности А.А. Бодалев создал уникальную научную школу, представители которой собрали огромный массив данных, фактов, раскрывающих закономерности, механизмы общения, указывающих на детерминанты восприятия, познания и понимания людьми друг друга в разных социокультурных условиях, контекстах и ситуациях [7; 11; 14; 21; 25; 29]. В.Н. Панферов [22], ссылаясь на обобщения Т.П. Скрипкиной, Н.Л. Карповой [33], подчеркивает, что направление, созданное А.А. Бодалевым, является своеобразным и указывает на самобытность его научной школы. Он констатирует, что сформулированные А.А. Бодалевым психологические проблемы отношений между людьми, выделенные им многообразные аспекты общения, сложные соотношения отражения, обращения являются актуальными проблемами современной науки [21–22; 29]. К категориям "общение", "личность", "отношение", "внешний облик", "опыт" А.А. Бодалев обращался на протяжении всей своей научной деятельности, каждый раз напоминая о том, что общение, различные виды взаимодействия, опыт познания и отношения между людьми включаются в бытие человека и изменяются в соответствии с трансформациями его жизни [1, с. 109]. А.А. Бодалев уделял особое внимание повседневному общению, которое является неотъемлемой частью бытия человека, и полагал, что каждый человек осознанно либо неосознанно обращает внимание на внешность партнера. При этом он предложил трактовку взаимосвязей между внешним обликом человека и психологическими, социально-психологическими особенностями личности, высказав принципиально важную для понимания этой взаимосвязи идею о том, что «совокупность признаков» существует не сама по себе,

а выступает как показатель скрытых для непосредственного наблюдения психических процессов и свойств личности» [1, с. 99].

Развитие идей, заложенных в работах А.А. Бодалева, существенно повлияло на формирование в рамках отечественной психологии новых предметных областей, на развитие психологии общения и межличностного познания, которая изучается поколениями исследователей до настоящего времени [5; 10; 21; 24–25; 31]. Многих из них он называет в статье, посвященной истории разработки проблем познания людьми друг друга в СССР и России [2]. Алексей Александрович, благодаря своей научно-творческой деятельности, неумной энергии, постоянной включенности в работу дал путевку в жизнь огромному количеству людей, включая тысячи студентов. Под его руководством защищено 134 кандидатских и 27 докторских диссертаций. Многие из его учеников сегодня стали видными отечественными учеными.

Анализ научного творчества А.А. Бодалева свидетельствует, что его всегда интересовали "тонкие струны" человеческой души, из которых складывается внутреннее содержание человека, презентуемое во внешнем облике в контексте межличностных отношений. Выполняя разнообразные исследования вместе со своими учениками, А.А. Бодалев проследил связи характеристик образа другого человека, понимания его внутреннего мира, с одной стороны, и индивидуально-психологических особенностей тех людей, которые выступают в качестве субъектов познания — с другой. А.А. Бодалев представил в своей книге [3] концептуальные статьи, в которых с различных сторон обсуждается проблема взаимосвязи, взаимовлияния, взаимодействия личности и общения. Он рассматривал такие явления, как "круг ближайшего общения", "значимость межличностного общения", погружая эти явления в различные ситуативные контексты, отмечая зависимость их динамики от многочисленных факторов. Прямо или косвенно А.А. Бодалев, опираясь на идеи В.Н. Мясищева, констатировал зависимость отношений между партнерами от опыта общения, выделял когнитивные, эмоциональные, поведенческие компоненты отношения, делал акцент на неизбежности взаимодействия образов, представлений, оценок с переживаниями, которые придают значимость различным видам общения. Если следовать теоретическим положениям концепции А.А. Бодалева, раскрывающей взаимодействие личности и общения, то на первый план выходит категория "отношения" как объяснительный принцип, как системообразующий фактор [23].

Развивая идеи А.А. Бодалева о категории отношений, Т.П. Скрипкиной была разработана концепция такого фундаментального явления, как доверие, которая была названа “концепцией доверительных отношений личности”, где автором были выделены три фундаментальные доверительные установки отношений личности “доверие к миру”, “доверие к другим” и “доверие к себе” [32].

Для подхода А.А. Бодалева является характерным акцент на интегральных личностных образованиях, опосредующих результаты общения и в то же время отражающих взаимовлияние личности и общения. А.А. Бодалев большое внимание уделял нравственности личности, за которой стоят нравственные отношения. Он подчеркивал, что личностные ценностные ориентиры в общении всегда воплощаются в определенных способах обращения с партнером и считал, что первостепенным условием развития личностных качеств, необходимых для успешного общения, является формирование у личности направленности, при которой “другие люди стояли бы не на периферии, а в центре складывающейся у него системы ценностей” [3]. На основе этих выводов сформировался ценностно-смысловой (онтологический) подход к общению, предполагающий интеграцию усилий специалистов, работающих в различных научных областях, раскрывающий механизмы функционирования общностей и их бытия в соответствии с ценностями жизни и культуры [25; 31]. По мнению А.А. Бодалева, исследуя структуру и содержание образов и понятий, изучая систему превалирующих у человека отношений, наблюдая за его речевым и неречевым поведением, мы проникаем в “коммуникативное ядро личности” [3]. Опосредованный подход (через различные результаты общения) является в современной психологии, в ее прикладных областях наиболее востребованным.

Отдельно стоит остановиться на последнем фундаментальном труде, выполненном под руководством и под общей редакцией А.А. Бодалева. Речь идет об энциклопедическом словаре “Психология общения” [30]. Достаточно сказать, что словарь содержит более 1100 статей, написанных 340 авторами (ученики, последователи, представители различных направлений психологической науки). Следует отметить, что, несмотря на уже преклонный возраст, Алексей Александрович внимательно следил за каждым этапом работы над словарем и очень ответственно вычитывал каждую его статью. Размышляя над творчеством А.А. Бодалева, прослеживая развитие его идей, мы приходим к выводу о разноплановости, многообразии его научно-го наследия, к выводу о том, что его работы

достаточно полно были проанализированы [5; 7; 9–11; 18–21; 27–29].

В заключение мы хотели бы представить коллективный портрет личности А.А. Бодалева, полагая, что в статье, посвященной такому значимому событию, как 100-летие со дня рождения, важно обратиться к воспоминаниям людей, которые встречались с Алексеем Александровичем, работали вместе с ним, причисляли себя к школе академика А.А. Бодалева. С этой целью мы рассмотрели ряд публикаций [5; 10; 24–25; 29–30], в которых зафиксировано: 1) какие идеи А.А. Бодалева привели к изучению социальной перцепции, личности и общения; 2) как развивались отношения между А.А. Бодалевым и субъектом воспоминаний; 3) каким образом отразилась личность А.А. Бодалева в центральных пожеланиях его концепции. Ниже мы остановимся на тех личностных особенностях А.А. Бодалева, которые, прежде всего, говорят о нем, как о субъекте жизни, о субъекте общения и взаимодействия. Так, Т.А. Аржакаева сообщает о том, что А.А. Бодалев “являлся носителем нравственности в самом высоком понимании этого слова. Все то, о чем писали сотрудники лаборатории в научных статьях и монографиях про гуманистические отношения и диалогическое общение, присутствовало здесь и теперь в пространстве лаборатории [29, с. 340]. К такому же выводу приходит Г.В. Дьяконов, подчеркивая “деликатность Алексея Александровича, готовность поддержать идеи, планы и фантазии аспирантов — все эти особенности были органичными и постоянными характеристиками недирективно-гуманистического стиля научного руководства аспирантами академика А.А. Бодалева” [29, с. 344–347]. Безупречную вежливость в качестве председателя экспертного совета, предупредительность, профессиональную заинтересованность Алексея Александровича отмечает И.А. Зимняя, которая констатирует, что на заседаниях всегда царила атмосфера доверия, творческого обсуждения, сглаживания возможного резкого противостояния мнений, оценок. А.А. Бодалев был скромным, глубоко, по-питерски, интеллигентным ученым [29, с. 342–344]. Е.А. Петрова вспоминает, что ее тревожность перед встречей с А.А. Бодалевым полностью исчезла, когда перед ней предстал интеллигентный человек, отличающийся аристократичностью, безупречностью манер поведения в личной коммуникации, умеющий понимать других людей [29, с. 368–369]. Об эмпатическом отношении к деятельности другого человека, о ярко выраженном сопереживании, о стремлении разделить ответственность вспоминает Н.Л. Карпова и подчеркивает грамотность А.А. Бодалева и ответственность за написанное [29,

с. 331–332]. Внимательное и доброжелательное отношение к младшим коллегам, как к равным, отмечает в личности Алексея Александровича В.А. Толочек, указывая на то, что его внешний облик, манера держаться, стиль речи напоминал ему академика Д.С. Лихачева [29, с. 384–385].

О том, что Алексей Александрович был человеком, который “чувствовал пульс реальной жизни”, был далек от “казенного оптимизма”, сообщает А.Ф. Копьев [29, с. 94–101]. А.А. Бодалев умел собирать вокруг себя людей, быть заинтересованным собеседником, видеть успехи своих учеников, ободрять их в трудные моменты жизни, быть настойчивым в достижении поставленной цели. Об этих чертах личности Алексея Александровича пишет В.А. Лабунская [29], а Л.И. Рюшина подчеркивает, что А.А. Бодалев был человеком, олицетворявшим нравственно-ценностные компоненты “коммуникативного ядра личности”, выступавшим в роли “коммуникативного ядра”. Он объединил усилия многих теоретиков и практиков, направленных на развитие психологии общения [25]. О стремлении А.А. Бодалева поддержать и создать условия для развития новых предметных областей психологии пишет Л.В. Матвеева [16, с. 125–131]. Она утверждает, что благодаря усилиям Алексея Александровича удалось наладить конструктивный и творческий контакт с руководством телевизионными каналами, принять участие в первых съемках международных телемостов и т.д. В.Н. Панферов считает, что на передний план психологической науки и практики вышел человек со своей психологией, как явление общественного бытия, подчеркивая “незаурядную настойчивость” А.А. Бодалева, его “организаторский талант” [22, с. 361–364]. Другие черты личности А.А. Бодалева, обращаясь к своим студенческим годам, отмечает Т.И. Пашукова, подчеркивая то, что студентам нравился стиль лекций, логичность в изложении разнообразного материала, что в кооперации с коллегами создавались первые учебные пособия по акмеологии [29, с. 329–330]. По мнению К.М. Романова, “высокие звания, ученые степени, государственные награды не затмили в А.А. Бодалеве редкий дар человечности и гуманности. Он всегда был “подлинным и великим человеком”, общаясь с которым мы и сами чувствовали себя людьми ...” [29, с. 177–179]. Поражало это качество “быть человеком” В.Е. Семенова, который отмечал несомненный интерес А.А. Бодалева к научному процессу, к своим ученикам, которые также трепетно относились к своему учителю [29, с. 371]. Первая консультация от Алексея Александровича, по словам его аспирантки — Т.П. Скрипкиной, помогла ей изменить образ мыслей, выстроить новую программу

научного исследования на весь срок обучения. Такое руководство она назвала “стратегическим” [29, с. 375–277]. О широте взглядов, образованности, культуре А.А. Бодалева, его скромности вспоминает И.Б. Ханина [29, с. 385–386].

Данный раздел статьи можно завершить словами В.Э. Чудновского: “Какое счастье, что рождаются люди на планете Земля, чья жизнь, чья воля, разум, сердце и чувства отданы своим родным и близким, сотоварищам, сотрудникам, а по большому счету — Отечеству. Все, что есть в Божьих заповедях, им порождается в общении с людьми. ...есть среди нас Божий человек с собственным ликом святости, освященный совестью и даром любви. ... он в повседневной жизни являет собой образец высочайшего уровня человеческого общения, ... всегда отличало Алексей Александровича — новаторство, гуманистическая направленность работ и самоотверженное трудолюбие” [29, с.322–323].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Бодалев А.А.* Восприятие и понимание человека человеком. М.: МГУ, 1982.
2. *Бодалев А.А.* История разработки проблем познания людьми друг друга: СССР-Россия // Человек. Сообщество. Управление. 2004. № 1. С. 57–68.
3. *Бодалев А.А.* Личность и общение. М.: Международная педагогическая академия, 1995.
4. *Бодалев А.А., Столин В.В., Аванесов В.С.* Общая психодиагностика. СПб.: “Речь”, 2000.
5. *Васюра С.А., Сидоров К.Р.* Алексей Александрович Бодалев: жизненный путь, творчество и научная школа // Вестник Удмуртского университета. Серия: Философия. Психология. Педагогика: научный журнал. 2016. Т. 26. № 3. С. 26–32.
6. Вопросы психологии познания людьми друг друга (в семье, в школе, в производственных коллективах): Тезисы Всесоюз. науч. конференции / Отв. ред. А.А. Бодалев, О.Г. Кукосян. Краснодар: Кубанский госуниверситет, 1979.
7. *Дьяконов Г.В.* Основы диалогического подхода в психологической науке и практике. Кировоград: РВЦ КГПУ им. В. Винниченко, 2006.
8. *Ермаков П.Н., Лабунская В.А.* Международная конференция “Психология общения: социокультурный анализ” // Психологический журнал. 2004. Т. 25. № 2. С. 132–133.
9. *Карпенко Л.А.* Научный вклад А.А. Бодалева и его школы в развитие психологической науки // “Круглый стол памяти А.А. Бодалева” в рамках юбилейной конференции МПО “От истоков к современности” (130 лет организации Психологического

- общества при Московском университете): Сб. материалов / Под ред. Н.Л. Карповой, Т.И. Пашуковой. М.: Психологический институт РАО, 2015. С. 14–19.
10. Карпова Н.Л., Пашукова Т.И. Круглый стол “Школа А.А. Бодалева: теория, методология, практика” (к 90-летию А.А. Бодалева) // Психологический журнал. 2014. Т. 35. № 3. С. 134–137.
 11. Климов Е.А., Скрипкина Т.П. Рецензия на книгу “Познание человека человеком” (под редакцией А.А. Бодалева, Н.В. Васиной) // Психологический журнал. 2006. Т. 27. № 5. С. 125–128.
 12. Ковалев Г.А., Лабунская В.А., Яценко Т.С. Проблемы психологии общения // Вопросы психологии. 1983. № 4. С. 171–172.
 13. Лабунская В.А. Общение и познание людьми друг друга в трудах А.А. Бодалева: современный взгляд на фундаментальные проблемы (материалы круглого стола) // Российский психологический журнал. 2015. Т. 12. № 1. С. 6–11.
 14. Лабунская В.А. От психологии внешнего облика А.А. Бодалева к построению эмпирических моделей изучения отношения к этнолукизму в обыденном общении // Лицо человека в пространстве общения / Отв. ред. К.И. Ананьева, В.А. Барабанщиков, А.А. Демидов. М.: Когито-Центр, 2016. С. 73–97.
 15. Лабунская В.А., Карпова Н.Л., Дьяконов Г.В. Международная конференция “Психология общения: социокультурный анализ” // Мир психологии. 2004. № 3 (39). С. 259–270.
 16. Матвеева Л.В. Роль А.А. Бодалева в становлении общепсихологического направления исследований феноменов массовой коммуникации / Психология общения: школа академика А.А. Бодалева / Под ред. Н.Л. Карповой, В.А. Лабунской, Т.И. Пашуковой. М.: Ассоциация школьных библиотекарей русского мира (РШБА), 2017. С. 124–132.
 17. Общая психодиагностика / Под ред. А.А. Бодалева, В.В. Столина. М.: МГУ, 1988.
 18. Общение в эпоху конвергенции технологий. Сборник статей / Под ред. Н. Карповой, Е. Петровой, О. Зотовой. М.: Психологический институт РАО, 2022.
 19. Общение и познание людьми друг друга в трудах А.А. Бодалева: современный взгляд на фундаментальные проблемы (Круглый стол памяти А.А. Бодалева). Ростов-на-Дону: ЮФУ, 2015.
 20. Общение — 2006: на пути к энциклопедическому знанию. Материалы международной конференции / Под ред. А.А. Бодалева. М.: Некоммерческое партнерство “Академия имиджологии”, 2006.
 21. Панферов В.Н. Методологические последствия изучения социальной перцепции // Методология и история психологии. 2009. № 3. С. 142–153.
 22. Панферов В.Н. Социальная перцепция — поворот к человеку / Психология общения: школа академика А.А. Бодалева / Под ред. Н.Л. Карповой, В.А. Лабунской, Т.И. Пашуковой. М.: Ассоциация школьных библиотекарей русского мира (РШБА), 2017. С. 361–364.
 23. Пашукова Т.И. Соотношение категорий “общение” и “отношение” в трудах академика РАО, А.А. Бодалева // “Круглый стол памяти А.А. Бодалева” в рамках юбилейной конференции МПО “От истоков к современности” (130 лет организации Психологического общества при Московском университете): Сб. материалов / Под ред. Н.Л. Карповой, Т.И. Пашуковой. М.: Психологический институт РАО, 2015. С. 72–78.
 24. Петрова Е.А. Научная школа А.А. Бодалева как исток психосемантического подхода к общению / Психология общения: школа академика А.А. Бодалева / Под ред. Н.Л. Карповой, В.А. Лабунской, Т.И. Пашуковой. М.: Ассоциация школьных библиотекарей русского мира (РШБА), 2017. С. 167–172.
 25. Прикладная психология общения и межличностного познания: коллективная монография / Под ред. Л.И. Рюминой. М.: КРЕДО, 2015.
 26. Психология общения — 2000: состояние и перспективы. Тезисы докладов Международной конференции / Под ред. А.А. Бодалева. М.: МГУ, 2000.
 27. Психология общения XXI век: 10 лет развития. Материалы конференции: в 2 томах / Отв. ред. А.А. Бодалев. М.: ИГ-СОЦИН, 2009.
 28. Психология общения и доверия: теория, практика: Сб. материалов межд. конференции / Под ред. Т.П. Скрипкиной. М.: Университет РАО, 2014.
 29. Психология общения: школа академика А.А. Бодалева / Под ред. Н.Л. Карповой, В.А. Лабунской, Т.И. Пашуковой. М.: Ассоциация школьных библиотекарей русского мира (РШБА), 2017.
 30. Психология общения. Энциклопедический словарь. 2-е издание, исправленное и дополненное / Под общ. ред. А.А. Бодалева. М.: Изд-во “Когито-Центр”, 2015.
 31. Рюмина Л.И. Роль идей А.А. Бодалева в развитии онтологического взгляда на общение // Личность и бытие: субъектный подход. Материалы VI Всероссийской научно-практической конференции. Краснодар: ООО “Просвещение-Юг”, 2013. С. 95–97.
 32. Скрипкина Т.П. Психология доверия. М.: Изд-во “Академия”, 2000.
 33. Скрипкина Т.П., Карпова Н.Л. Психология общения: школа Бодалева А.А. // Психология общения: Школа академика А.А. Бодалева: Коллективная монография / Под ред. Н.Л. Карповой, В.А. Лабунской, Т.И. Пашуковой. М.: Ассоциация школьных библиотекарей русского мира (РШБА), 2017. С. 15–16.
 34. Теоретические и прикладные проблемы психологии познания людьми друг друга: Тезисы докладов Всероссийской конференции. Краснодар: Кубанский госуниверситет, 1975.

ON THE SCIENTIFIC CREATIVITY AND PERSONALITY OF ACADEMICIAN OF THE RUSSIAN ACADEMY OF EDUCATION A. A. BODALEV (ON THE OCCASION OF THE CENTENARY OF HIS BIRTH)

V. A. Labunskaya^{1,*}, T. P. Skripkina^{2,**}

¹*Southern Federal University. Academy of Psychology and Pedagogy;
344038, Rostov-on-Don, M. Nagibin ave., 13, of. 219, Russia.*

²*State University of Management, Institute of Public Administration and Law;
109542, Moscow, Ryazan ave., 99, Russia.*

**Doctor of Psychological Sciences, Professor of the Department of Social Psychology.
E-mail: vlab@aaanet.ru*

***Doctor of Psychological Sciences, Professor of the Department of Sociology, Management Psychology and History.
E-mail: skripkinaurao@mail.ru*

Received 29.05.2023

Abstract. The article examines the scientific and creative activity of A.A. Bodalev, the creator of a unique scientific school aimed at studying the patterns, mechanisms and phenomena that determine people's perception, cognition and understanding of each other, communication, interaction, relationships in different socio-cultural conditions, contexts and situation. The article emphasizes that the ideas presented in the works of A.A. Bodalev significantly influenced the formation of the subject field of the domestic psychology. It attempts to create a collective portrait of the personality of an outstanding scientist and organizer of Russian science and psychological practice.

Keywords: academician A.A. Bodalev, communication, interpersonal perception, personality, relationships, patterns, phenomena.

REFERENCES

1. Bodalev A.A. *Vospriyatie i ponimanie cheloveka chelovekom*. Moscow: MGU, 1982. (In Russian)
2. Bodalev A.A. *Istoriya razrabotki problem poznaniya lyud'mi drug druga: SSSR-Rossiya. Chelovek. Soobshchestvo. Upravlenie*. 2004. № 1. P. 57–68. (In Russian)
3. Bodalev A.A. *Lichnost' i obshchenie*. Moscow: Mezhdunarodnaya pedagogicheskaya akademiya, 1995. (In Russian)
4. Bodalev A.A., Stolin V.V., Avanesov V.P. *Obshchaya psikhodiagnostika*. Saint Petersburg: "Rech'", 2000. (In Russian)
5. Vasyura S.A., Sidorov K.R. Aleksej Aleksandrovich Bodalev: zhiznennyj put', tvorchestvo i nauchnaya shkola. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya: Filosofiya. Psihologiya. Pedagogika: nauchnyj zhurnal*. 2016. V. 26. № 3. P. 26–32. (In Russian)
6. *Voprosy psikhologii poznaniya lyud'mi drug druga (v sem'e, v shkole, v proizvodstvennykh kolektivakh): Tezisy Vsesoyuz. nauch. Konferencii*. Eds. A.A. Bodalev, O.G. Kukosyan. Krasnodar: Kubanskij gosuniversitet, 1979. (In Russian)
7. D'yakonov G.V. *Osnovy dialogicheskogo podhoda v psikhologicheskoy nauke i praktike*. Kirovograd: RVC KGPU im. V. Vinnichenko, 2006. (In Russian)
8. Ermakov P.N., Labunskaya V.A. *Mezhdunarodnaya konferenciya "Psihologiya obshcheniya: sociokul'turnyj analiz"*. *Psikhologicheskii zhurnal*. 2004. V. 25. № 2. P. 132–133. (In Russian)
9. Karpenko L.A. Nauchnyj vklad A.A. Bodaleva i ego shkoly v razvitie psikhologicheskoy nauki. "Kruglyj stol pamyati A.A. Bodaleva" v ramkah yubilejnoj konferencii MPO "Ot istokov k sovremennosti" (130 let organizacii Psihologicheskogo obshchestva pri Moskovskom universitete): Sb. Materialov. Eds. N.L. Karpova, T.I. Pashukova. Moscow: Psikhologicheskii institut RAO, 2015. P. 14–19. (In Russian)
10. Karpova N.L., Pashukova T.I. *Kruglyj stol "Shkola A.A. Bodaleva: teoriya, metodologiya, praktika" (k 90-letiyu A.A. Bodaleva)*. *Psikhologicheskii zhurnal*. 2014. V. 35. № 3. P. 134–137. (In Russian)
11. Klimov E.A., Skripkina T.P. *Recenziya na knigu "Poznanie cheloveka chelovekom" (pod redakciej A.A. Bodaleva, N.V. Vasinoj)*. *Psikhologicheskii zhurnal*. 2006. V. 27. № 5. P. 125–128. (In Russian)
12. Kovalev G.A., Labunskaya V.A., Yacenko T.P. *Problemy psikhologii obshcheniya. Voprosy psikhologii*. 1983. V. 4. P. 171–172. (In Russian)

13. *Labunskaya V.A.* Obshchenie i poznanie lyud'mi drug druga v trudah A.A. Bodaleva: sovremennyy vzglyad na fundamental'nye problemy (materialy kruglogo stola). Rossijskij psikhologicheskii zhurnal. 2015. V. 12. № 1. P. 6–11. (In Russian)
14. *Labunskaya V.A.* Ot psihologii vneshnego oblika A.A. Bodaleva k postroeniyu empiricheskikh modelej izucheniya otnosheniya k etnolukizmu v obyennom obshchenii. Lico cheloveka v prostranstve obshcheniya. Eds. K.I. Anan'eva, V.A. Barabanshchikov, A.A. Demidov. Moscow: Kogito-Centr, 2016. P. 73–97. (In Russian)
15. *Labunskaya V.A., Karpova N.L., D'yakov G.V.* Mezhdunarodnaya konferenciya "Psihologiya obshcheniya: sociokul'turnyj analiz". Mir psihologii. 2004. № 3 (39). P. 259–270. (In Russian)
16. *Matveeva L.V.* Rol' A.A. Bodaleva v stanovlenii obshchepsihologicheskogo napravleniya issledovaniy fenomenov massovoy kommunikacii. Psihologiya obshcheniya: shkola akademika A.A. Bodaleva. Eds. N.L. Karpova, V.A. Labunskaya, T.I. Pashukova. Moscow: Associaciya shkol'nyh bibliotekarej russkogo mira (RSHBA), 2017. P. 124–132. (In Russian)
17. Obshchaya psihodiagnostika. Eds. A.A. Bodalev, V.V. Stolin. Moscow: MGU, 1988. (In Russian)
18. Obshchenie v epohu konvergencii tekhnologij. Sbornik statej. Eds. N. Karpova, E. Petrova, O. Zotova. Moscow: Psikhologicheskii institut RAO, 2022. (In Russian)
19. Obshchenie i poznanie lyud'mi drug druga v trudah A.A. Bodaleva: sovremennyy vzglyad na fundamental'nye problemy (Kruglyj stol pamyati A.A. Bodaleva). Rostov-na-Donu: YUFU, 2015. (In Russian)
20. Obshchenie — 2006: na puti k enciklopedicheskomu znaniyu. Materialy mezhdunarodnoj konferencii. Ed. A.A. Bodalev. Moscow: Nekommercheskoe partnerstvo "Akademiya imidzhologii", 2006. (In Russian)
21. *Panferov V.N.* Metodologicheskie posledstviya izucheniya social'noj percepcii. Metodologiya i istoriya psihologii. 2009. № 3. P. 142–153. (In Russian)
22. *Panferov V.N.* Social'naya percepciya — povorot k cheloveku. Psihologiya obshcheniya: shkola akademika A.A. Bodaleva. Eds. N.L. Karpova, V.A. Labunskaya, T.I. Pashukova. Moscow: Associaciya shkol'nyh bibliotekarej russkogo mira (RSHBA), 2017. P. 361–364. (In Russian)
23. *Pashukova T.I.* Sootnoshenie kategorij "obshchenie" i "otnoshenie" v trudah akademika RAO, A.A. Bodaleva. "Kruglyj stol pamyati A.A. Bodaleva" v ramkah yubilejnoj konferencii MPO "Ot istokov k sovremennosti" (130 let organizacii Psihologicheskogo obshchestva pri Moskovskom universitete): Sb. Materialov. Eds. N.L. Karpova, T.I. Pashukova. Moscow: Psikhologicheskii institut RAO, 2015. P. 72–78. (In Russian)
24. *Petrova E.A.* Nauchnaya shkola A.A. Bodaleva kak istok psihosemanticheskogo podhoda k obshcheniyu. Psihologiya obshcheniya: shkola akademika A.A. Bodaleva. Eds. N.L. Karpova, V.A. Labunskaya, T.I. Pashukova. Moscow: Associaciya shkol'nyh bibliotekarej russkogo mira (RSHBA), 2017. P. 167–172. (In Russian)
25. Prikladnaya psihologiya obshcheniya i mezhlchnostno-go poznaniya: kollektivnaya monografiya. Ed. L.I. Ryumshina. Moscow: KREDO, 2015. (In Russian)
26. Psihologiya obshcheniya — 2000: sostoyanie i perspektivy. Tezisy dokladov Mezhdunarodnoj konferencii. Ed. A.A. Bodalev. Moscow: MGU, 2000. (In Russian)
27. Psihologiya obshcheniya XXI vek: 10 let razvitiya. Materialy konferencii: v 2 tomah. Ed. A.A. Bodalev. Moscow: IG-SOCIN, 2009. (In Russian)
28. Psihologiya obshcheniya i doveriya: teoriya, praktika: Sb. materialov mezhd. Konferencii. Ed. T.P. Skripkina. Moscow: Universitet RAO, 2014. (In Russian)
29. Psihologiya obshcheniya: shkola akademika A.A. Bodaleva. Eds. N.L. Karpova, V.A. Labunskaya, T.I. Pashukova. Moscow: Associaciya shkol'nyh bibliotekarej russkogo mira (RSHBA), 2017. (In Russian)
30. Psihologiya obshcheniya. Enciklopedicheskij slovar'. 2-e izdanie, ispravlennoe i dopolnennoe. Ed. A.A. Bodalev. Moscow: Izd-vo "Kogito-Centr", 2015. (In Russian)
31. *Ryumshina L.I.* Rol' idej A.A. Bodaleva v razvitii ontologicheskogo vzglyada na obshchenie. Lichnost' i bytie: sub"ektnyj podhod. Materialy VI Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii. Krasnodar: OOO "Prosveshchenie-Yug", 2013. P. 95–97. (In Russian)
32. *Skripkina T.P.* Psihologiya doveriya. M.: Izd-vo "Akademiya", 2000. (In Russian)
33. *Skripkina T.P., Karpova N.L.* Psihologiya obshcheniya: shkola Bodaleva A.A. Psihologiya obshcheniya: Shkola akademika A.A. Bodaleva: Kollektivnaya monografiya. Eds. N.L. Karpova, V.A. Labunskaya, T.I. Pashukova. Moscow: Associaciya shkol'nyh bibliotekarej russkogo mira (RSHBA), 2017. P. 15–16. (In Russian)
34. Teoreticheskie i prikladnye problemy psihologii poznaniya lyud'mi drug druga: Tezisy dokladov Vseros. konferencii. Krasnodar: Kubanskij gosuniversitet, 1975. (In Russian)

НАШИ ЮБИЛЯРЫ

НИНА ВАСИЛЬЕВНА КУЗЬМИНА

Нина Васильевна Кузьмина (Головко) родилась 23 сентября 1923 года в г. Нальчик (Кабардино-Балкария). Успешно окончив школу, получила высшее педагогическое образование, защитив диплом в Ленинграде. Получила рекомендацию на обучение в аспирантуре, выбрав в научные руководители Б.Г. Ананьева, который сыграл решающую роль в ее научном становлении как психолога и педагога. Н.В. Кузьмина защитила кандидатскую диссертацию на тему: “Психолого-педагогический анализ трудностей и успехов в работе молодого учителя начальных классов” (1951 г.), после чего несколько лет проработала на должности заведующей кафедрой педагогики и психологии в Вельском учительском институте Архангельской области.

Н.В. Кузьмина работала в ЛГУ, продолжая заниматься педагогической психологией (1956–1984 гг.) и заведовала кафедрой педагогики и педагогической психологии ЛГУ (1969–1984 гг.). В 1961 году она опубликовала знаковую монографию “Формирование педагогических способностей”, которая стала основой для докторской диссертации, в которой были заложены основы фундаментальной акмеологии. Тему докторской диссертации четко определил Б.Г. Ананьев — “Психологическая структура деятельности учителя и формирование его личности”. В ходе выполнения работы были обследованы около 1,5 тысячи учителей с использованием уникальных авторских шкал для измерения образовательной реальности.

В 1978 г. Академия педагогических наук СССР по отделению профессионального образования присвоила Нине Васильевне Кузьминой звание члена-корреспондента.

Нина Васильевна подготовила более 350 диссертантов, из них 40 докторов наук, которые успешно защитились по педагогическим и психологическим наукам. Созданное Ниной Васильевной учение о педагогическом мастерстве характеризуется системным и комплексным подходами. Нина Васильевна выходит за границы предмета педагогики. В центре внимания педагогики, считает она, должен находиться ученик, а учитель должен активно использовать знания по психологии и акмеологии в целях его всестороннего развития. Комплексно сочетая педагогику, психологию и акмеологию, исследуя отражение реальности в психических процессах, состояниях и свойствах, Нина Васильевна создает стройную систему педагогической акмеологии. В 1995 году была опубликована фундаментальная монография “Предмет акмеологии”.

В 2005 г. Нина Васильевна защитила вторую докторскую диссертацию на тему “Акмеологические законы фундаментального образования” по акмеологическим наукам, обосновывающую акмеологическую теорию продуктивного функционирования национальных систем образования.

За время своей научной деятельности Нина Васильевна опубликовала более 300 научных работ. Основными постулатами научного подхода Н.В. Кузьминой являются:

- целостное изучение субъектов образовательного процесса;
- измерение уровней продуктивности специалистов по критерию развития творческой готовности выпускников к продуктивному решению предстоящих задач;
- применение единого критерия качества образования и схем измерения фундаментальных наук в поиске законов фундаментального образования;
- использование “образовательных задач” в качестве единиц измерения меры продуктивности образовательного процесса;
- создание инвариантных идеализированных моделей для поиска закономерных связей между уровнями продуктивного решения образовательных задач по критерию творческой готовности выпускников к их самостоятельному решению;
- создание акмеологической концепции развития продуктивной компетентности специали-

тов всех уровней, рангов, ролевых функций в масштабах страны, обеспечивающих продуктивное функционирование национальных систем образования.

Научный подход Нины Васильевны является глубоким и уникальным, не имеет аналогов в научном психолого-педагогическом мире. Он направлен на гуманизацию современного общества и образования, делает педагогов субъектами развития и защиты фундаментального образования, применяющими акмеологические технологии и акмеологические измерения.

Нина Васильевна Кузьмина внесла неоценимый вклад в развитие педагогической психологии.

Мы желаем замечательному человеку и ученому, коллеге и другу — Нине Васильевне Кузьминой крепкого здоровья, многих лет жизни, счастья и благополучия!

НАШИ ЮБИЛЯРЫ

ОЛЬГА ГЕННАДЬЕВНА НОСКОВА

13 ноября 2023 г. профессор Ольга Геннадьевна Носкова отмечает свой 75-летний юбилей. Психологической общественности она известна как специалист в области психологии труда и истории отечественной прикладной психологии.

О.Г. Носкова окончила факультет психологии МГУ имени М.В. Ломоносова в 1972 г., с кафедрой психологии труда и инженерной психологии связана вся ее научная биография: она прошла путь от старшего лаборанта, ассистента до доцента (1990 г.) и профессора (1999 г.), а с 2013 г. “Заслуженный профессор Московского университета”. Кроме того, О.Г. Носкова состоит в таких научных организациях, как “Российское психологическое общество” (с 1994 г.), “Межрегиональная эргономическая ассоциация” (с 2014 г.), “Российская секция Международной Академии наук” (с 2004 г.).

Ее учителями в студенческие годы были О.В. Овчинникова, Л.Д. Чайнова, Е.Н. Соколов, А.Н. Лентьев, З.А. Решетова, В.П. Зинченко, Ю.В. Котелова. Дипломная работа была выполнена под руководством О.Н. Чернышевой и посвящена исследованию перестройки сенсомоторных навыков намотчиц катушек трансформаторов при их пересадке на станки с иной пространственной организацией органов управления и средств отображения информации, базой работы послужил один из цехов Московского электрозавода имени В.В. Куйбышева.

Глубокий интерес к индустриальной психотехнике сложился благодаря доценту Ю.В. Котеловой,

которая познакомила О.Г. Носкову с многими оригинальными психологическими изданиями начала XX в., с участниками психотехнического движения и их близкими (Носкова участвовала в передаче материалов и документов И.Н. Шпильрейна и С.Г. Геллерштейна в Архив Института психологии РАН). Юлия Владимировна Котелова привлекла Носкову к преподавательской деятельности (курсы “Психология профессий” и “История психологии труда”).

Интерес О.Г. Носковой к истории психологии труда был поддержан профессором Е.А. Климовым, под руководством которого была подготовлена и защищена кандидатская диссертация О.Г. Носковой на тему “Психологические знания о труде и трудящихся в России конца XIX — начала XX века” (1986 г.). В 1998 году О.Г. Носкова защитила докторскую диссертацию на тему “История психологии труда в России. (1917–1957)”. Источниками ее идей и разработок послужили публикации Е.А. Климова, Е.А. Будиловой, А.Н. Ждан, А.Л. Журавлева, В.А. Кольцовой, Б.Ф. Ломова, В.М. Мунипова, Б.М. Теплова, А.А. Пископпеля, Л.П. и Г.П. Щедровицких, М.Г. Ярошевского.

В историко-психологических исследованиях О.Г. Носкова использовала разные методы: метод логической реконструкции психологических знаний из вненаучных текстов, количественный метод в оценке динамики тематических исследований в области отечественной психологии труда и инженерной психологии в 1980-е, 1990-е и нулевые годы

(по материалам кандидатских и докторских диссертаций). О.Г. Носковой изучено научно-психологическое наследие лидеров психологии труда (среди них — И.Н. Шпильрейн, С.Г. Геллерштейн, К.К. Платонов, А.И. Розенблюм, Ю.К. Стрелков, Е.А. Климов и др.). Работы О.Г. Носковой были методологически объединены в русле “Субъектно-деятельностного подхода” в историко-психологических исследованиях (2019 г.).

О.Г. Носкова читает в МГУ имени М.В. Ломоносова лекции по психологии труда, спецкурсы: “История психологии труда и организационной психологии”, “История прикладной психологии”

и др. Она — автор свыше 200 научных публикаций, среди них — учебники и учебные пособия по психологии труда, истории психологии труда. Под ее руководством были успешно завершены 2 докторские и 7 кандидатских диссертаций.

О.Г. Носкова является ассоциированным сотрудником лаборатории Истории психологии и исторической психологии Института психологии РАН, автором ряда статей в “Психологическом журнале”.

Редакция “Психологического журнала” поздравляет О.Г. Носкову с юбилеем, желает здоровья, творческих успехов и новых публикаций!